

ЗАПИСКИ ИИМК РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 21

St. Petersburg
2019

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 21

Санкт-Петербург
2019

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2019. № 21. 176 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2019. No. 21. 176 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских
Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 21 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Статьи» публикуются аналитические разработки и материалы как новых полевых изысканий (статьи В. Е. Щелинского с соавторами, Н. С. Мясникова с соавторами, М. Е. Килуновской и П. М. Леуса), так и исследований прошлых лет (работы Л. Б. Кирчо, Л. С. Ильюкова, Ю. В. Степановой с соавторами). Статья А. Д. Резепкина и М. А. Кульковой представляет первые результаты петрографического анализа керамики майкопской и новосвободненской культур. И. Ю. Шауб продолжает изучение изображений античного Боспора, а С. В. Белецкий — серию аналитических публикаций древнерусских княжеских знаков. Важность введения в научный оборот архивных данных и музейных коллекций многолетних раскопок в Старой Ладогe показана в статье В. А. Лапшина. В разделе «Из истории науки» воссоздана научная биография выдающегося отечественно-исследователя древнегреческого искусства и античной археологии В. К. Мальмберга. В журнале представлены также материалы разделов «Дискуссия» и «Хроника».

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 21st issue of the “Transactions of IHMC RAS” presents the results of recent studies and discoveries in archaeology and ancient history. The section of Research Papers contains publications of both new (articles by V. E. Shchelinsky with coauthors, N. S. Myasnikov with coauthors, and M. E. Kilunovskaya with P. M. Leus) and old (articles by L. B. Kircho, L. S. Il'yukov, and Yu. V. Stepanova with coauthors) analyses and materials. A. D. Rezepkin with M. A. Kulkova present the first results of petrographic analysis of pottery from the sites of the Maikop and Novosvobodnaya cultures. I. Yu. Schaub continues his research into the iconography of Ancient Bosphorus, while S. V. Beletsky proceeds with a series of publications devoted to the Old Russian princely symbols. The article by V. A. Lapshin is devoted to the archive materials and museum collections resulting from V. I. Ravdonika's excavations at Staraya Ladoga. V. A. Goroncharovsky's paper included in the section “From the History of Science” reconstructs the scholarly biography of an outstanding Russian researcher in the field of Ancient Greek art and archaeology V. K. Malmberg. In addition, the journal includes the sections “Discussion” and “Chronicle”.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В. Е. Щелинский, М. Ю. Лунёв, Е. В. Кузнецов.* Новые исследования раннепалеолитического местонахождения Игнатенков Куток на р. Псекупс в предгорьях Северо-Западного Кавказа..... 9
- А. Д. Резепкин, М. А. Кулькова.* Сравнительный анализ керамики из поселений майкопской и погребений новосвободненской культур по данным петрографических исследований 24
- Л. Б. Кирчо.* Антропоморфные статуэтки периодов позднего энеолита и ранней бронзы из раскопок В. И. Сарияниди на Улуг-депе (Южный Туркменистан)..... 41
- Л. С. Ильюков.* Повозки катакомбной культуры из Донского могильника на левобережье Нижнего Дона 49
- Н. С. Мясников, Л. А. Вязов, Н. Н. Скакун, В. В. Терёхина, Е. П. Михайлов.* Петроглиф из Ивановково-Ленинского городища Шолм в Среднем Посурье..... 63
- И. Ю. Шауб.* К вопросу об интерпретации образов дионисийского круга на монетах Пантикапея..... 73
- М. Е. Килуновская, П. М. Леус.* Знаки-тамги улуг-хемской культуры II–I вв. до н. э. в Туве 82
- В. А. Лапшин.* К материалам исследований В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладоге..... 92
- С. В. Белецкий.* Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях в публикациях В. В. Нечитайло 97
- Ю. В. Степанова, О. В. Орфинская, В. Ю. Соболев.* Курганные могильники у д. Кошево и пос. Волга (Тверская область): история изучения и материалы раскопок..... 125

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- В. А. Горончаровский.* «Сын античной мудрости...» (В. К. Мальмберг)..... 140

ДИСКУССИЯ

- А. Ю. Скаков.* К вопросу о местонахождении Фасиса, расселении гениохов и локализации кораксов 153

ХРОНИКА

<i>В. В. Гаевская, З. Г. Гайдакова.</i> «Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках»: краткие результаты работы Всероссийской археологической конференции (1–5 октября 2018 г., г. Сургут).....	166
--	-----

AD MEMORIA

<i>Дж. Ф. Хоффекер.</i> Деннис Дж. Стэнфорд (1943–2019)	171
Список сокращений	174

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

- V. E. Shchelinsky, M. Yu. Lunev, E. V. Kuznetsov.* New works at the Early Paleolithic site of Ignatenkov Kutok on the Psekups river, in the foothills of the Northwestern Caucasus..... 9
- A. D. Rezepkin, M. A. Kulkova.* Comparative analysis of pottery from the settlements of the Maikop culture and the burials of the Novosvobodnaya culture, with particular reference to the results of petrographic studies 24
- L. B. Kircho.* Late Eneolithic and Early Bronze Age anthropomorphic statuettes from V. I. Sarianidi's excavations at Ulug-depe (South Turkmenistan) 41
- L. S. Il'yukov.* Catacomb culture wagons from the Donskoy cemetery on the left bank of the Lower Don 49
- N. S. Myasnikov, L. A. Vyazov, N. N. Skakun, V. V. Terekhina, E. P. Mikhailov.* Petroglyph from the Sholm hillfort of Ivan'kovo-Lenino in the Middle Sura region..... 63
- I. Yu. Schaub.* Towards the interpretation of the Dionysian images on Panticapaeum coins 73
- M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus.* Tamga-like symbols of the Ulug-Khem culture of the II-I cc. BC in Tuva..... 82
- V. A. Lapshin.* Materials from V. I. Ravdonikas's excavations at Zemlyanoe gorodishche of Staraya Ladoga 92
- S. V. Beletsky.* Old Russian princely symbols on seals published by V. V. Nechitailo 97
- Yu. V. Stepanova, O. V. Orphinskaya, V. Yu. Sobolev.* Barrow cemeteries near the Koshevo village and the Volga township (Tver oblast): excavated materials and history of research 125

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

- V. A. Goroncharovsky.* «Son of Antique wisdom...» (V. K. Malmberg)..... 140

DISCUSSION

- A. Yu. Skakov.* Towards the questions of the location of Phasis, the dispersal of Heniochi and the whereabouts of Koraxoi..... 153

CHRONICLE

- V. V. Gaevskaya, Z. G. Gaidakova.* «Archaeology of the North of Russia: Yugra — the County of Novgorod the Great in the XI–XV centuries»: brief results of the All-Russia archaeological conference (October 1–5, 2018, Surgut)..... 166

AD MEMORIA

- J. F. Hoffecker.* Dennis J. Stanford (1943–2019) 171
- List of abbreviations 174

СТАТЬИ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ИГНАТЕНКОВ КУТОК НА Р. ПСЕКУПС В ПРЕДГОРЬЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА¹

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ, М. Ю. ЛУНЁВ, Е. В. КУЗНЕЦОВ²

Ключевые слова: ашель, ранний — средний плейстоцен, местонахождение Игнатенков Куток, Северо-Западный Кавказ.

В статье приведены предварительные результаты новых разведочных работ на известном раннепалеолитическом местонахождении Игнатенков Куток у ст. Саратовской в предгорьях Северо-Западного Кавказа, показаны его геологические условия и дана характеристика археологического материала, впервые найденного на нем *in situ*. Работы подтвердили давнее предположение А. А. Формозова о том, что собранные им на этом местонахождении на берегу р. Псекупс раннепалеолитические каменные изделия могли происходить из верхнего слоя галечников 35-метровой плейстоценовой террасы. Нам удалось найти этот галечник и с помощью двух расчисток обнаружить в нем около трех десятков каменных изделий ашельского облика, в том числе ашельское рубило, рубильце, трехгранный пик, пиковидное орудие и три остроконечных чоппера. Это весьма важное открытие, поскольку впервые на Северо-Западном Кавказе обнаружено ашельское местонахождение в ясном геохронологическом контексте. Возраст культуросодержащего слоя местонахождения по геоморфологическим данным (слой является русловым аллювием наиболее высокой, вероятно V, надпойменной террасы Псекупса) предварительно можно определить как поздний раннеплейстоценовый — ранний среднеплейстоценовый. Комплекс каменных изделий, выявленный в культуросодержащем слое местонахождения, пока небольшой (27 изделий). Однако состав и типология имеющихся в нем орудий ясно указывают на то, что он относится к ашелю, возможно раннему.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-9-23

Введение

Раннепалеолитическое местонахождение Игнатенков Куток расположено в предгорьях Северо-Западного Кавказа на левом берегу р. Псекупс (левый приток Кубани)

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-00-00592, и в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0008 «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)».

² В. Е. Щелинский — Экспериментально-трасологическая лаборатория, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; М. Ю. Лунёв и Е. В. Кузнецов — ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», г. Краснодар, 350000, Россия.

Рис. 1. Карта расположения раннепалеолитического местонахождения Игнатовкуток

Fig. 1. Location of the Early Paleolithic site of Ignatenkov Kutok

у ст. Саратовской, в 45 км к ЮВ от г. Краснодара (рис. 1). Оно давно известно в археологической литературе как место поверхностных сборов раннепалеолитических каменных изделий. Сборы подъемного материала производились на нем в разное время и разными исследователями. Предпринимались также попытки найти места первичного залегания каменных изделий, откуда они попадали в современное русло реки. Однако попытки эти были безрезультатными. Между тем это местонахождение связано с территорией, неплохо изученной в геологическом и палеонтологическом отношении, а значительная часть собранного на нем и в его окрестностях археологического

материала имеет все признаки технологии ашеля, весьма малоизученного на Северо-Западном Кавказе и известного здесь лишь по редким случайным находкам ручных рубил, не имеющих геологических и хроностратиграфических привязок. Поэтому было решено продолжить исследование этого местонахождения. В статье приведены предварительные результаты новых разведочных работ на местонахождении Игнатовкуток, показаны его геологические условия и дана характеристика археологического материала, впервые найденного на нем *in situ*.

Об истории изучения местонахождения

Первые единичные каменные изделия на р. Псекупс были найдены в 1934 и 1947 гг. Н. В. Анфимовым у хут. Прицепиловка вблизи ст. Бакинской на поверхности галечника I надпойменной террасы (рис. 2). Эти находки были опубликованы С. Н. Замятниным (1949: 494–495) и привлекли внимание А. А. Формозова. В 1950 г. он побывал в районе ст. Бакинской и обнаружил в русле реки еще десяток окатанных архаичных отщепов (Формозов 1952: 36). Почти в то же время в Краснодарский краеведческий музей поступило ашельское ручное рубило, найденное Б. В. Бурхановым в пойме выше по течению реки, несколько севернее ст. Саратовской. Приблизительно указанное место находки было осмотрено С. Н. Замятниным. При этом была собрана дополнительная небольшая коллекция окатанных каменных изделий, включающая еще одно ашельское ручное рубило, нуклеус и отщепы. Река Псекупс в районе находок, как отметил С. Н. Замятнин, течет по узкой (20–30 м) долине, прорезанной в песчано-глинисто-галечных отложениях. Склоны долины крутые, нередко почти отвесные и незадернованные. Высота их от уровня реки до бровки — 15–17 м. Каменные изделия, по мнению С. Н. Замятнина, попали

в русло в результате размыва галечников, обнажавшихся в склонах долины реки (Замятнин 1961: 63–66).

В 1957 г. А. А. Формозов прошел все течение реки, в результате чего было зафиксировано 13 пунктов находок каменных изделий (рис. 2), отнесенных им к древнему палеолиту. Большинство находок обнаружено в русле реки на галечном пляже. Эти находки окатанные и, несомненно, были многократно переотложены. Иная ситуация была зафиксирована в пункте 3 на левом берегу Псекупса, находящемся в урочище Игнатенков Куток приблизительно в 2 км от ст. Саратовской вниз по реке. В этом месте каменные изделия были относительно многочисленны (более 50 экз.). При этом обнаружены они непосредственно под обнажением древней террасы Псекупса, откуда, как предполагал исследователь, они и выпали. Среди находок были почти неокатанные отщепы (Формозов 1960: 13–14). Находки эти, к сожалению, не опубликованы. Обследование района находок, проведенное с геологом Н. А. Лебедевой, показало, что распространение их связано с участком, где река прорезает террасу высотой 35 м. В отложениях ее были установлены три слоя галечников. Палеолитические каменные изделия, по мнению исследователей, могли происходить только из верхнего галечника этой террасы, поскольку «нижний слой галечника (конгломерат) слишком древен, чтобы быть синхронным древнему палеолиту (по найденной в нем фауне крупных млекопитающих он датировался поздним плиоценом, когда, как полагал А. А. Формозов, первобытных людей не могло быть на территории России), а средний слой галечника содержал мелкий материал — гравий» (Там же: 14). Этому предположению не противоречил и анализ петрографического состава галек по слоям. Гальки черного и желтого кремня, из которого сделаны изделия, найденные в Игнатенковом Кутке под обнажением 35-метровой террасы, были зафиксированы только в верхнем слое галечника (Формозов 1962: 22; 1965: 19). Однако изделий в этом галечнике не было найдено, несмотря на их целенаправленные поиски с помощью расчистки берегового обнажения террасы (Формозов 1965: 19).

В том же 1957 г. на р. Псекупс работала М. З. Паничкина, выявившая между ст. Бакинской и Саратовской 11 пунктов находок каменных палеолитических изделий. В основном это были сборы на песчано-галечных отмелях русла реки. Вместе с тем небольшую коллекцию изделий она собрала и в урочище Игнатенков Куток непосредственно на осыпи крутого берега (Паничкина 1961: 51–57). На месте находок в береговом обрыве М. З. Паничкина также наблюдала три горизонта галечника. Самым мощным из них был верхний, хорошо видимый горизонт. Средний горизонт прослеживался слабо. Нижний же галечниковый горизонт почти полностью был закрыт осыпью. На некоторых каменных изделиях сохранились пятна и натёки, похожие на железистые натёки на гальках из верхнего горизонта галечника. На этом основании собранные на осыпи изделия М. З. Паничкина, вслед за А. А. Формозовым, связывала с этим горизонтом галечника (Там же: 57). Однако это предположение также не было подтверждено находками изделий в самом галечнике.

Наконец, летом 1964 г. у обнажения террасы, под которым М. З. Паничкиной были собраны палеолитические изделия, побывали с экскурсией геологи А. А. Величко, И. К. Иванова, В. М. Муратов и археологи Н. Д. Праслов и В. Е. Щелинский. При этом в осыпи под верхним галечником на высоте 4–5 м над урезом воды

Н. Д. Прасловым было найдено несколько архаичных каменных изделий, включая ашельское ручное рубило (Величко и др. 1969: 34; Праслов 1984: 27).

О геологическом возрасте раннепалеолитических находок в Игнатенковом Кутке высказаны разные, мало обоснованные суждения. Так, Г. И. Горецкий определял 35-метровую террасу Псекупса как VI надпойменную террасу, считая ее раннеплейстоценовой, миндельской (Формозов 1960: 16; 1965: 19). В. М. Муратов, напротив, полагал, что на участке Игнатенкова Кутка Псекупс размывает свою IV террасу высотой 25–30 м, и раннепалеолитические изделия поступают на бечевник реки из галечников именно этой террасы (Величко и др. 1969: 34). Возраст ее, по его мнению, среднечетвертичный, а морским аналогом являются древнеэвксинские террасы черноморского побережья (Там же).

Более правдоподобным представляется заключение А. А. Формозова, согласно которому раннепалеолитические каменные изделия, найденные на поверхности в Игнатенковом Кутке, в технико-типологическом отношении могут быть отнесены к шеллю (раннему ашелю). При этом в первичном залегании они могли находиться в верхнем слое галечника 35-метровой террасы, непосредственно перекрывающем плиоценовые отложения этой террасы и датированном примерно миндельским временем (Формозов 1965: 19). Наши исследования во многом подтверждают это предположение А. А. Формозова.

Геологические условия и возраст местонахождения

Местонахождение Игнатенков Куток в настоящее время находится на северной окраине ст. Саратовской на левом берегу Псекупса в пределах водоохранной зоны этого населенного пункта. По А. А. Формозову (1960), оно соответствует пункту 3 его сборов подъемного археологического материала в долине этой реки (рис. 2).

Геологию района Игнатенкова Кутка детально исследовала в 1957–1961 и 1972–1973 гг. Н. А. Лебедева. По ее наблюдениям, в районе этого местонахождения р. Псекупс прорезает поверхность волнисто-увалистой Закубанской предгорной равнины, понижающейся пологими уступами к северу, в направлении р. Кубань. В крутом левом берегу реки, начиная от северной окраины ст. Саратовской и ниже по течению на протяжении нескольких сотен метров, она исследовала несколько обнажений, в которых было видно строение толщи отложений, слагающих террасу высотой 30–35 м над уровнем реки. Н. А. Лебедевой был составлен и подробно описан сводный разрез всей толщи отложений этой террасы (Лебедева 1978: 67–68). Приведем его с некоторыми сокращениями (описание слоев снизу вверх).

1. Глины синие, с ярко-голубыми пятнами, серовато-синие, темно-серые, вязкие, пластичные, обнаруживают тонкую горизонтальную слоистость, обусловленную чередованием глин разного оттенка и степени опесчаненности. Переслаиваются с глинистыми синими или буровато-охристыми ожелезненными песками. В глинах в большом количестве встречаются крупные куски обугленной древесины, обломки стволов деревьев, отпечатки листьев. На разных уровнях глины расслоены редкими линзами ожелезненного конгломерата рыжевато-коричневого и сизо-бурого цвета, состоящего из плоских и угловатых галек песчаников, кремнистых сланцев, кварца. В опесчаненных прослоях глин встречены скопления раковин *Unio tatanensis*. Найдена также кость конечности слона. Кровля глин понижается вниз по реке от 7–8 м до уреза реки.

Рис. 2. Пункты сборов (1–13) А. А. Формозовым палеолитических каменных изделий в долине р. Псекупс (по: Формозов 1960, с изменениями)

Fig. 2. Surface occurrences in the Psekups river valley (1–13) where A. A. Formozov collected stone artifacts (after Формозов 1960, with modifications)

2. Переслаивание сизовато-серых алевритов и алевритовых песков с линзами гравия. Залегают на слое 1 с незаметным постепенным переходом.

3. Горизонтальное переслаивание грубых пloyчатых супесей мозаично-пятнистых, с пятнами и разводами красного, желтого, сизовато-серого цвета, глинистых уплотненных песков и линз ожелезненного гравия красновато-ржавого цвета. Участками слой сильно обогащен песком и гравием и с трудом отличается от песчано-галечного слоя 5. Местами наблюдается вклинивание пород слоя в вышележащие галечники. Обнаружены скопления раковин пресноводных моллюсков *Unio tamanensis*.

4. В кровле слоя 3 местами развиты красновато-желтые и серые глины.

5. Пески крупнозернистые, рыжевато-серые и кофейно-коричневые, линзовидно-и косослоистые, с прослоями гравия и галечника. Материал слоя ожелезнен, покрыт

бурым, местами черным сажистым налетом. Этот слой указывается В. И. Грозовым (1948) как точное место находки остатков скелета *Rhinoceros etruscus*, а также остатков *Equus stenonis*, *Archdiskodon meridionalis* и *Bos* sp. В этом же слое найдены обломок зуба *Cervus* gen. indet. и остатки мелких млекопитающих. Из верхней части слоя собрана коллекция пресноводной фауны с *Fagotia* типа *esperii*, *Pupilla muscorum* L. (?), *Limnaea* sp. (cf. *truncatula*), *Lithoglyphus* cf. *pyramidatus*, *L. naticoides*. Нижняя граница слоя местами четкая и имеет как бы характер поверхности размыва, но местами эта граница весьма расплывчата, слой соединен с подстилающими породами фациальными переходами и образует с ними единую линзовидно-слоистую пачку.

6. Алевриты озерного типа, голубовато-серые и палево-желтые, тонкогоризонтальнослоистые с редкими прослоями мергелей, голубовато-серых глин и глинистых песков, количество которых возрастает вверх по разрезу, залегают среди песчано-гравийной толщи в виде коротких линз. Из верхней части песков определен зуб *Eucladoceros* (?) sp. В кровле слоя местами прослеживается пласт (0,5 м) плотного «каменного» песчаника.

7. Глины синие, с ярко-голубыми пятнами, с прослоями тонкослоистых синих песков и ожелезненных гравелитов. Содержат разрушенные раковины унионид и анодонт, растительные остатки. Залегают среди песчаной толщи в виде коротких, быстро выклинивающихся линз мощностью до 10–15 м. Литологически являются полным аналогом синих глин слоя 1.

8. Галечники, состоящие из хорошо окатанных галек песчаника, редких галек кристаллических сланцев, кварца, отличаются от нижележащих галечных прослоев в слое 5 большими размерами галек, значительной примесью в нижней части слоя валунчиков до 10–15 см в диаметре, несколько меньшей цементацией. В южной части разреза слой разделен песками и алевритами на несколько прослоев, в которых местами наблюдаются мелкие флексуобразные смятия слоев. Контакт галечников с подстилающими породами местами носит характер размыва, но нередко наблюдается вклинивание нижележащих песков в толщу галечников или постепенный переход к ним.

Именно в этих галечниках, как предполагал А. А. Формозов, могли первоначально находиться раннепалеолитические каменные изделия, собранные им под обнажением высокой террасы в урочище Игнатенков Куток.

9. Песчанистый алеврит и алевритовый уплотненный песок мозаично-пятнистый, желто-палевый с голубыми пятнами, кверху переходящий в грубые песчанистые суглинки делювиального типа.

Описанный разрез, по мнению Н. А. Лебедевой, представляет собой толщу осадочных озерно-дельтовых отложений. В низах ее мелкогалечные ожелезненные конгломераты и пески в виде небольших линз включены в толщу синих тонкослоистых озерных глин. В середине толщи фон составляют пески с перемежающимися слоями ожелезненных гравелитов и галечников, тогда как синие озерные глины и алевриты представлены здесь в виде отдельных линз. В верхах толщи развит слой галечника, состоящий из крупных галек с примесью валунов. Синие глины здесь отсутствуют. Такое строение толщи, как полагает Н. А. Лебедева, «отражает закономерное изменение во времени режима осадконакопления. Очевидно, в связи с отодвиганием к северу берега озерного бассейна или лимана и открывавшейся в него дельты происходило постепенное выдвигание русла горной реки

с накоплением характерного для нее грубообломочного руслового аллювия. Тем самым, вся эта толща относится к единому этапу осадконакопления, и отдельные ее части близки друг другу по возрасту» (Лебедева 1978: 65–67).

Возраст описанной толщи отложений определяется найденной в ней фауной млекопитающих и моллюсков (слои 1–7).

Фауна моллюсков из слоев 1 и 3 была изучена Г. И. Поповым и В. В. Богачёвым. Из слоя 1 Г. И. Поповым определены *Unio tamanensis* Ebers. (60 экз.), а из слоя 3 — более разнообразные формы: *Unio tamanensis*, *U. subcrassus* sp. n., *U. cf. kujalnicensis*, *Anadonta* aff. *transcaucasica*, *Melanopsis esperoides*, *Lithoglyphus neumayri*, *Volvata sibirica*, *Hydrobia* cf. *syrmica*, *Corbicula* aff. *jassinensis*, *Sphaerium* sp., *Viviparus* sp. Возраст этой фауны, по его мнению, средне- или верхнеакчагыльский. В. В. Богачёв относил ее к нижнему — среднему акчагылу. Мнение Г. И. Попова представляется Н. А. Лебедевой более убедительным, поскольку подтверждается данными по фауне млекопитающих (Там же: 69).

Из слоя 5 Л. П. Александровой были изучены полевки *Pliomis kretzoi* Kowalski, *Villanya petenyii* Mehely, *V. fejervaryi* (Kermos), *V. exilis* Kretzoi, *Cseria* cf. *gracilic jachimovitcii* Suchov, *Cseria* sp., *Ellobius* cf. *tarchancutensis* Topachevski. Эту фауну она выделила как самостоятельную группировку, «несколько более позднюю, чем фауна хаправского комплекса, но более раннюю, чем фауна одесского комплекса». Слой 5 соединен со слоями 3–4 (с акчагыльскими *Unio tamanensis*) фаціальным переходом, и поэтому группировка мелких млекопитающих, исследованная Л. П. Александровой, датируется верхним акчагылом (Там же: 70).

Остатки крупных млекопитающих с *Archidiskodon meridionalis meridionalis* из псекупского разреза, изученные В. И. Грозовым и выделенные в ранге особого псекупского фаунистического комплекса (Грозов 1984), по мнению Н. А. Лебедевой, также имеют верхнеакчагыльский возраст (Лебедева 1978: 69).

Таким образом, толща отложений 30–35-метровой террасы, включая верхний галечник (слой 8), на местонахождении Игнатенков Куток, согласно Н. А. Лебедевой, относится к одному циклу осадконакопления (кроме покровных суглинков) и датируется по биостратиграфическим данным средним — верхним акчагылом раннего плейстоцена. Так ли это на самом деле или же между галечником верхней части толщи и подстилающими его отложениями был все же некоторый хронологический перерыв, пока не совсем ясно. Однако это весьма важный вопрос, и он нуждается в решении, поскольку галечник, о котором идет речь, как нам удалось установить, является культуросодержащим слоем и включает в себя раннепалеолитический археологический материал.

Для поиска и исследования верхнего галечника 30–35-метровой террасы на местонахождении Игнатенков Куток нами были сделаны две расчистки площадью 1,5 × 2,0 м и глубиной от 3 до 5 м каждая, расположенные на расстоянии 70 м одна от другой.

Основной по полноте расчищенного разреза является расчистка 2. Она находится в 170 м к СВ от триангуляционного знака с абсолютной отметкой 78,8 м, который можно видеть слева (в 55 м) от дороги Краснодар–Апшеронск при въезде в ст. Саратовскую. Координаты: 44°43'24.60" СШ, 39°13'35.07" ВД. Расчистка располагается в том месте, где поверхность 30–35-метровой террасы имеет отметку 32,3 м над весенним (наиболее высоким) уровнем р. Псекупс. Она была поставлена

на обрывистом (около 80°) и сплошь заросшем лесом склоне террасы на отметке 26,5 м над рекой.

Верхний галечник террасы (слой 8 разреза, описанного Н. А. Лебедевой, см. выше) был обнаружен на глубине 8,8 м от поверхности. Относительные отметки его кровли и подошвы — 23,5 м и 21,5 м соответственно. Этот галечник оказался мощным 2-метровым слоем древнего руслового аллювия, перекрытым не менее мощным слоем пойменной супеси. Его основные литологические признаки следующие (рис. 3).

Галечник от крупного до мелкого, с валунчиками до 25–30 см преимущественно в нижней части слоя и на контакте с подстилающим слоем, с глинистым песчано-гравийным заполнителем, довольно плотный, местами с прочными корочками, образованными железисто-карбонатной цементацией, пестроцветный, в основном ржаво-желто-коричневый, внизу коричневато-серый, местами почти черный из-за интенсивной окрашенности гидроокислами железа и марганца, отчетливо горизонтально-слоистый, с прослоями от 10–15 см до 20–40 см, по-разному насыщенными галькой разных размеров, гравием, песком, встречаются окатыши и прослойки желтой глины, гальки и гравийные зерна хорошо окатанные, невыветрелые, представлены песчаниками, известняками, кварцитами, нередко гальки белого кварца, черного лидита, окатанные конкреции неоднородного желто-серого кремня. Галечник залегает на палево-желтой, местами оранжевой песчанистой глине. Контакт с ней неровный, с карманами и клиньями вмывания в нее галек и гравия.

В галечнике были обнаружены довольно многочисленные раннепалеолитические каменные изделия. При этом они залегали преимущественно в нижней части слоя, в интервале 20–30 см от его подошвы, и иногда — на контакте с нижележащим слоем глины.

Галечник перекрыт пойменной сизо-желто-коричневой глинистой супесью видимой мощностью около 2 м. Вышележащие отложения на месте расчистки закрыты осыпью. Однако примерно в 200 м ниже по реке, в расчищенном нами обнажении обрыва террасы, хорошо видно, что поверх этой пойменной супеси залегает толща (около 7 м) палевых суглинков, на которых сформировалась современная почва.

Аналогичный галечник с раннепалеолитическими каменными изделиями, также залегающими главным образом в его нижней части, был вскрыт и исследован и в расчистке 1, поставленной на таком же обрывистом склоне террасы несколько ниже по реке.

Геологическая позиция исследованного культуросодержащего галечника, на наш взгляд, свидетельствует о его вероятном раннеплейстоценовом возрасте. На это указывает не только вполне возможная, как предполагала Н. А. Лебедева, генетическая связь этого слоя с нижележащими, несомненно, раннеплейстоценовыми отложениями, что доказано найденной в них фауной моллюсков и млекопитающих. Показательно также положение в рельефе толщи отложений, включающей культуросодержащий слой. Как отмечалось, эта толща образует наиболее высокую в округе 30–35-метровую террасу Псекупса. При этом в окрестностях местонахождения хорошо видно, что эта терраса четкими уступами отделяется от серии других, более низких, террас. Одну из них, высотой около 25 м, В. М. Муратов считал IV надпойменной террасой и датировал средним плейстоценом (Величко и др.

Рис. 3. Раннепалеолитическое местонахождение Игнатенков Куток, расчистка 2, разрез отложений на западной стенке, вид с В: 1 — палево-желтая песчаная глина; 2 — верхний галечник 35-метровой террасы р. Псекупс (культуросодержащий слой); 3 — сизо-желто-коричневая глинистая супесь; 4 — осыпь

Fig. 3. Early Paleolithic site of Ignatenkov Kutok, stratigraphic cut 2, western wall, east view: 1 — pale-yellow sandy clay; 2 — upper gravel layer of the 35-m high terrace of the Psekups (culture-bearing layer); 3 — gray-yellow-brown sandy loam; 4 — scree

1969: 34). Наши предварительные археологические работы на этой террасе в районе пос. Сорокин, в 1 км от Игнатенкова Кутка ниже по реке, подтверждают ее среднеплейстоценовый возраст. С учетом этого 30–35-метровую террасу с культуросодержащим слоем галечника логично считать V надпойменной террасой Псекупса и соотносить ее приблизительно со временем формирования раннеплейстоценовых чаудинских террас Чёрного моря. Предстоящие естественно-научные исследования на местонахождении позволят уточнить его геологический возраст.

Археологический материал местонахождения: общая характеристика

В культуросодержащем слое местонахождения Игнатенков Куток в обеих расчистках были обнаружены довольно многочисленные раннепалеолитические каменные изделия (рис. 4–5). Всего найдено 27 изделий (15 экз. — из расчистки 1 и 12 экз. — из расчистки 2).

Сырье и сохранность изделий. Изделия изготовлены из разного сырья:

- из кремня (8 экз.) (кремень темно-серый, серый, желтовато-серый в виде галек и обломков расколотых галек и конкреций);
- из кварцита (6 экз.) (кварцит серый и светло-серый с различными оттенками в виде галек и обломков расколотых галек);
- из кремнистого песчаника (6 экз.) (песчаник серый и светло-серый в виде галек и обломков расколотых галек);
- из кремнистого известняка (4 экз.) (известняк светло-серый в виде галек);
- из кварца (3 экз.) (кварц белесый и светло-серый в виде галек).

Это сырье встречается в самом галечнике среди галек из других горных пород.

Изделия имеют разную сохранность, довольно сильно патинизированы. Несомненно больше половины из них (15 экз.) в разной степени окатаны. Однако другие изделия (12 экз.) почти не окатаны.

Состав изделий. Комплекс изделий включает 21 орудие, среди которых: ручное рубило; рубильце; пик-трегранник, двусторонне обработанный; пиковидные односторонне обработанные орудия (2 экз.); остроконечные чопперы (3 экз.); орудия с грубо заостренным концом (2 экз.); зубчато-выемчатое орудие; гальки и обломки камня с частично обработанным краем (10 экз.). Найдены также 3 отщепы, 2 нуклеуса и расколота галька.

Представленный комплекс изделий в технологическом плане, безусловно, некомплектен, поскольку в нем мало отщепов и нуклеусов и нет орудий из отщепов. Несомненно, это связано с весьма небольшой пока площадью раскопок культуросодержащего слоя. Однако надо учитывать и тафономические особенности местонахождения, залегание археологического материала в аллювии, где он, наверняка, подвергался некоторой естественной водной сортировке в процессе накопления и после него.

Несмотря на неполноту комплекса, в нем отчетливо проявляются характерные технологические и типологические признаки изделий, важные для его культурно-хронологической атрибуции. Показательно наличие в нем орудий ашельских категорий. Остановимся на некоторых из них.

Прежде всего, обращает на себя внимание выразительное ручное рубило (рис. 4, 2а, 2б). Оно сравнительно небольшое (9,5 × 9,2 × 5,1 см), изготовлено из гальки кремнистого песчаника, не вполне симметричное, подтреугольной формы,

двояковыпуклое в поперечном сечении, наибольшей толщиной и шириной его — в нижней половине. Верхняя сторона обработана единичными крупными снятиями, и на значительной ее части сохраняется галечная корка. Нижняя сторона сплошь оббита преимущественно крупными разнонаправленными сколами. Боковые края прямые и только вблизи пятки выпуклые. Один из них тонкий, другой — толстый, с обивкой почти под прямым углом. Дистальный конец в виде тонкого острия. Пятка прямая, немного скошенная по отношению к продольной оси орудия, оббита вертикальными сколами. Орудие покрыто коричнево-желтой патиной, окатано. Отделка и форма орудия не лишены некоторой архаики.

Примечателен также классический пик-трехгранник (рис. 4, 1а, 1б). Это орудие тоже сравнительно небольшое ($7,2 \times 6,7 \times 4,0$ см). Оно изготовлено из гальки (по-видимому, расколотой) светло-серого кварцита, не вполне правильной миндалевидной формы, с треугольным поперечным сечением. Верхняя сторона выпуклая, обработана единичными крупными снятиями. Нижняя сторона плоская и сплошь оббита уплощающими разнонаправленными сколами. Боковые лезвия не протягиваются по всей длине орудия. Одно из них слегка выпуклое, другое — немного вогнутое. Рабочий (дистальный) конец хорошо оформлен, в виде толстого острия. Орудие покрыто серовато-коричневой патиной и окатано.

К категории пиков можно отнести и имеющееся в коллекции крупное пиковидное орудие ($14,3 \times 9,2 \times 5,6$ см) (рис. 5, 2). Орудие изготовлено из обломка расколотой гальки серого кварцита удлинённой подтреугольной формы, с ромбовидным поперечным сечением. Боковые края извилистые, грубо обработаны сколами и разреженной ретушью (один край обработан более интенсивно). Рабочий (дистальный) конец узкий, тонкий, долотовидный, оформлен плоскими продольными сколами. Хорошо выражена пятка — наиболее толстая часть орудия. Она практически не обработана. Гладкая галечная корка на ней обеспечивала удобный захват орудия рукой. Орудие покрыто серовато-коричневой патиной и лишь слегка окатано.

Из других орудий, представленных в комплексе и являющихся важным культурно-хронологическим показателем, следует отметить три остроконечных чоппера (рис. 5, 1). Эти чопперы, в отличие от простых чопперов (отсутствуют в коллекции), характерных для индустрий доашельской поры раннего палеолита и являвшихся в основном нуклеусами, несомненно были изготовлены как специальные орудия. Применялись они, как и ручные рубила и пики, скорее всего, в качестве режущих и рубящих орудий в основном для разделки туш животных.

В технологии изготовления орудий комплекса довольно отчетливо прослеживаются две особенности. Первая особенность заключается в том, что использовалось местное сырье, происходящее из аллювия и состоящее не только из кремня, но и других изотропных пород камня (кварцит, кремнистый песчаник, известняк, кварц). Вторая особенность технологии проявляется в том, что заготовками для орудий часто служили целые отобранные гальки, а также обломки, видимо, специально раскалываемых галек и кремневых конкреций.

Выводы и заключение

Наши работы на местонахождении Игнатенков Куток подтвердили давнее предположение А. А. Формозова о том, что собранные им на этом местонахождении на берегу р. Псекупс раннепалеолитические каменные изделия могли происходить

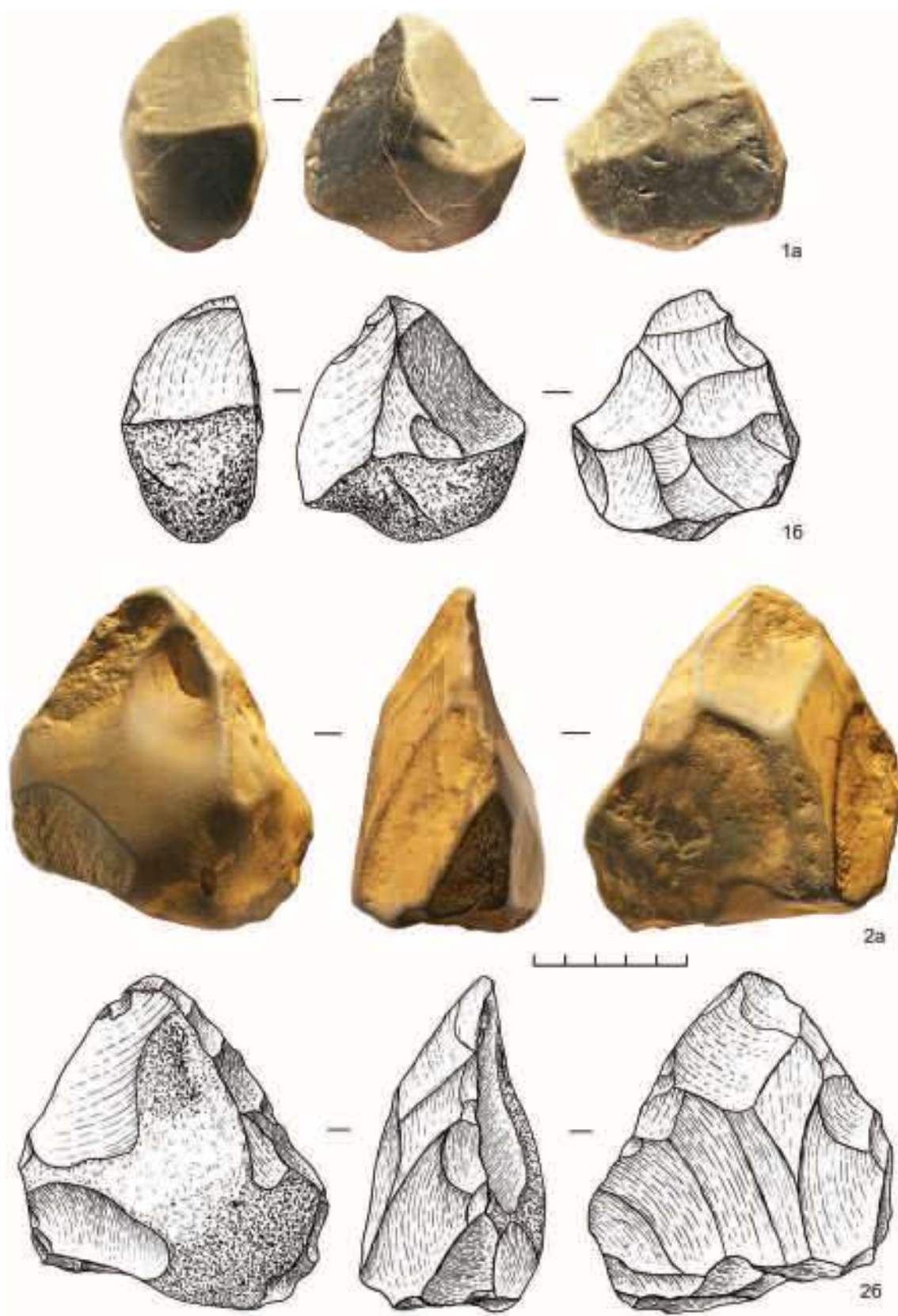

Рис. 4. Каменные орудия из культуросодержащего слоя раннепалеолитического местонахождения Игнатенков Куток: 1а, 1б — пик-трехгранник из расколотой гальки кварцита; 2а, 2б — ручное рубило из гальки кремнистого песчаника (фотографии и рисунки)

Fig. 4. Stone tools from the culture-bearing layer of the Early Paleolithic site of Ignatenkov Kutok: 1a, 1b — trihedral pick on a split quartzite pebble; 2a, 2b — hand axe made of a pebble of siliceous sandstone (photographs and drawings)

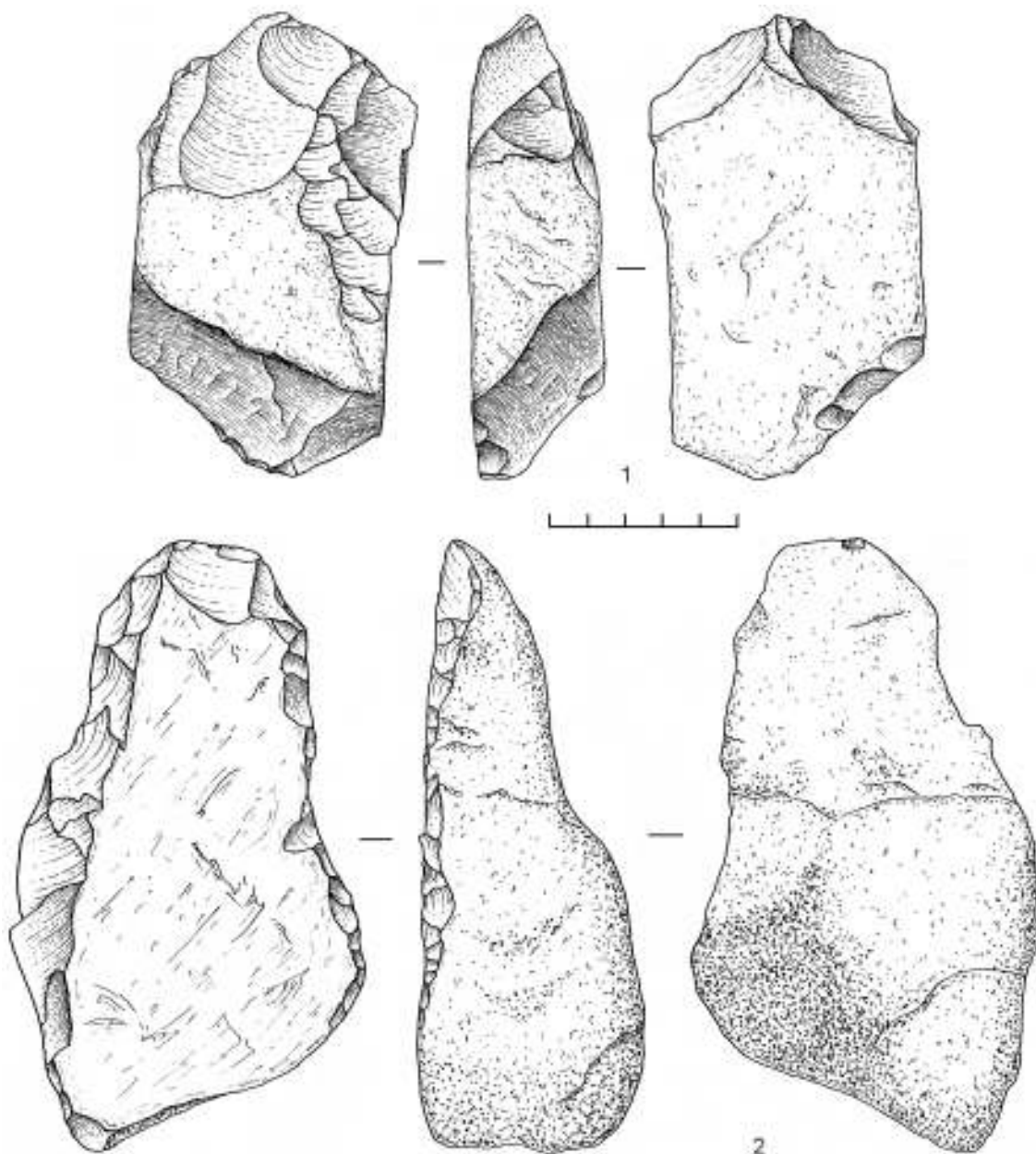

Рис. 5. Каменные орудия из культуросодержащего слоя раннепалеолитического местонахождения Игнатенков Куток: 1 — остроконечный чоппер из гальки желтоватого кремня; 2 — пиковидное орудие из обломка расколотой гальки кварцита

Fig. 5. Stone tools from the culture-bearing layer of the Early Paleolithic site of Ignatenkov Kutok: 1 — pointed chopper on a yellowish flint pebble; 2 — pick-like tool on a fragment of a split quartzite pebble

из верхнего слоя галечников раннеплейстоценовой 35-метровой террасы. Нам удалось найти этот слой галечника и предварительно исследовать его с помощью двух расчисток. Исследования показали, что этот галечник действительно является культуросодержащим слоем и содержит раннепалеолитические каменные изделия, залегающие в определенной мере *in situ*. Это весьма важное открытие, поскольку впервые на Северо-Западном Кавказе обнаружено местонахождение раннего палеолита, археологический материал которого имеет четкую геохронологическую позицию. Возраст культуросодержащего слоя местонахождения, по геоморфологическим данным (слой является русловым аллювием наиболее высокой, вероятно V, надпойменной террасы Псекупса), предварительно можно определить как поздний раннеплейстоценовый — ранний среднеплейстоценовый. Каменные изделия залегают преимущественно в самой нижней части 2-метрового слоя галечника и довольно многочисленны. Интересно, что почти половина найденных изделий окатана, тогда как другие изделия имеют лишь слегка оглаженную водой поверхность. Объяснение этому может быть двояким: археологический материал накапливался в древности непосредственно на пляже/низкой пойме реки, а потом был частично размыв во время паводков, или же он был вымыт при отложении галечника из подстилающих его более древних отложений. Оба предположения нуждаются в дальнейшем обосновании.

Комплекс каменных изделий, выявленный в верхнем галечнике местонахождения, пока небольшой (27 экз.) и технологически неполон. Тем не менее его состав и типология имеющихся в нем орудий ясно указывают на то, что он относится к ашелю, возможно, даже к раннему ашелю. Планируемое продолжение исследований этого местонахождения позволит получить о нем больше информации.

Литература

- Величко и др. 1969 — Величко А. А., Иванова И. К., Муратов В. М. Геологическая история Русской равнины, Крыма и Кавказа в плейстоцене и возраст палеолитических культур // Герасимов И. П. (гл. ред.). Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969. С. 8–41.
- Громов 1948 — Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). М., 1948. 521 с. (Тр. Института геологических наук. Т. 48. Геологическая серия. № 17).
- Замятнин 1949 — Замятнин С. Н. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани // Толстов С. П. (отв. ред.). Сборник Музея антропологии и этнографии: научные статьи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 485–498.
- Замятнин 1961 — Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. Подготовлено к печати М. З. Паничкиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 176 с.
- Лебедева 1978 — Лебедева Н. А. Корреляция антропогенных толщ Понто-Каспия. М.: Наука, 1978. 136 с.
- Паничкина 1961 — Паничкина М. З. Новые палеолитические находки на реке Псекупс (Кубань) // КСИА. 1961. Вып. 82. С. 49–58.
- Праслов 1984 — Праслов Н. Д. Развитие природной среды на территории СССР в антропогене и проблема хронологии и периодизации палеолита // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 23–40 (Археология СССР).

Формозов 1952 — *Формозов А. А.* Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья (По данным разведок 1950 года) // КСИИМК. 1952. Вып. 46. С. 31–41.

Формозов 1960 — *Формозов А. А.* Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году // КСИА. 1960. Вып. 78. С. 13–21.

Формозов 1962 — *Формозов А. А.* Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья // СА. 1962. № 4. С. 17–27.

Формозов 1965 — *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.

NEW WORKS AT THE EARLY PALEOLITHIC SITE OF IGNATENKOV KUTOK ON THE PSEKUPS RIVER IN THE FOOTHILLS OF THE NORTHWESTERN CAUCASUS

V. E. SHCHELINSKY, M. YU. LUNEV, E. V. KUZNETSOV

Keywords: *Acheulean, Early Pleistocene, Middle Pleistocene, Ignatenkov Kutok, Northwestern Caucasus.*

The paper presents preliminary results of new prospecting works at the Early Paleolithic site of Ignatenkov Kutok near the stanitsa (Cossack village) of Saratovskaya in the foothills of the Northwestern Caucasus. Special attention is paid to the description of archaeological materials, which were for the first time found *in situ*, and to the description of their geological setting. The works confirmed A. A. Formozov's old idea that the Early Paleolithic stone tools collected by him on the bank of the Psekups might have originated from the upper gravel layer of the 35-m high Pleistocene terrace. We were able to locate this layer and to find there about 30 stone artifacts of Acheulean aspect, including an Acheulean handaxe, a small handaxe, a trihedral pick, a pick-like tool and three pointed choppers. The importance of this discovery lies in the fact that it is for the first time that an Acheulean site in the Northwestern Caucasus have been found in a clear geochronological context. On the basis of the geomorphological evidence the culture-bearing layer (the channel alluvium of what seems to be the highest 5th terrace of the Psekups) can tentatively be dated to the late Early Pleistocene — early Middle Pleistocene. The lithic assemblage is not big (27 artifacts). However, both its composition and typology point to the Acheulean (may be Early Acheulean) age.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ МАЙКОПСКОЙ И ПОГРЕБЕНИЙ НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ КУЛЬТУР ПО ДАННЫМ ПЕТРОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

А. Д. РЕЗЕПКИН, М. А. КУЛЬКОВА²

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, майкопская культура, новосвободненская культура, методы, типы глин, примеси, обжиг.

Петрографический анализ керамики как новосвободненской, так и майкопской культуры до сих пор не проводился. В данной работе проанализирован 51 образец керамики из шести поселений майкопской культуры и 19 образцов из погребений курганного могильника Клады новосвободненской культуры.

В результате выяснено, что состав глиняной массы, применяемой в изготовлении керамики, был весьма разнообразен. Керамика изготовлена как из известковых, монтмориллонитовых, гидрослюдистых, каолинитовых глин, так и из смешанных. Причем почти половина сосудов (9 экз.) изготовлена из известковых и монтмориллонитовых глин. Также разнообразен и состав добавок — песок, шамот, дробленые известняк и дресва. Меньше всего (4 экз.) фрагментов сосудов из теста без добавок. Сосуды подвергались как окислительному, так и восстановительному обжигу. Комбинированному окислительно-восстановительному обжигу были подвергнуты всего 3 экз. Проведен сравнительный анализ технологических особенностей майкопской и новосвободненской керамики. Таким образом, петрографические методы исследования керамики показали, что носители новосвободненской культуры использовали более широкий ассортимент глин и более сложную технологию изготовления керамики (более высокие температуры, сложный состав керамической массы). Одной из особенностей майкопской керамики является окислительный обжиг и более низкие, по сравнению с новосвободненской керамикой, температуры обжига. Но обе культуры обладали большим опытом керамического производства, что позволяло использовать широкий ассортимент глин, в том числе и в комбинациях, и разнообразные способы обжига сосудов.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-24-40

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² А. Д. Резепкин — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; М. А. Кулькова — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Введение

Изучение технологии изготовления древней керамики является важной задачей в археологии. Реконструкция составов керамического теста, технологических приемов изготовления, условий обжига, методов лепки и орнаментации существенна для понимания хозяйственной и экономической деятельности древних сообществ. Изучение минералого-геохимического состава древней керамики в последнее время приобретает особое значение. Изучение минерального состава глин и отошителей, используемых древними гончарами, позволяет предположить составы рецептов керамического теста и выявить возможные источники природного сырья, из которого изготавливали глиняную посуду. Характер изменения отдельных компонентов и минералов керамического теста в процессе термической обработки дает возможность судить о температуре и условиях обжига. Такие исследования позволяют более детально реконструировать особенности древнего гончарного производства и охарактеризовать навыки и традиции гончаров. Морфологический анализ керамики майкопской и новосвободненской культур до сих пор не проводился. По этой теме были опубликованы только краткие тезисы (Резепкин, Кулькова 2018). Все работы, посвященные керамике этих культур, сводились либо к типологическим, либо к культурно-хронологическим разработкам (Кореневский 2004; Резепкин 2008; 2012а; 2012б; Резепкин, Поплевко 2009). Ряд публикаций был посвящен проблеме технологии изготовления (формовки) майкопской посуды (Поплевко 2013; 2015; 2017). В настоящей работе представлены данные по петрографии образцов керамики и проведен их сравнительный анализ. Микроморфологическими методами были изучены керамические фрагменты из памятников майкопской культуры, которые расположены на Северо-Западном Кавказе. Всего методом петрографического анализа было изучено 70 фрагментов керамики.

Методы исследования

Микроморфологические исследования керамических фрагментов проводились в шлифованных образцах с использованием бинокля МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое изучение керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica DVM5000. Фотографии были сделаны с помощью поляризационного микроскопа Leica в РЦ «Геомодель» СПбГУ.

Майкопская культура

Поселение Чекон

Для исследований было отобрано 15 фрагментов сосудов. По составу глины и рецептуре керамической массы керамику из поселения Чекон можно разделить на несколько групп.

Группа 1. Керамика, изготовленная из жирных глин смектитового состава, в качестве отошителя использованы карбонаты. По составу отошителя в этой группе можно выделить две основные рецептуры теста: 1) отошитель — шамот (измельченная керамика) + дробленая раковина; 2) отошитель — дробленая раковина + известняк. Температура обжига составляла 600–700 °С, обжиг равномерный, в окислительной атмосфере, кратковременный.

Группа 2. В эту группу входят образцы керамики, которая была изготовлена из разных типов глин (жирных гидрослюдистых с естественными включениями раковин и жирных или тощих смектитовых глин). В качестве отошителя использовался

шамот (измельченная керамика). Обжиг проводился в окислительной или восстановительной среде, при температуре от 600 до 800 °С.

Группа 3. Керамика, изготовленная из разных типов глин (жирных смектитовых, тощих гидрослюдистых или каолининовых), в рецептуре которых отощитель не использовался. В эту группу образцов входит керамика, температура обжига которой достигала 800–900 °С. Обжиг равномерный, в окислительной (открытой к доступу кислорода) среде, в печи (рис. 1, 3; 2, 1).

14 исследованных образцов (табл. 1; рис. 1, 1, 2) из поселения Чекон были изготовлены из смектитовых и гидрослюдистых глин. Обжиг в основном проходил в окислительной атмосфере, о чем свидетельствует и кирпично-красный цвет черепков (табл. 1; 2). Выделяется образец 4 (рис. 1, 3), изготовленный из каолининовых глин хорошего качества, с хорошим промесом, без добавления отощителя, обжиг его проходил при высоких температурах. Шамот как основной отощитель или примесь представлен в пяти образцах, без примесей — шесть образцов (табл. 2).

Поселение Городское

Группа 1. Посуда, изготовленная из жирных каолининовых или тощих смектитовых глин. Отощитель не использовался. Температура обжига — 750–900 °С, обжиг окислительный, равномерный. Сначала создавалась окислительная среда, затем поддерживалась восстановительная среда (происходило науглероживание черепка), и в конце быстрый обжиг снова проходил в окислительной среде, в печи.

Группа 2. Керамика изготовлена из жирных гидрослюдистых глин. В качестве отощителя использовалась дробленая дресва (рис. 2, 2) магматических пород основного и среднего составов. Температура обжига — 600–700 °С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях, кратковременный.

Группа 3. Керамика изготовлена из тощих гидрослюдистых глин. Отощитель — песок. Состав песка: полевой шпат, песчаник. Температура обжига — 600–700 °С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях, кратковременный, на заключительном этапе — окислительный.

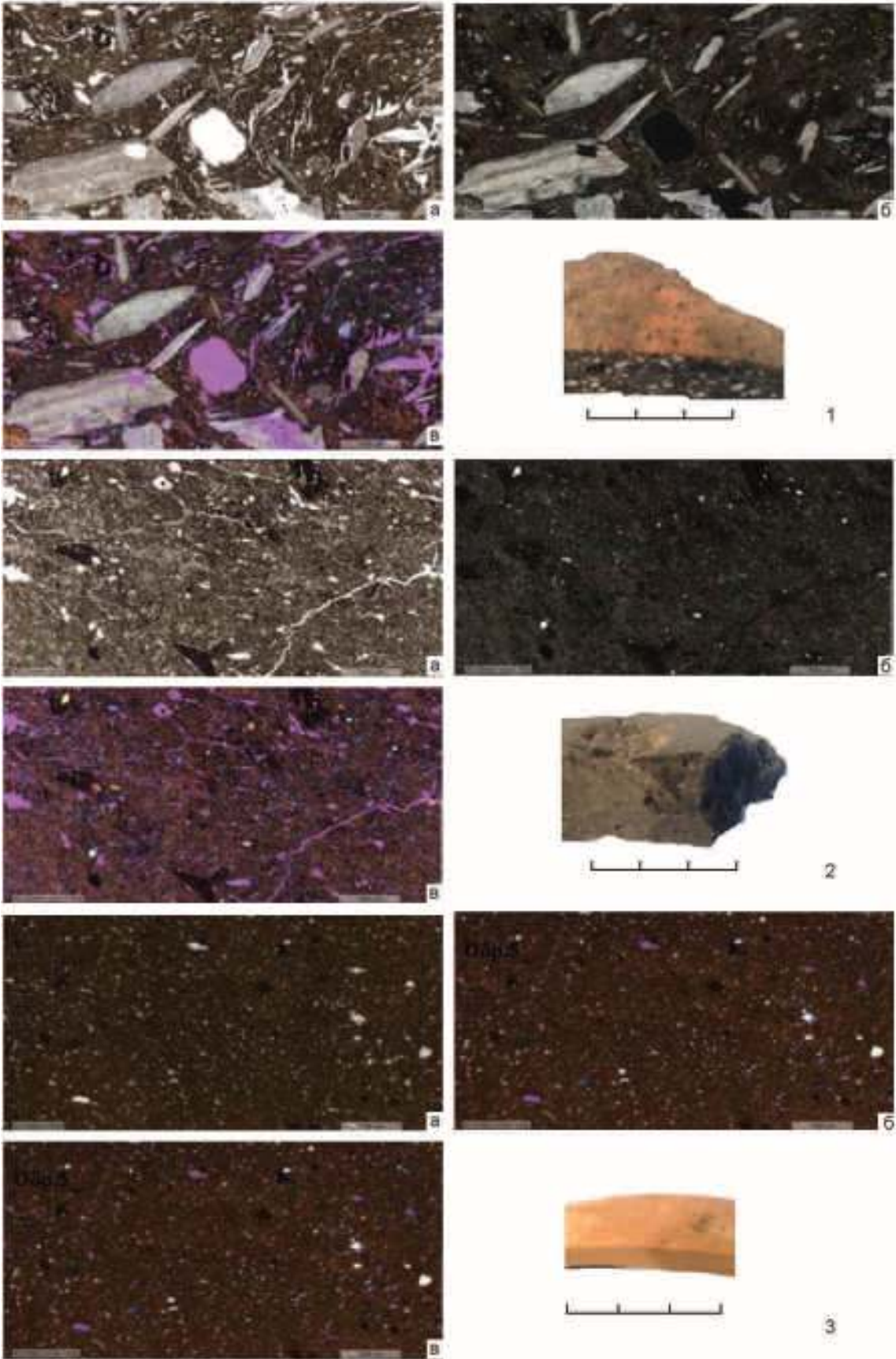
Группа 4. Керамика изготовлена из двух типов глин — жирных гидрослюдистого и тощих каолининового состава или из жирных глин. В качестве отощителя использовался песок + возможно, дробленая кость. Температура обжига — 600–700 °С, обжиг равномерный, в окислительных условиях.

Группа 5. Керамика изготовлена из жирных гидрослюдистых глин. Отощитель: песок (7 %) + шамот (15 %) (дробленая, плохо высушенная керамика того же, что и черепок, состава, размер обломков — 2–3 мм). Температура обжига — 600–700 °С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях, кратковременный.

Группа 6. Керамика изготовлена из тощих каолининовых глин. Отощитель: высушенная и растертая глина иного, чем черепок, состава (5 %), размер включений

Рис. 1. Образцы майкопской керамики из поселения Чекон, подвергнутые петрографическому анализу: 1–3 — фотографии; а–в — микрофотографии, линейка 1000 мкм (а — без анализаторов; б — в поляризационном свете; в — в поляризационном свете, с кварцевой пластинкой)

Fig. 1. Maikop pottery specimens from the Chekon settlement, that were subject to petrographic analysis: 1–3 — photographs; а–в — microphotographs, scale 1000 microns (а — without analyzers; б — in polarized light; в — in polarized light, with a quart plate)

0,7–1,0 мм. Температура обжига — 600–700 °С, обжиг равномерный, в восстановительных условиях, кратковременный.

Всего из этого памятника было проанализировано 12 экз., из которых 9 изготовлены из несмешанных глин (табл. 1). Керамика обожжена в основном в окислительной среде. Четыре образца без примесей, красно-оранжевого цвета, окислительного и окислительно-восстановительного обжига. Два образца окислительного обжига (цвет красно-оранжевый и серый), четыре образца — восстановительного (3 серых, 1 чернолощеный) и два образца — окислительно-восстановительного обжига (красно-оранжевый и чернолощеный). Шамот, песок и их смесь были обнаружены в керамике этого поселения в семи случаях из восьми (табл. 2).

Поселение Катусвина Кривица

Группа 1. Керамика серого цвета, с покрытием черного цвета (жиром), поверхность залощена (чернолощенная). Керамика изготовлена из жирных гидрослюдистых глин, с включениями органики. В качестве отощителя использовался шамот — плохо высушенная керамика. Температура обжига — 650–700 °С, обжиг равномерный, в восстановительной среде.

Группа 2. Керамика серого цвета, с покрытием темно-серого цвета, поверхность залощена. Керамика изготовлена из тощих смектитовых глин. В качестве отощителя использовался дробленый известняк или шамот (плохо высушенная керамика) + дробленый известняк. Температура обжига — 600–650 °С, обжиг равномерный, в восстановительной или окислительной среде.

Группа 3. Керамика серого цвета, с покрытием черного цвета (жиром), поверхность залощена (чернолощенная). Керамика изготовлена из тощих гидрослюдистых глин. Отощитель не использовался. Температура обжига — 650–700 °С, обжиг равномерный, в восстановительной среде (образец 5).

Группа 4. Керамика красно-кирпичного цвета, с покрытием (возможно, жиром), поверхность залощена (краснолощенная). Изготовлена из тощих гидрослюдисто-карбонатных глин. Отощитель не использовался, или использовались дробленые карбонаты, которые разложились в результате высокотемпературного обжига. Температура обжига — 750–850 °С, обжиг равномерный, в окислительной (открытой к доступу кислорода) среде.

Всего было проанализировано восемь образцов. Они изготовлены из гидрослюдистых и смектитовых глин, три — без примесей. Обжиг проводился в восстановительной или окислительной среде. При изготовлении четырех сосудов использовались различные примеси, обжиг восстановительный, керамика чернолощенная и серого цвета (табл. 1; 2).

Поселение Пишкуйхабль

Для изготовления керамики использовались следующие технологии.

Группа 1. Керамика изготовлена из смектитовых тощих глин, обогащенных органикой и ожелезненных. Отощитель не использовался. Обжиг проходил в окислительной среде, при температуре 750–900 °С.

Группа 2. Керамика изготовлена из смектитовых тощих глин, обогащенных органикой, ожелезненных. Отощитель: песок. Обжиг проходил в окислительной среде, при температуре 700–750 °С.

Таблица 1

Сравнительная характеристика керамики из поселений майкопской культуры по наличию примесей в разных глинах и типам обжига

Тип глин	Гидро- слоудистые		Смектитовые		Каолинитовые		Гидрослоудисто- каолинитовые	Гидрослоудисто- смектитовые	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Да	Нет
Поселение Чекон									
Восстановительный	2	–	1	–	–	1	–	–	–
Окислительный	1	5	4	–	–	–	–	–	–
Всего	3	5	5	–	–	1	–	–	–
Поселение Катусвина Кривица									
Восстановительный	1	1	3	–	–	–	–	–	–
Окислительный	–	2	1	–	–	–	–	–	–
Всего	2	2	4	–	–	–	–	–	–
Поселение Пхагугапе									
Окислительный	–	1	2	–	–	–	–	2	–
Поселение Пшикуйхабль									
Восстановительный	–	–	–	–	–	3	–	–	–
Окислительный	–	2	–	–	–	–	–	–	–
Окислительно-восстановительный	1	–	–	–	–	1	–	–	–
Всего	1	2	–	–	–	4	–	–	–
Поселение Городское									
Восстановительный	3	–	–	–	1	–	1	–	–
Окислительный	–	–	–	2	–	–	–	1	–
Окислительно-восстановительный	1	–	–	–	1	1	–	–	1
Всего	4	–	–	2	2	1	1	1	1
Поселение Усть-Джегутинское									
Окислительный	–	–	2	2	–	–	–	–	–
Итого	10	10	13	5	2	6	1	3	1

Группа 3. Керамика изготовлена из смектитовых тощих глин, обогащенных органикой и железненными. Отощитель: дробленая дресва (андезиты). Обжиг проходил в окислительной среде, при температуре 750–800 °С.

Всего было исследовано семь образцов. Сосуды изготовлены из гидрослоудистых и каолинитовых глин, из них 6 экз. — без примеси, цвет красно-оранжевый и серый (табл. 1; 2).

Таблица 2

**Соотношение примесей и способов обжига керамики из поселений
майкопской культуры***

Поселение	Чекон		Катусвина Кривица		Пхагугапе	Пшикуй- хабль			Городское			Усть-Джегу- тинское
	Окислительный	Восстановительный	Окислительный	Восстановительный	Окислительный	Окислительный	Восстановительный	Окислительно-вос- становительный	Окислительный	Восстановительный	Окислительно-вос- становительный	Окислительный
Режим обжига												
Примеси												
Песок + шамот	-	-	-	-	2к	-	-	1к	1к	1с	-	-
Шамот	1с, 1к	3ч	-	1ч	-	-	-	-	-	1	-	-
Дресва	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1ч	-	1к
Дресва + шамот	-	-	-	-	1к	-	-	-	-	-	-	-
Песок					1к				1с	1с	1ч, 1к	1к
Шамот + известняк	-	-	1с	1с	-	-	-	-	-	-	-	-
Шамот + раковина	1с	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Известняк	-	-	-	1ч, 1с	-	-	-	-	-	-	-	-
Известняк + раковина	2с	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Без примесей	6к, 1с	-	2к	1ч	1к	2к	3с	1к	2к	-	2к	2к
Итого	12	3	3	5	5	2	3	2	4	4	4	4

* В табл. 2, 4, 6 буквы в клетках обозначают цвет керамики: ч — чернолощенная, с — серая, к — красно-оранжевая, + — последовательный обжиг в восстановительно-окислительном режиме.

Поселение Пхагугапе

Группа 1. Керамика изготовлена из ожелезненных пластичных гидрослюдистых глин (iron-rich silt clay), встречаются отдельные неокатанные зерна полевого шпата, округлые включения гематита, отдельные поры от выгоревших включений органики. Отощитель не использовался. Промес теста плохой, встречаются ожелезненные глинистые пелиты. Температура обжига — 800–900 °С, обжиг равномерный, в окислительной среде, в печи, кратковременный. Для формовки, возможно, использовался круг.

Группа 2. Керамика изготовлена из ожелезненных пластичных смектитовых глин (iron-rich silt clay). Встречаются отдельные поры от выгоревших включений органики, замещенных вторичными карбонатами. Отощитель: мелкозернистый песок (23 %), размер зерен — 0,2–0,5 мм. Состав песка: кварц, полевого шпата, сланец; зерна средней степени окатанности. Промес теста плохой, встречаются ожелезненные глинистые пелиты. Температура обжига — 800–900 °С, обжиг равномерный, в окислительной среде, в печи, долговременный. Для формовки, возможно, использовался круг.

Группа 3. Поверхности сосуда покрыты отмученной глиной, обогащенной охристой составляющей (кирпично-красного цвета). Керамика изготовлена из ожелезненных пластичных смектитовых глин (iron-rich silt clay), обогащенных выгоревшими органическими включениями (водная растительность), представлены отдельные остатки раковин. Отощитель: дресва карбонатных пород (органогенные карбонаты — брекчия, с остатками раковин), магматические породы (андезиты), размер зерен — 0,15–0,50 мм + шамот (дробленая керамика другого, чем черепок, состава). Промес теста плохой, встречаются включения гематита. Температура обжига — 600–700 °С, обжиг равномерный, в окислительной среде, в печи, кратковременный.

Группа 4. Керамика изготовлена из двух типов глин: жирных смектитовых и тощих гидрослюдистых. Отощитель: крупнозернистый песок, плохо окатанный, размер зерен — 0,4–1,0 мм, состав: обломки зерен андезита, габбро, базальта, сланца, песчаника + шамот (дробленая керамика другого, чем черепок, состава). Промес теста плохой, встречаются включения гематита размерами 0,2–1,4 мм. Температура обжига — 600–700 °С, обжиг равномерный, в окислительной среде, в печи, кратковременный. Гончарный круг не использовался.

Всего было проанализировано пять фрагментов. Сосуды изготовлены из гидрослюдистых и смектитовых глин и их смеси. Обжиг окислительный, обломки керамики имеют красно-оранжевый цвет (табл. 1; 2).

Поселение Усть-Джегутинское

Группа 1. Керамика толстостенная, кирпичного цвета. Изготовлена из смектитовых тощих глин с примесью органики. Без отощителей. Обжиг проводился при температуре 750–800 °С, в окислительной среде.

Группа 2. Керамика тонкостенная, кирпичного цвета. Изготовлена из смектитовых тощих глин. Без отощителей. Примесь — органика. Обжиг проводился при температуре 850–900 °С, в окислительной среде.

Группа 3. Керамика толстостенная, кирпичного цвета. Изготовлена из смектитовых тощих глин. Поверхность покрыта отмученной глиной того же цвета. Состав: полевой шпат, слюда, амфибол. Отощитель — органика, песок (15 %). Обжиг проходил при температуре 700–750 °С, в окислительной среде.

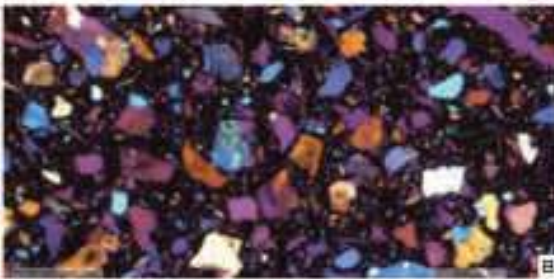
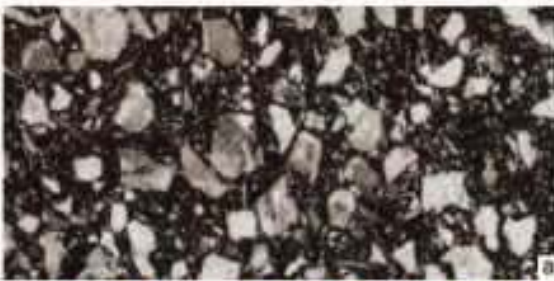
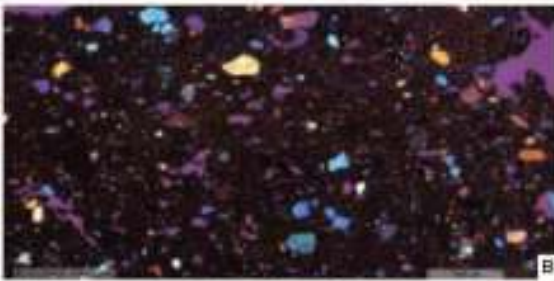
Группа 4. Керамика тонкостенная, кирпичного цвета. Изготовлена из смектитовых тощих глин. Поверхность покрыта отмученной глиной того же цвета. Отощитель: органика + дресва. Обжиг производили при температуре 750–800 °С, в окислительной среде.

Из поселения Усть-Джегутинское было исследовано четыре фрагмента керамики. Все образцы были изготовлены из смектитовых глин. Обжиг окислительный, цвет черепков красный, два образца имели примеси, два — без примесей (табл. 1; 2; рис. 2, 3).

Новосвободненская культура

Для исследования керамики новосвободенской культуры были отобраны образцы керамики из могильника Клады. По составу керамической массы можно выделить несколько групп керамики.

Группа 1 (образцы К-1, К-5, К-11, К-12). Керамика черного цвета, лощеная. Изготовлена из известковых жирных глин, встречаются отдельные углистые частицы. В качестве отощителя использовался дробленый известняк или органогенный

доломит, также присутствуют остатки пелитов высушенной и ожелезненной глины. Температура обжига — 800–850 °С (остатки карбоната, невыгоревшей органики, угля), обжиг восстановительный, кратковременный.

Группа 2 (образец К-2). Керамика серого цвета, лощеная. Изготовлена из смешаннослойных тощих глин, встречаются отдельные углистые частицы. В качестве отощителя использовалась дресва метаморфических пород (средние плагиоклазы, флогопит). Температура обжига — 800–900 °С, обжиг окислительный, кратковременный.

Группа 3 (образцы К-3, К-4, К-8, К-40). Керамика красно-кирпичного цвета. Изготовлена из монтмориллонитовых тощих глин, встречаются пелиты глины. В качестве отощителя использовался среднезернистый хорошо окатанный песок кварц-полевошпатового состава. Температура обжига — от 800 до 1100 °С, присутствуют игольчатые кристаллы волластонита, отмечается аморфизация глины. Возможно, первоначально глина была обогащена карбонатом. Обжиг окислительный, длительный.

Группа 4 (образец К-6). Керамика в центральной части серого, на внешних поверхностях — кирпичного цвета. Глины тощие, каолинит-гидролюдистого состава. В качестве отощителя использовалась дресва пород основного магматического и метаморфического составов пород (средние полевые шпаты, амфибол, оливин, биотит) + шамот (дробленая, обожженная керамика). Температура обжига — 800–1000 °С, обжиг окислительный, длительный.

Группа 5 (образцы К-7, К-10, К-13, К-16). Керамика розового цвета. Глины тощие известково-монтмориллонитовые, обогащенные гидроокислами и окислами железа. Известковые остатки представлены различными мелкими морскими раковинами, мшанками, остатками растений, карбонатными оолитами, встречаются отдельные зерна гематита. Соотношение $\text{CaO} : \text{Fe}_2\text{O}_3$ превышает 2 : 1. Отощитель не использовался. Температура обжига — 800–850 °С (встречаются остатки карбонатных раковин), обжиг окислительный, кратковременный.

Группа 6 (образцы К-9, К-14). Керамика розового цвета. Глины жирные монтмориллонитовые, обогащенные гидроокислами и окислами железа. В качестве отощителя использовался мелкозернистый песок полевошпатового состава + измельченный ракушечник. Температура обжига — 800–850 °С (встречаются остатки карбонатных раковин), обжиг окислительный.

Группа 7 (образец К-15). Пористая, толстостенная керамика темно-серого цвета, лощеная. Изготовлена из тощих глин хлорит-сметитового состава. В качестве отощителя использовался среднезернистый песок кварц-полевошпатового состава, содержащий зерна ожелезненного песчаника + шамот, представленный дробленной керамикой такого же состава. Встречаются отдельные зерна злаковых растений

Рис. 2. Образцы майкопской керамики, подвергнутые петрографическому анализу: 1 — поселение Чекоң; 2 — поселение Городское; 3 — поселение Усть-Джегутинское; 1–3 — фотографии; а–в — микрофотографии, линейка 1000 мкм (а — без анализаторов; б — в поляризованном свете; в — в поляризованном свете, с кварцевой пластинкой)

Fig. 2. Maikop pottery specimens that were subject to petrographic analysis: 1 — Chekon settlement; 2 — Gorodskoe settlement; 3 — Ust-Dzhegutinskoe settlement; 1–3 — photographs; а–в — microphotographs, scale 1000 microns (а — without analyzers; б — in polarized light; в — in polarized light, with a quart plate)

размером 1,00–1,25 мм, обугленные, черного цвета. Температура обжига — 800–1000 °С (вспенивание, остатки обуглившись зерен); обжиг восстановительный до нейтрального (плохо выдержанный), кратковременный.

Группа 8 (образец К-18). Плотная, тонкостенная керамика черного цвета с тонкой обмазкой коричневого цвета с внешней и внутренней сторон. Изготовлена из тощих глин каолинит-гидрослюдистого состава. В качестве отошителя использовались следующие добавки: мелкозернистый песок полимиктового состава (полевой шпат, кварц, слюда, карбонаты) + дресва карбонатных и полевошпатовых пород+шамот (дробленая керамика того же состава). Температура обжига — 800–850 °С (остатки карбоната). Обжиг проходил в нейтральной среде, кратковременный, тонкодисперсная органика не выгорела.

Группа 9 (образец К-150). Рыхлая, тонкостенная керамика черного цвета с тонкой обмазкой с внешней стороны. Изготовлена из жирных глин смектитового состава. В качестве отошителя был добавлен шамот (дробленая керамика того же состава). Температура обжига — 600–700 °С (остатки органики, тонкодисперсная органика); обжиг восстановительный, кратковременный.

Заключение

Керамика майкопской культуры

По композиционному составу глин и отошителей в майкопской культуре можно выделить несколько рецептур керамического теста, а температурные характеристики и условия среды обжига позволяют охарактеризовать использованные технологические приемы.

1. Было выделено три типа глин, из которых были изготовлены сосуды: 1 — гидрослюдистые, 2 — смектитовые, 3 — каолинитовые, причем первый тип иногда смешивали с двумя остальными (табл. 3; 4). Больше всего керамики было изготовлено из гидрослюдистых глин — 20 образцов из 51 (табл. 4). Почти половина из них не имела примесей и была подвергнута окислительному обжигу (табл. 3). Примеси состоят из пяти компонентов — шамота, песка, дресвы, известняка, раковины — и шамота в различных комбинациях с песком, дресвой, известняком, раковиной и известняка с раковиной (табл. 2; 3). Восстановительный обжиг проводился при температурах 600–700 °С, а окислительный — 750–900 °С.

Керамика, изготовленная из гидрослюдистых глин, — 20 экз. Преобладает окислительный тип обжига — 12 экз., 2 экз. — окислительно-восстановительного обжига, причем окислительный обжиг доминирует для керамики красно-оранжевого цвета без примесей (табл. 3; 4). Количество образцов с примесью и без нее практически одинаково: 9 и 11 экз. соответственно (табл. 4).

Керамика, изготовленная из смектитовых глин, — 18 экз. Здесь также преобладает окислительный тип обжига, но в большинстве образцов керамики встречаются примеси — 13 из 18 (табл. 4), и, в отличие от керамики, изготовленной из гидрослюдистых глин, этот тип обжига доминирует в керамике с примесями (табл. 3; 4). Все фрагменты керамики без примесей имели красно-оранжевый цвет, а фрагменты керамики, содержащей примеси, были разного цвета (табл. 3; 4).

Керамика, изготовленная из каолинитовых глин, — 8 экз. Из них 6 экз. — без примесей (табл. 4). Керамика серого и красно-охристого цветов изготовлена из теста как с примесями, так и без них (2 из 8 экз.; табл. 4).

Сложные составы глин — гидрослюдисто-каолинитовые и гидрослюдисто-смектитовые — практически не использовались (всего 5 случаев; табл. 3; 4).

Таблица 3

Распределение примесей в керамике из поселений майкопской культуры
по типам глин и режимам обжига

Тип глин	Гидрослюдистые			Смектитовые			Каолинитовые			Гидрослюдисто-каолинитовые	Гидрослюдисто-смектитовые	
	Окислительный	Восстановительный	Окислительно-восстановительный	Окислительный	Восстановительный	Окислительно-восстановительный	Окислительный	Восстановительный	Окислительно-восстановительный	Восстановительный	Окислительный	Окислительно-восстановительный
Песок + шамот	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	3	-
Шамот	1	3	-	1	-	1	-	1	-	-	-	-
Дресва	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Дресва + шамот	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Песок	1	-	1	2	-	1	1	-	-	1	-	-
Шамот + известняк	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Шамот + раковина	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Известняк	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-
Известняк + раковина	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
Без примесей	10	1	-	4	-	-	1	4	1	-	-	1
Итого	12	6	2	13	3	2	2	5	1	1	3	1

Из смешанных глин (гидрослюдисто-смектитовых) изготовлено три образца. Они содержат добавки шамота и песка (табл. 4). Из гидрослюдисто-каолинитовых глин был изготовлен один образец, который содержит добавки и имеет отличную технологию изготовления (табл. 4). В подавляющем большинстве случаев сосуды изготавливали из гидрослюдистых и смектитовых глин — 38 экз. из 51 (табл. 4). Распределение примесей по типам глин показывает, что больше всего примесей представлено в тесте сосудов из гидрослюдистых и смектитовых глин — 24 образца из 31. В тесто из каолинитовых глин примеси добавлены в шести случаях, а восемь образцов изготовлены из глины без примесей (табл. 3). В качестве примесей в керамике больше всего применяли шамот и, несколько реже, песок — 20 из 31 случая (табл. 2; 3).

2. Из двух основных видов обжига — *окислительного и восстановительного* — первый применяли в два раза чаще (30 и 15 образцов соответственно). Гораздо реже использовали окислительно-восстановительный обжиг — всего шесть случаев (табл. 5). Причем все шесть образцов керамики происходят из гибридных, майкопско-новосвободненских поселений — Пшикуйхабль и Городское (табл. 1). Образцы

керамики из теста с примесями и без примесей представлены по 3 экз. (табл. 5). Количество образцов керамики, подвергшихся окислительному обжигу, как содержащих добавки, так и без примесей, практически одинаково — 14 и 16 экз. соответственно (табл. 5). При восстановительном обжиге из 15 экз. только четыре образца не содержат добавок (табл. 4). Больше всего керамики с примесью шамота — 7 экз., песка — 6 экз., смеси песка с шамотом — 5 экз., то есть 18 экз. из 28 (табл. 2).

Таблица 4
Распределение примесей по типам глин в майкопской керамике

Тип глин \ Примеси	Гидрослюдистые	Смектитовые	Каолинитовые	Гидрослюдисто-каолинитовые	Гидрослюдисто-смектитовые
Шамот + песок	3к	-	-	-	3к
Шамот	3ч, 1с	1ч, 1к	1к	-	-
Дресва	1к	1к	-	-	-
Шамот + дресва	-	1к	-	-	-
Песок	1к	2к	1к	1к	-
Шамот + известняк	-	3	-	-	-
Шамот + раковина	-	1к	-	-	-
Известняк	-	1с, 1ч	-	-	-
Известняк + раковина	-	1с	-	-	-
Без примесей	10к, 1ч	5к	4с, 2к	-	1к
Итого	20	18	8	1	4

Таблица 5
Распределение способов обжига майкопской керамики по типам глин

Тип глин \ Режим обжига и наличие примесей	Окислительный, с примесями	Окислительный, без примесей	Восстановительный, с примесями	Восстановительный, без примесей	Восстановительно-окислительный, с примесями	Восстановительно-окислительный, без примесей	Всего
Смектитовые	9	5	3	-	-	-	17
Каолинитовые		1	1	3	1	2	8
Гидрослюдистые	2	10	6	1	2	-	21
Гидрослюдисто-каолинитовые	-	-	1	-	-	-	1
Гидрослюдисто-смектитовые	3	-	-	-	-	1	4
Итого	14	16	11	4	3	3	51

3. Керамика из глины без примесей. Из 23 экз., которые были подвергнуты окислительному обжигу, поверхность 18 экз. имела красный цвет, четырех — серый и одного — черный. 11 экз. из них было изготовлено из гидрослюдистых, 6 — из каолининовых, 5 — из смектитовых и 1 — из гидрослюдисто-смектитовых глин (табл. 2).

4. Керамика из глины с примесями. Из 28 образцов 16 экз. были подвергнуты окислительному обжигу, 13 из них изготовлены из гидрослюдистых и смектитовых глин. У 13 образцов внешняя поверхность имела красный цвет, а у 3 экз. — серый. 12 образцов из 28 были подвергнуты восстановительному обжигу; у 4 экз. внешняя поверхность имеет красный цвет, у 3 экз. — серый и у 5 экз. — черный (табл. 2). Сосуды, прошедшие окислительный обжиг, в основном имеют внешнюю поверхность красного цвета. Таким образом, с большой долей вероятности можно предполагать, что та керамика майкопской культуры, которая имеет красный цвет, была подвергнута окислительному обжигу.

Керамика новосвободненской культуры

Петрографический анализ был проведен для 19 образцов керамики из погребений могильника Клады. Состав глин, из которых изготавливали сосуды, гораздо более разнообразен, чем для майкопской керамики. В майкопской культуре использовали пять типов глин (табл. 1), а для изготовления керамики новосвободненской культуры — восемь. Половина образцов (10 экз.) изготовлена из двух типов глин — известковых и монтмориллонитовых, и только три типа глин были того же состава, что и в майкопских сосудах (табл. 6).

Набор примесей, как в различных комбинациях, так и в «чистом» виде (например, песок), практически одинаков (табл. 2 и 6). В половине случаев (10 экз.) при изготовлении новосвободненской керамики в качестве примеси использовался песок (табл. 6), как и в сосудах майкопской культуры доля таких примесей составляет менее четверти — 12 из 51 экз. (табл. 3). Практически поровну применялся окислительный и восстановительный обжиг — 10 и 9 экз. соответственно (табл. 6).

Все эти наблюдения и выводы следует считать сугубо предварительными, поскольку из шести поселений майкопской культуры в выборке представлен только 51 образец, а из погребений новосвободненской культуры всего 19 образцов. Кроме того, сравнение керамики культур проводилось по разным источникам — поселениям и погребениям.

Но в целом очерченный диапазон разнообразия примесей, глин, температуры и способов обжига все же дает нам определенные данные о сырье и технологии изготовления майкопской и новосвободненской керамики. М. А. Кулькова по фрагментам венчиков предполагает, что при изготовлении некоторых образцов майкопской керамики был использован гончарный круг. А. Д. Резепкин эту точку зрения не разделяет.

Исследования и эксперименты, проведенные Г. Н. Поплевко по майкопской керамике, достаточно определенно показывают, что при изготовлении сосудов майкопской культуры гончарный круг не применялся (Поплевко 2012; 2014а; 2014б; 2014в; 2014г).

Таблица 6

**Распределение примесей по типам глин и способу обжига в керамике
новосвободненской культуры**

Тип глин	Гидролюдистые	Известняковые	Смектиновые смешаннослойные	Каолинитовые гидролюдистые	Монтмориллонитовые		Известково- монтмориллонитовые	Смешаннослойные	Хлорит-смектиновые
	Обжиг	Окислительный	Восстановительный	Восстановительный	Окислительный	Восстановительный	Окислительный	Окислительный	Восстановительный
Песок + шамот	-	-	-	-	-	-	-	-	1с
Шамот	-	-	1ч	-	-	-	-	-	-
Песок + дресва	-	-	-	1ч+	-	-	-	1+с	-
Песок	1к	-	-	-	1+к, 1к	+	-	-	-
Раковина + песок	-	-	-	-	2к	-	-	-	-
Дресва	-	1с	-	1с	-	-	-	-	-
Известняк	-	1ч	-	-	-	-	-	-	-
Известняк + шамот + песок	-	1ч	-	-	-	1с	-	-	-
Без примесей	-	1ч, 1с	-	-	-	-	2к	-	-
Итого	1	5	1	3	4	1	2	1	1

Литература

- Корневский 2004 — Корневский С. Н. Древнейшие скотоводы и земледельцы. М.: Наука, 2004. 242 с.
- Поплевко 2012 — Поплевко Г. Н. Экспериментальное моделирование профилированной керамики // Гаджиев М. С. (отв. ред.), Гмыря Л. Б., Магомедов Р. Г. (ред.). Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации: ММНК. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 117–119 (XXVII Крупновские чтения).
- Поплевко Г. Н. 2013 — Технология изготовления майкопской керамики // Гей А. Н. (отв. ред.). Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла:

- модели взаимодействия: ТД круглого стола, посвящ. памяти Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2013. С. 29–31.
- Поплевко 2014а — *Поплевко Г. Н.* Об устойчивости культурной традиции в технологии изготовления керамики (на примере данных археологии и этнографии) // Татаурова Л. В., Борзунова В. А. (ред.). Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. В 2 т. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 1. С. 118–124.
- Поплевко 2014б — *Поплевко Г. Н.* Приемы ручной лепки круглодонной керамики по данным археологии, этнографии и экспериментального моделирования // Коробов Д. С. (отв. ред.). Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: ММНК. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. С. 88–91 (XXVIII Крупновские чтения).
- Поплевко 2014в — *Поплевко Г. Н.* Разные технологические приемы ручного изготовления профилированной керамики // Бессуднов А. Н. (отв. ред.). Верхнедонской археологический сборник. Липецк: Изд-во Липецкого государственного педагогического университета, 2014. Вып. 6. С. 151–157.
- Поплевко 2014г — *Поплевко Г. Н.* Техника выколотки и ручная лепка сосудов без использования гончарного круга // Ситдииков А. Г., Деревянко А. П. (отв. ред.). Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 482–485.
- Поплевко 2015 — *Поплевко Г. Н.* Технология изготовления керамики в энеолите — раннем бронзовом веке на Северо-Западном Кавказе // Кашуба М. Т., Рейнхольд С., Алёкшин В. А. (ред.). Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию А. А. Миллера): Материалы Междунар. науч. археологической конф. и Гумбольдт-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). СПб.: ИИМК РАН, Евразийское отделение ДАИ; НКТ, 2015. С. 169–174.
- Поплевко 2017 — *Поплевко Г. Н.* Некоторые приемы формовки майкопской керамики // Мусеибли Н. А. (ред.-сост.). Проблемы археологии Кавказа и Передней Азии. Неолит — поздняя бронза. Баку, 2017. С. 176–199.
- Резепкин 2008 — *Резепкин А. Д.* Поселение Новосвободненское // Туаллагов А. А. (отв. ред.). Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: ММНК. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, 2008. С. 308–311 (Юбилейные XXV Крупновские чтения).
- Резепкин 2012а — *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура. СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 37).
- Резепкин 2012б — *Резепкин А. Д.* Сосуды из поселений майкопской культуры. Классификация // Гаджиев М. С. (отв. ред.), Гмыря Л. Б., Магомедов Р. Г. (ред.). Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации: ММНК. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 125–128 (XXVII Крупновские чтения).
- Резепкин, Кулькова 2018 — *Резепкин А. Д., Кулькова М. А.* Сравнительный петрографический анализ керамики из поселений майкопской культуры // Кочкаров У. Ю. (отв. ред.). Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье: ММНК. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 131–134 (XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа).
- Резепкин, Поплевко 2009 — *Резепкин А. Д., Поплевко Г. Н.* Классификация мисок поселений майкопской культуры // ЗИИМК. 2009. № 4. С. 81–89.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF POTTERY FROM THE SETTLEMENTS
OF THE MAIKOP CULTURE AND THE BURIALS
OF THE NOVOSVOBODNAYA CULTURE, WITH PARTICULAR
REFERENCE TO THE RESULTS OF PETROGRAPHIC STUDIES**

A. D. REZEPKIN, M. A. KULKOVA

Keywords: *Northwestern Caucasus, Maikop culture, Novosvobodnaya culture, methods, types of clays, admixtures, firing.*

Neither the Novosvobodnaya nor the Maikop culture pottery have ever been subject to petrographic analysis. This paper presents the results of analysis of 51 pottery specimens from 6 Maikop settlements and 19 specimens from the barrow cemetery of Klady belonging to the Novosvobodnaya culture. It has been ascertained that the composition of clay paste is quite varied. The pottery is made of both lime, montmorillonite, hydromicaceous, kaolin clays and mixed clays. Nearly a half of the vessels (9 items) is made of lime and montmorillonite clays. Equally diverse is the composition of admixtures: sand, grog, crushed limestone and grit. Only 4 shards contained no temper. The vessels were subject to both oxidizing and regenerative firing, but only 3 of them were subject to reductive-oxidative firing. The comparative analysis of technological characteristics of the Maikop and Novosvobodnaya pottery has shown that the Novosvobodnaya people used a wider assortment of clays and their pottery making technologies were more sophisticated (higher temperatures, complex composition of clay paste). One of the features of the Maikop pottery is oxidizing firing. However, the two cultures possessed a rich experience in pottery production, which allowed them to use a wide assortment of both clays (in different combinations) and firing techniques.

АНТРОПОМОРФНЫЕ СТАТУЭТКИ ПЕРИОДОВ ПОЗДНЕГО ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ ИЗ РАСКОПОК В. И. САРИАНИДИ НА УЛУГ-ДЕПЕ (ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН)¹

Л. Б. КИРЧО²

Ключевые слова: Южный Туркменистан, периоды позднего энеолита и ранней бронзы, Улуг-депе, антропоморфные статуэтки.

В статье вводятся в научный оборот несколько антропоморфных статуэток из раскопок В. И. Сарияниди 1966–1968 гг. на Улуг-депе. Восемь фигурок (рис. 1) хранятся ныне в Историко-краеведческом музее Марыйского велаята (г. Мары, Туркменистан), а прорисовка еще одной, наиболее выразительной (рис. 2), представлена в альбоме полевого отчета В. И. Сарияниди. Эти статуэтки иконографически продолжают традиции женских изображений геоксюрского типа и находят ближайшие аналогии в материалах Алтын-депе периода позднего энеолита и начала — середины раннего бронзового века (около 3100–2500 гг. до н. э.).

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-41-48

Введение

В настоящее время одной из наиболее важных задач в археологии юга Средней Азии эпохи палеометалла является сохранение, обработка и публикация коллекций и архивных материалов из раскопок 1960–1990-х гг. Продолжительное по времени и огромное по масштабу изучение памятников Южного Туркменистана, проводившееся под руководством В. М. Массона, В. И. Сарияниди и И. Н. Хлопина, составляет основу современных научных представлений о становлении и развитии региона от эпохи неолита до позднего бронзового века. Петербургским археологам предстоит еще большая работа по систематизации и подготовке к публикации всех имеющихся материалов из раскопок В. М. Массона на Алтын-депе и Илгынлы-депе, хранящихся ныне в ИИМК РАН, а также по передаче коллекций этих памятников и материалов раскопок И. Н. Хлопина в Юго-Западном Туркменистане на музейное хранение. Самая непростая ситуация сложилась с материалами исследований В. И. Сарияниди на поселениях Геоксюр 1, Хапуз-депе и Улуг-депе. Если данные

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

изучения культурных напластований поселения Геоксюр 1 частично опубликованы (Сарианиди 1965б; 1966б; 1966в), а результаты раскопок погребений (Сарианиди 1965а; 1966а) подробно освещены в рукописи В. И. Сарианиди, которую готовит в настоящее время к публикации Н. А. Дубова, то материалы Хапуз-депе и Улуг-депе опубликованы лишь предварительно (Жачурис, Сарианиди 1968; Сарианиди 1964; 1967б; 1969а; 1969б; 1971). Коллекции из раскопок Геоксюр 1, Хапуз-депе, Улуг-депе и, частично, Алтын-депе, по словам Виктора Ивановича Сарианиди, он передавал в конце 1970-х гг. в небольшой музей г. Теджен, позднее расформированный³.

В 2015 г. ко мне обратился за консультацией заведующий отделом хранения Историко-краеведческого музея Марыйского вelayта (г. Мары, Туркменистан) В. Г. Турик. В фондах музея находятся несколько необычных для памятников эпохи бронзы древней дельты р. Мургаб антропоморфных статуэток. При первом же осмотре стало ясно, что это объемные фигурки периодов позднего энеолита и/или ранней бронзы, на которых местами сохранились остатки полевых шифров и коллекционный № 437, происходят из раскопок В. И. Сарианиди на поселении Улуг-депе, расположенном около ж.-д. ст. Душак Каахкинского этрапа (р-на) Ахалского вelayта Республики Туркменистан. Эти материалы, предположительно, поступили из вышеупомянутого небольшого музея г. Теджен. В публикуемой коллекции⁴ представлены восемь статуэток (рис. 1).

Антропоморфные статуэтки Улуг-депе

1. Сидящая схематичная миниатюрная антропоморфная статуэтка (рис. 1, 1). Шифр: 1968, Р 1, п. 3, Ул. 2 (?). Размеры: высота — 4,5 см, длина — 5,5 см. Изготовлена из серовато-беловатого камня (известняка?). Поверхность оббита в древности.

2. Фрагмент бедер массивной сидящей терракотовой женской статуэтки (рис. 1, 2). Шифр: Ул. 68, Р 2, Ул. 5. Сохранившиеся размеры: высота — 4 см, длина — 4,1 см. Изготовлена из плотного, однородного глиняного теста светло-коричневого цвета. Поверхность фигурки — светлая. Прочерченными линиями показан треугольный лобок. Фигурка сильно оббита в древности.

3. Фрагмент нижней части сидящей терракотовой статуэтки без признаков пола (рис. 1, 3). Шифр: *стерт. Улуг-депе* (?). Сохранившиеся размеры: высота — 4 см, длина — 6,7 см. Изготовлена из плотного, однородного глиняного теста серовато-коричневого цвета. Поверхность фигурки — светлая, ангобированная. Верхняя часть фигурки и концы ног обломаны.

4. Фрагмент нижней части миниатюрной женской терракотовой статуэтки (рис. 1, 4). Шифр: Улуг. Ул. 2. Сохранившиеся размеры: высота — 3,2 см, длина — 5,5 см. Изготовлена из плотного, однородного глиняного теста коричневого цвета. Поверхность фигурки — коричневая. Прочерченными линиями на передней и задней поверхностях передана парность ног, а спереди показан треугольный лобок.

³ Современное местонахождение этих коллекций нам неизвестно, предположительно, они находятся в Ашхабаде.

⁴ Выражаю искреннюю благодарность В. Г. Турику и Я. К. Тиркишевой — заместителю директора Историко-краеведческого музея Марыйского вelayта (г. Мары, Туркменистан) за предоставленную возможность работы с коллекцией и ее публикации.

Рис. 1. Улуг-депе, антропоморфные статуэтки: 1 — известняк (?); 2–8 — терракота

Fig. 1. Ulug-depe, anthropomorphic statuettes: 1 — limestone (?); 2–8 — terracotta

Концы ног выделены горизонтальной линией и слегка загнуты вперед (показаны ступни?). Верхняя часть фигурки до талии обломана в древности.

5. Фрагмент бедер и части ног массивной сидящей женской терракотовой статуэтки (рис. 1, 5). Шифр: *P 1, Улуг 67, Ул. 5*. Сохранившиеся размеры: высота — 6,3 см, длина — 8,7 см. Поверхность фигурки — серовато-кремовая, тесто розоватое. Прочерченными линиями на передней поверхности передана парность ног и треугольный лобок. Верхняя часть фигурки и большая часть левой ноги обломаны в древности. Правая нога сохранилась примерно на 6,5 см в длину.

6. Фрагмент нижней части сидящей терракотовой женской статуэтки (рис. 1, 6). Шифр: *Улуг 1968, раскоп 2 (?), сл. V*. Сохранившиеся размеры: высота — 4,2 см, длина — 4,4 см. Изготовлена из плотного, однородного глиняного теста серовато-коричневого цвета. На поверхности фигурки частично прослеживается светлый кремовый ангоб. Прочерченными линиями показан треугольный лобок. Верхняя часть фигурки, левая половина нижней и большая часть ног отбиты в древности.

7. Фрагмент нижней части сидящей терракотовой статуэтки без признаков пола (рис. 1, 7). Шифр: *стерт. Улуг-депе (?)*. Сохранившиеся размеры: высота — 3,9 см, длина — 6,7 см. Изготовлена из плотного, однородного глиняного теста серовато-коричневого цвета. Поверхность фигурки — коричневатая. Верх фигурки, задняя часть бедер, большая часть левой половины и концы ног обломаны.

8. Фрагмент бедер и части ног очень крупной, массивной сидящей женской терракотовой статуэтки (рис. 1, 8). Шифр: *Улуг 1966, P 1*. Сохранившиеся

размеры: высота — 7,8 см, длина — 9,9 см. Изготовлена из плотного, однородного глиняного теста розовато-коричневатого цвета. Поверхность фигурки — серовато-кремовая. Прочерченными линиями на передней и задней поверхностях передана парность ног, а спереди показан треугольный лобок. Верхняя часть и левая нога обломаны в древности, правая нога, также обломанная, сохранилась на 4,5 см в длину.

По полевым отчетам, хранящимся в НОА ИА РАН (Сарианиди 1967а; 1968), и публикациям (Качурис, Сарианиди 1968; Сарианиди 1969б; 1971) работы на Улуг-депе проходили в 1967–1968 и в 1970 гг. Причем в 1970 г. изучались только напластования раннего железного века. Однако автор лично посещала Улуг-депе в июне 1969 г., когда там велись работы на стратиграфическом раскопе 5. Кроме того, статуэтка № 8 из публикуемой коллекции имеет шифр *Улуг 1966, Р. 1*. То есть работы на Улуг-депе, вероятно, были начаты еще в 1966 г. Необходимо также отметить, что В. И. Сарианиди использовал определенную систему обозначений стратиграфии. Он выделял «слои» Улуг 1, Улуг 2, Улуг 3 и т. д., подразумевая не последовательно вскрывавшиеся строительные горизонты, а этапы (периоды) развития культурных комплексов. Сделано это было, вероятно, по аналогии с общей системой стратиграфии Намазга-депе (Намазга I–VI), однако нумерация «слоев» на Улуг-депе велась сверху вниз. Кроме того, в обозначениях использовались как арабские, так и римские цифры, например: Ул. 5 (Улуг 5) и Ул. V. Поэтому в шифрах материала представлены разные обозначения, например: Ул. 5 и сл. V. К сожалению, шифры на фигурках сохранились довольно плохо, прочитаны нами визуально или с помощью обычной лупы, что далеко не всегда точно. Во всяком случае бросаются в глаза как минимум еще два неясных момента.

1. Статуэтки № 2 — шифр: *Ул. 68, Р. 2, Ул. 5* и № 6 — шифр: *Улуг 1968, раскоп 2 (?), сл. V*. Однако в 1968 г. работы на раскопе 2 не проводились, а культурные напластования «слоя» Улуг 5 (V) исследовали на раскопах 1 и 5 (Сарианиди 1968: рис. 9; 1969б: 434), причем в тексте отчета упомянуто, что в слое Улуг 5 на раскопе 1 найдены «три типичные геоксюрские антропоморфные статуэтки» (Сарианиди 1968: л. 5). Таким образом, можно предполагать, что статуэтки № 2 и 6 найдены на раскопе 1.

2. Статуэтка № 1 — шифр: *1968, Р. 1, и. 3, Ул. 2 (?)*. Во-первых, в 1968 г. изучение «слоя» Улуг 2 на раскопе 1 не проводилось — эти напластования изучали в 1967 г. Во-вторых помещение 3 в отчете о работах 1968 г. обозначено на плане раскопа 4 в «слое» Улуг III и на плане раскопа 5 в «слое» Улуг IV (Там же: рис. 5 и 9). План раскопа 1, к сожалению, в материалах отчетов отсутствует.

Таким образом, точное место находки на памятнике и стратиграфическое положение описанных выше статуэток остаются под вопросом. Будем надеяться, что в дальнейшем их полевые шифры будут прочитаны более четко (с помощью инструментальных методов?), а также выяснится, где именно в Туркменистане находятся другие материалы Улуг-депе — и находки, и описи, которые, безусловно, существовали. Однако не вызывает сомнений тот факт, что публикуемые фигурки обнаружены при стратиграфических исследованиях Улуг-депе, в основном в культурных напластованиях периодов Улуг 5 и 2, датируемых В. И. Сарианиди периодами позднего энеолита — ранней бронзы.

В опубликованном каталоге антропоморфной терракоты (Массон, Сарианиди 1973) статуэтки Улуг-депе представлены почти исключительно находками с поверхности поселения, типологически относящимися к изображениям периода

Рис. 2. Улуг-депе, женская статуэтка, терракота (по: Сарияниди 1968: рис. 7; без масштаба)

Fig. 2. Ulug-depe, feminine statuette, terracotta (after Сарияниди 1968: Fig. 7; not to scale)

средней бронзы (времени Намазга V). Лишь три небольшие фигурки происходят из раскопок напластований периода ранней бронзы (времени Намазга IV). Миниатюрная терракотовая статуэтка найдена на раскопе 2, в «слое» Намазга IV (Там же: 192, № 337, табл. XXXVIII, 2), а схематическая каменная фигурка (Там же: 192, № 338, табл. XLIII, 5) и сидящая терракотовая статуэтка со следами наклепных грудей и гипертрофированным седалищем (Там же: 192, № 339, табл. XL, 6) обнаружены в «слое» Улуг 3 раскопа 1.

Наконец, еще одна женская терракотовая статуэтка (рис. 2 — Сарияниди 1968: рис. 7), не вошедшая в каталог, была найдена на Улуг-депе в 1968 г. Подпись под рис. 7 в отчете гласит: «Керамическая фигурка времени Намазга III». Статуэтка довольно крупная, но, к сожалению, прорисовка ее масштаба не имеет. Предположительная длина статуэтки — не менее 13–15 см, а высота — свыше 12 см. Фигурка изображает сидящую женщину с прямой спиной, прямоугольными плечами, небольшими наклепными грудями и тонкой талией. Руки опущены вниз, ноги вытянуты вперед. Прочерченными линиями на передней и задней поверхностях фигурки передана парность ног, а спереди показан треугольный лобок. На основании шеи виден остаток горизонтальной прочерченной линии. На плечах фигурки спереди и сзади — косые налепы. Налепами с поперечными углублениями изображена также прическа из трех кос: одной, более широкой, с треугольным концом на спине и двух кос (или прядей), обрамлявших лицо и спускающихся на грудь. Статуэтка повреждена в древности: голова, правая рука ниже локтя и левая рука почти полностью отбиты, задняя поверхность правой ноги и концы ног сколоты.

Заключение

Таким образом, по имеющимся материалам на Улуг-депе периодов позднего энеолита и ранней бронзы (времени Намазга III–IV) представлены антропоморфные статуэтки трех основных типов.

Тип 1 — терракотовые статуэтки в виде сидящей женщины с плоской спиной, подпрямоугольными плечами, опущенными вниз руками, коническими грудями и направленными вперед или чуть вниз ногами (рис. 2). К этому же типу относятся,

вероятно, статуэтки № 2, 5, 8 (рис. 1, 2, 5, 8), причем фигурка № 5 имеет округлые очертания бедер, а статуэтки № 2 и 8 — более тяжелые, уплощенные со стороны спины и с задней стороны бедра. Иконографически эти изображения продолжают раннегеоксюрские традиции, однако детали фигурок переданы не росписью, а прочерченными линиями и наклепами. Ближайшие аналогии представлены на Алтын-депе среди статуэток варианта 1, типа 1 в материалах горизонтов Алтын 10–9 (Кирчо и др. 2008: 98, табл. 95, 6; 107, 2; 112, 10, 11) и в горизонте Алтын 6 периода ранней бронзы (Kircho 2019: fig. 4, 30). Судя по стратиграфии Алтын-депе более тяжеловесные статуэтки с плоской спиной и задней стороной бедер распространяются в конце периода позднего энеолита. Почти целая такая статуэтка была найдена на Кара-депе рядом с погребальной камерой, относящейся к последнему этапу жизни на поселении — времени позднего Намазга III (Массон 1964: 4, 5, рис. 2).

Тип 2 — терракотовые статуэтки в виде сидящей женской фигурки без рук и грудей, детали которых переданы прочерченными линиями. Такие статуэтки обычно невелики по размерам и имеют чуть изогнутые в коленях ноги (рис. 1, 4, 6). Типологически они прямо восходят к статуэткам геоксюрского типа (Сарианиди 1965б: рис. 18, 9; табл. XIX, 20, 22–26; XXII, 4, 11; XXIV, 10, 16–18). Аналогии представлены среди фигурок типа 2 на Алтын-депе преимущественно в горизонтах Алтын 12–9 периода позднего энеолита (Кирчо и др. 2008: 99, табл. 23, 3; 46, 4; 67А, 1; 72, 7, 8; 95, 3, 8; 113, 1, 8; 141, 18). Возможно, статуэтки № 3 и 7 (рис. 1, 3, 7) являются вариантом таких изображений.

Тип 3 — схематизированные изображения сидящей фигурки без признаков пола, изготовленные как из камня (рис. 1, 1; Массон, Сарианиди 1973: табл. XLIII, 5), так и терракотовые (Массон, Сарианиди 1973: табл. XXXVIII, 5). Каменные схематические статуэтки появляются в период среднего энеолита — на Елен-депе (Щетенко 1968а: 21; 1968б: рис. 12, 3) и в инвентаре погр. 15 (захоронение женщины 15 лет) на Кара-депе (Массон 1960: табл. XVI, 13, 14). На Алтын-депе такие терракотовые и каменные антропоморфные фигурки отнесены к варианту 2 типа 3 и представлены в горизонте Алтын 9 конца периода позднего энеолита (Кирчо и др. 2008: 99, табл. 12А, 1, 2; 23, 2; 30, 1; 72, 4; 141, 6, 7, 9, 10) и горизонтах Алтын 8 и Алтын 6 периода ранней бронзы (Kircho 2019: fig. 4, 34, 44, 51).

В целом антропоморфные статуэтки из стратиграфических раскопок В. И. Сарианиди на Улуг-депе иконографически продолжают традиции женских изображений геоксюрского типа и находят ближайшие аналогии в материалах Алтын-депе периода позднего энеолита и начала — середины раннего бронзового века (около 3100–2500 гг. до н. э.).

Литература и источники

- Качурис, Сарианиди 1968 — Качурис К. А., Сарианиди В. И. Раскопки на Улуг-депе // АО 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 342–345.
- Кирчо и др. 2008 — Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. 370 с.
- Массон 1960 — Массон В. М. Кара-депе у Артыка // Массон М. Е. (ред.). Тр. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. Т. 10. С. 319–463.

- Массон 1964 — *Массон В. М.* Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 3–8.
- Массон, Сарияниди 1973 — *Массон В. М., Сарияниди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы: Опыт классификации и интерпретации. М.: Наука, 1973. 209 с., 44 табл. ил. (Культура народов Востока: материалы и исследования).
- Сарияниди 1964 — *Сарияниди В. И.* Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 60–65.
- Сарияниди 1965а — *Сарияниди В. И.* Геоксюрский некрополь (раскопки 1963 г.) // Крупнов Е. И. (отв. ред.). Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 102–105 (МИА СССР. № 130).
- Сарияниди 1965б — *Сарияниди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М.: Наука, 1965. 54 с., 27 табл. (САИ. Вып. Б3-8. Ч. 4).
- Сарияниди 1966а — *Сарияниди В. И.* Отчет Геоксюрского отряда археологической экспедиции АН СССР весной — летом 1966 г. // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 3407.
- Сарияниди 1966б — *Сарияниди В. И.* Раскопки в Юго-Восточных Каракумах в 1964 г. // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 89–95.
- Сарияниди 1966в — *Сарияниди В. И.* Раскопки могильников на Геоксюре и Алтын-депе // АО 1965 года М.: Наука, 1966. С. 70–72.
- Сарияниди 1967а — *Сарияниди В. И.* Отчет о работах Геоксюрского отряда экспедиции Института археологии АН СССР в 1967 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3615. 5 л. № 3615а — Альбом иллюстраций к отчету. 12 л., 21 ил.
- Сарияниди 1967б — *Сарияниди В. И.* Раскопки на Хапуз-депе и Алтын-депе // АО 1966 г. М.: Наука, 1967. С. 333–335.
- Сарияниди 1968 — *Сарияниди В. И.* Отчет о работе Геоксюрского отряда археологической экспедиции ИА АН СССР на поселении Улуг-Депе в 1968 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4354. 35 л., 20 ил.
- Сарияниди 1969а — *Сарияниди В. И.* Новые раскопки на Хапуз-депе // КСИА. 1969. Вып. 115. С. 116–123.
- Сарияниди 1969б — *Сарияниди В. И.* Продолжение работ на Улуг-депе // АО 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 434–435.
- Сарияниди 1971 — *Сарияниди В. И.* Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-депе // АО 1970 года. М.: Наука, 1971. С. 432–433.
- Щетенко 1968а — *Щетенко А. Я.* Раскопки памятников эпохи энеолита и бронзового века в Каахкинском районе // Массон В. М. (отв. ред.). Каракумские древности. Ашхабад: Ылым, 1968. Вып. 1. С. 18–29.
- Щетенко 1968б — *Щетенко А. Я.* Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-депе // Массон В. М. (отв. ред.). Каракумские древности. Ашхабад: Ылым, 1968. Вып. 2. С. 18–29.
- Kircho 2019 — *Kircho L. B.* Altyn-Depe. The Formation of the Earliest Urban Centre in Central Asia // Baumer Ch., Novák M. (eds.). Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries: Proceedings of the First International Congress on Central Asian Archaeology held at the University of Bern, 4–6 February 2016. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. P. 9–27 (Schriften zur Vorderasiatischen Archäologie. 13).

LATE ENEOLITHIC AND EARLY BRONZE AGE
ANTHROPOMORPHIC STATUETTES FROM V. I. SARIANIDI'S
EXCAVATIONS AT ULUG-DEPE (SOUTH TURKMENISTAN)

L. B. KIRCHO

Keywords: *South Turkmenistan, Late Eneolithic, Early Bronze Age, Ulug-depe, anthropomorphic statuettes.*

The paper introduces a number of anthropomorphic statuettes from V. I. Sarianidi's 1966–1968 excavations at Ulug-depe. Eight figurines (Fig. 1) are now stored in the Regional Historical Museum of Mary Velayat (Mary, Turkmenistan), and the drawing of one more (Fig. 2), the most expressive figurine, is present among the illustrations accompanying V. I. Sarianidi's field report. From the iconographic point of view, these statuettes continue the traditions of the Geoksyur feminine images and find closest analogies in the Late Eneolithic — middle Early Bronze Age images of Altyn-depe (*ca.* 3100–2500 BC).

ПОВОЗКИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ДОНСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДОНА¹

Л. С. ИЛЬЮКОВ²

Ключевые слова: *средний бронзовый век, западноманьчская катакомбная культура, деревянная четырехколесная повозка, кузов, колесо, погребальный инвентарь, деревянная двухколесная повозка, протоколесница.*

В 1991 г. в курганном могильнике Донской (Семикаракорский р-н Ростовской обл.) экспедицией Ростовского госуниверситета исследованы три впускных погребения катакомбной культуры. В двух из них (погр. 18, кург. 1 и погр. 10, кург. 2) обнаружены остатки деревянных повозок (рис. 1; 2), в третьем (погр. 10, кург. 3) — следы полозьев на дне могилы, связанные с транспортным средством (рис. 3). Катакомбы имели широкий колодец, к которому примыкала обширная камера, на дне которой находился скелет взрослого или ребенка, ориентированный на север или запад. В погребениях найдены сосуды, богато орнаментированные курильницы на ножке, бронзовые шилья, копьевидный нож и тесло, кожаная проколка, каменные орудия труда, овечьи астрагалы. Захоронения находят многочисленные аналогии в комплексах западноманьчской катакомбной культуры в Нижнем Подонье, где выявлена серия деревянных четырехколесных повозок с крытым верхом. Рассмотрены канавки на дне погребений, которые могли предназначаться для символических погребальных повозок. Обращено внимание на то, что в степях появляются повозки с двумя массивными колесами с вырезами в досках колеса, крытый верх кузова которых иногда не был сплошным. Это протоколесницы для воинов, вооруженных стрелами и копьями с пикообразными наконечниками. На следующем этапе развития появляются колесницы с легким кузовом, запряженные лошадьми.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-49-62

В 1991 г. археологический отряд Ростовского государственного университета исследовал курганный могильник, расположенный в междуречье Дона и Сала, на землях совхоза «Донской» (Семикаракорский р-н Ростовской обл.). В четырех курганах эпохи бронзы обнаружена серия погребений маньчской позднекатакомбной культуры, в трех из этих курганов имелись остатки повозок или следы полозьев (Ильюков 2000а).

¹ Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г., № государственной регистрации проекта 01201354248.

² Лаборатория археологии, ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.

Могильник Донской, кург. 1, погр. 18 (рис. 1)

Катакомба обнаружена на глубине 5,05 м от Ц⁰, в юго-восточном секторе кургана. Во входном колодце зафиксированы остатки повозки. На дне квадратного колодца, ориентированного углами по сторонам света, стояла деревянная повозка (размерами 1,6 × 1,0 м), ориентированная длинной осью по линии СЗ–ЮВ, имеющая раму (размерами 1,5 × 0,9 м) с тонкими деревянными стенками. Под ней располагалась пара осей, на концы которых были надеты четыре колеса (диаметром 0,68 м) с двусторонними ступицами. Дно кузова было крестовидно скреплено двумя длинными досками (шириной около 0,1 м), концы которых сшиты с досками кузова. Верхняя часть кузова снята с рамы и отсутствовала в колодце. К раме повозки крепились оглобли от дышла, для которых в восточной стенке колодца у дна была вырублена полуовальная ниша глубиной 0,5 м. Само дышло не сохранилось.

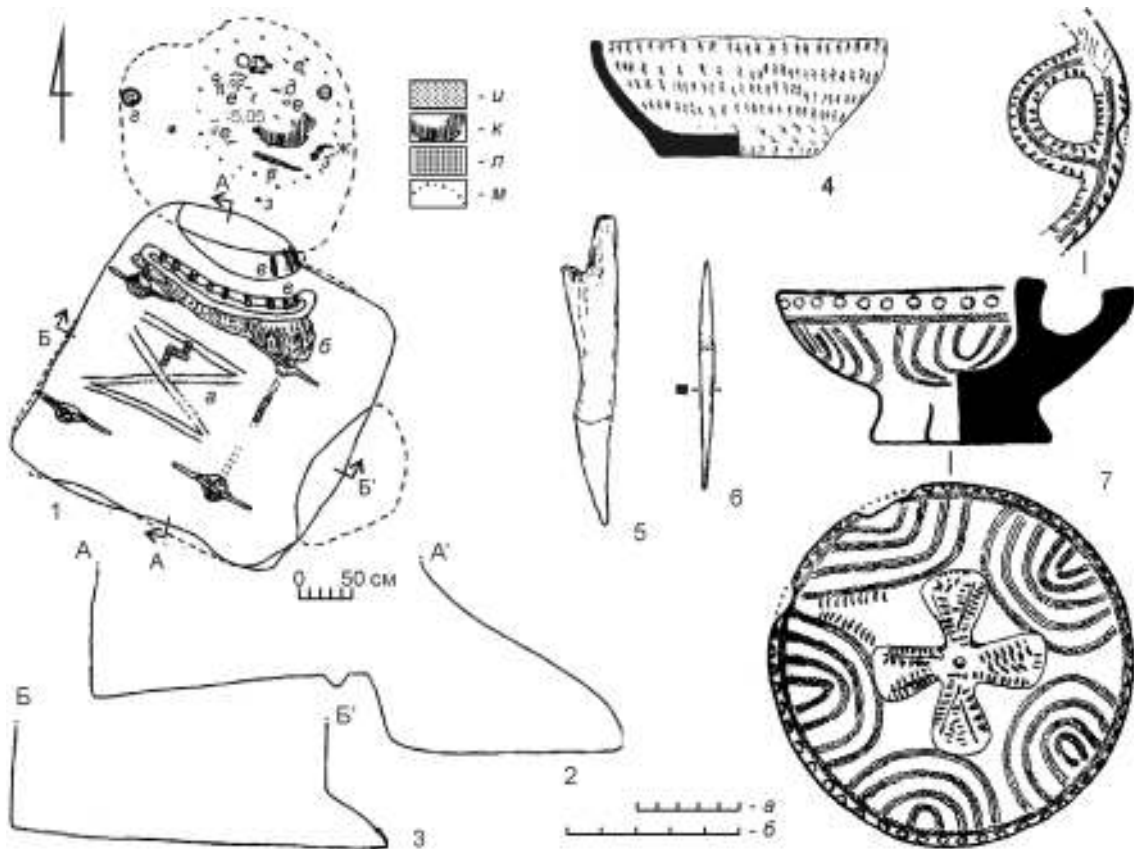

Рис. 1. Могильник Донской, кург. 1, погр. 18: 1–3 — план и разрезы (*a* — повозка; *б* — циновка; *в* — плашки; *г* — курильница; *д* — шило; *е* — отпечатки ниток, окрашенных охрой; *ж* — проколка; *з* — комок охры; *и* — порошок охры; *к* — желтый тлен; *л* — древесные угли; *м* — граница коричневого тлена); 4 — миска; 5 — проколка; 6 — шило; 7 — курильница (4, 7 — керамика; 5 — кость; 6 — бронза). Масштабы: *a* — для № 4, 7; *б* — для № 5, 6

Fig. 1. Cemetery of Donskoy, barrow 1, burial 18: 1–3 — plan and sections (*a* — wagon; *b* — mat; *v* — plates; *g* — censer; *d* — awl; *e* — imprints of threads dyed with ochre; *zh* — borer; *z* — lump of ochre; *i* — ochre powder; *k* — yellow decay; *l* — charcoal; *m* — boundary of brown decay); 4 — bowl; 5 — borer; 6 — awl; 7 — censer (4, 7 — ceramics; 5 — bone; 6 — bronze). Scale: *a* — nos. 4, 7; *b* — nos. 5, 6

Могильная камера, расположенная ближе к северо-западному углу, имитировала верхнюю часть кузова повозки. Перед входом в нее на дне колодца вырыт тонкий дуговидный желобок (длиной 1,6 м, шириной 0,1 м и глубиной 0,12 м), в котором установлен ряд жердей, загораживавших вход в камеру. На них опирался полог из тростниковой циновки (?), края которой были прижаты колесами ко дну могилы. Зауженный вход в камеру (размерами 1,1 × 1,0 м) обрывался ступенью высотой 0,7 м. Камера в плане имела округлые очертания, диаметром около 2,15 м. В ее западной стенке имелась полуовальная ниша шириной около 0,4 м, в которой находилась курильница с древесными углями. Дно камеры было покрыто коричневым тленом (рис. 1, 1–3).

В глубине камеры лежал скелет ребенка 5–7 л.³ Умерший был похоронен на спине, головой ориентирован на З. Плечевые кости лежали вдоль туловища. Кости ног не сохранились. Перед скелетом на дне могилы прослежен ряд дуговидных линий от веревок, пропитанных красной краской. Вероятно, положенный перед погребенным сверток (?) был расшит шнурами, окрашенными охрой. К востоку от него прослежено широкое дуговидное пятно желтого тлена, возможно, остатки пищи⁴ в широкой миске (?). К югу от подстилки находились три комка красной краски. В камере обнаружены кости конечностей и череп овцы.

Погребальный инвентарь. К югу от погребенного находилось бронзовое четырехгранное в сечении шило (длиной 6,5 см) с деревянной рукоятью (рис. 1, 6). Ближе к восточной стенке найдена проколка (длиной 9 см) из локтевой кости овцы. Один ее конец прямо срезан и заглажен, противоположный — острый и заполированный (рис. 1, 5).

Под западной стенкой камеры стояла курильница. Ее полусферическая чаша с внутренним отделением опиралась на крестовидную ножку. Венчик чаши и внутреннего отделения по оси украшены линией «тесьмы», по сторонам которой нанесены два ряда оттисков «личиночного» штампа, образующих «елочку». Под венчиком чаша опоясана одним рядом веревочных колечек и линией «тесьмы», от которой на тулове чаши до основания ножек расположены полуовалы из «тесемчатых» линий. В одном месте между ними вписан угол, нанесенный двумя рядами ногтевых вдавлений. Подошва каждой ножки покрыта четырьмя вертикальными рядами уголка штампа, из них крайние отделены отрезками прочерченных линий. Поверхность курильницы пятнистая, тесто с примесью шамота. Размеры чаши: высота — 7,5–8 см, диаметр — 18 см (рис. 1, 7).

Внешняя поверхность полусферической миски с плоским дном полностью покрыта горизонтальными рядами вертикальных оттисков штампа. Высота миски — 5,8 см, диаметр края — 14,5 см, диаметр дна — 7,7 см (рис. 1, 4).

Могильник Донской, кург. 2, погр. 10 (рис. 2)

Катакомба обнаружена на глубине 5,1 м от Ц⁰, в северо-восточном секторе кургана. Катакомба Т-видной формы, во входном колодце зафиксированы остатки

³ Антропологические определения погребенных из Донского могильника выполнены канд. биол. наук Е. Ф. Батиевой (Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник).

⁴ Такой тлен часто присутствует в реповидных горшках.

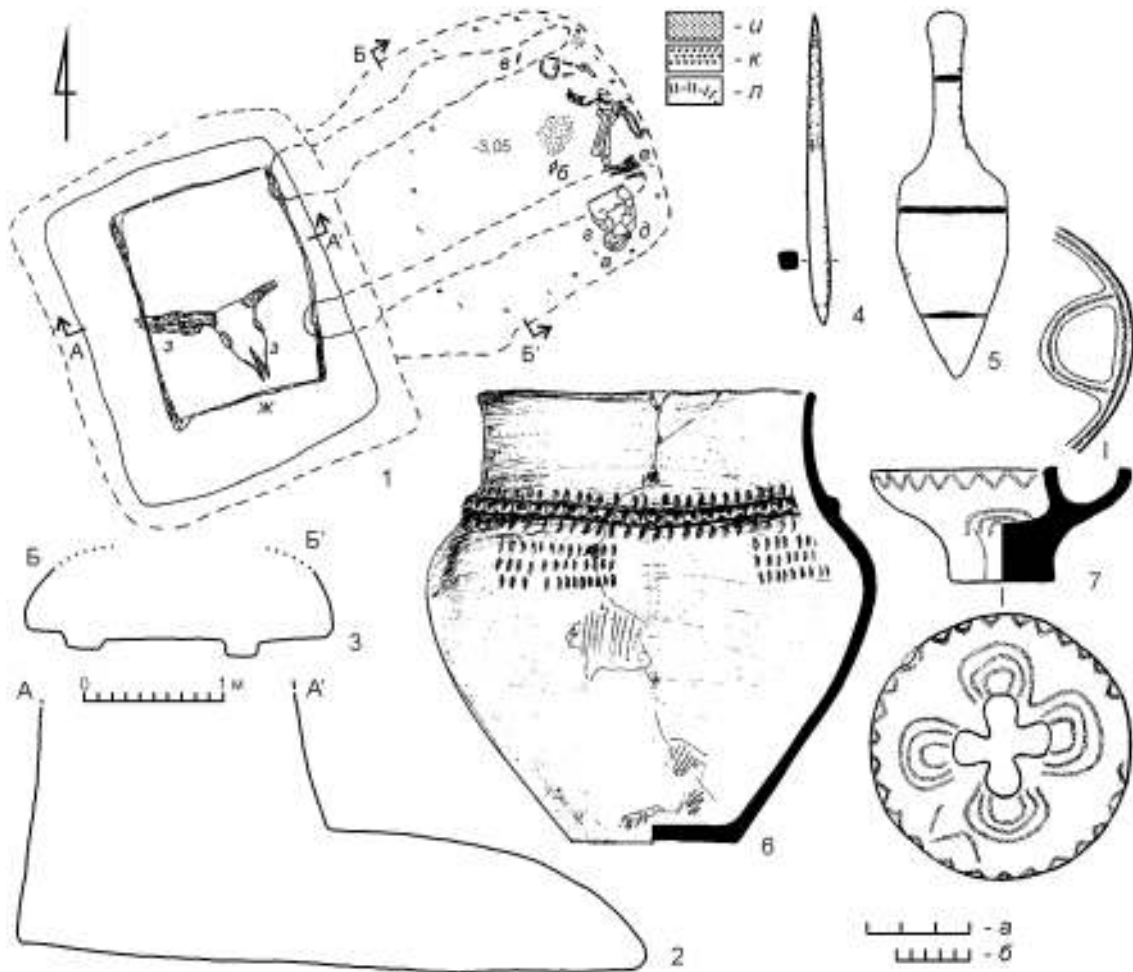

Рис. 2. Могильник Донской, кург. 2, погр. 10: 1-3 — план и разрезы (*а* — курильница; *б* — нож; *в* — шило; *г* — сосуд; *д* — комок охры; *е* — древесный тлен; *ж* — повозка; *з* — кости животного; *и* — порошок охры; *к* — древесные угли; *л* — граница коричневого тлена и мела); 4 — шило; 5 — нож; 6 — сосуд; 7 — курильница (4, 5 — бронза; 5, 6 — керамика). Масштабы: *а* — для № 4, 5; *б* — для № 6, 7

Fig. 2. Cemetery of Donskoy, barrow 2, burial 10: 1-3 — plan and sections (*a* — censer; *b* — knife; *v* — awl; *g* — vessel; *d* — lump of ochre; *e* — decomposed wood; *ж* — wagon; *z* — animal bones; *и* — ochre powder; *к* — charcoal; *л* — boundary of brown decay and chalk); 4 — awl; 5 — knife; 6 — vessel; 7 — censer (4, 5 — bronze; 5, 6 — ceramics). Scale: *a* — nos. 4, 5; *b* — nos. 6, 7

повозки. На дно широкого прямоугольного колодца, ориентированного длинной осью по линии ССЗ—ЮЮВ, размерами по верху $2,67 \times 2,25$ м и по дну $2,37 \times 1,85$ м (с прослеженными стенками на глубину 1,8 м), была поставлена прямоугольная рама от повозки. Размеры рамы — $1,6 \times 1,25$ м, высота стен — 0,3 м. Оси, на которые надевались колеса, под рамой отсутствовали. Внутри рамы и под ней обнаружен слой материкового грунта, а пространство вокруг рамы заполнено черноземом. В южной половине рамы находился череп быка без нижней челюсти, ориентированный лицевой стороной на ЮВ. На дне колодца зафиксировано пятно костного тлена (?), поверх которого лежали череп быка с рогами и стенка рамы повозки.

На дне могилы имелись две параллельные канавки, западные концы которых на 0,5 м выступали в колодец и перекрывались рамой повозки, а восточные упирались в стенку камеры. Их глубина — 0,005–0,150 м, ширина — 0,20–0,35 м, расстояние между канавками — до 0,8–0,9 м. Они ограждали площадь дна могилы шириной 0,85–0,93 м. В восточной стенке колодца расположен вход в прямоугольную камеру (размерами 2,35 × 2,15 м), длинной осью ориентированную по линии СВВ–ЮЗЗ. Слегка зауженный вход имел ширину 1,8 м (рис. 2, 1–3).

В глубине камеры, между канавками, находился скелет взрослого человека, похороненного скорченно на правом боку, головой на ССЗ. Правая рука была вытянута к ногам, кости левой не сохранились. Берцовые кости параллельны бедренным. Угол скорченности, образованный линией туловища и бедрами, составлял 110°. По дну камеры прослежен мел, поверх которого отмечен коричневатый тлен. В ногах погребенного зафиксировано большое пятно красной краски. Пятно такой же краски имелось у затылка. Комок красной краски обнаружен в ногах умершего, под курильницей.

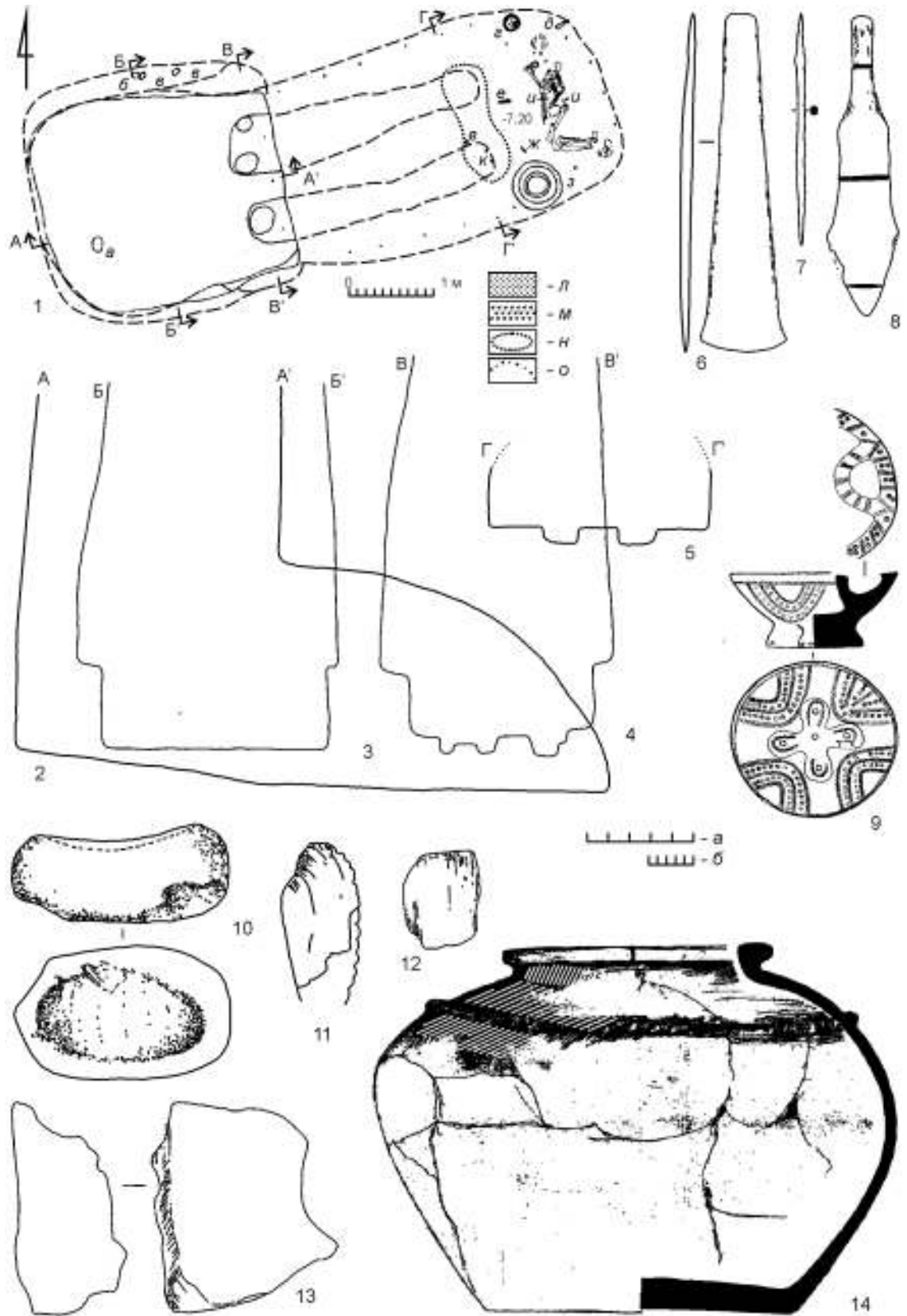
Погребальный инвентарь. В канавке у изголовья найдено бронзовое четырехгранное шило длиной 9,2 см. На слегка утолщенной его части — деревянная рукоять, другой конец — острый (рис. 2, 4). Перед погребенным лежал бронзовый нож, обращенный к нему острием. Длина ножа — 10,7 см. Нож имеет небольшой треугольный клинок с заточенными продольными краями, широкий прямоугольный перехват и выделенные плечики узкого черенка с раскованным клинком для насады рукояти (рис. 2, 5).

В ногах умершего стоял горшок с широким подцилиндрическим горлом, окруженными плечиками и плоским дном. В основании горла — валик, с двух сторон обрамленный двумя рядами ногтевых вдавлений. От валика вниз расположены широкие и короткие полосы 3–4 горизонтальных рядов ногтевых вдавлений. Поверхность сосуда заглажена гребенкой. Снаружи поверхность черная с коричневыми пятнами, тесто имеет примесь шамота. На дне внутри сосуда зафиксировано желтое вещество. Высота сосуда — 31 см, диаметр венчика — 23 см, максимальный диаметр тулова — 31 см, диаметр дна — 11,5 см (рис. 2, 6).

В ногах умершего, возле горшка, стояла курильница, чаша которой была заполнена древесными углями. Полусферическая чаша с внутренним отделением расположена на крестовидной ножке. Она орнаментирована оттисками «веревочки», сплетенной из двух нитей. Край чаши и внутреннего отделения по оси декорированы «веревочным» орнаментом. Под венчиком чаша украшена зигзагом из коротких оттисков «веревочки». От каждой ножки на чашу поднимаются по три веревочные петли, последовательно вписанные одна в другую. Композиция из веревочных полуovalов образует четырехлепестковую розетку с крестовидной ножкой курильницы в центре. Светло-коричневая поверхность сосуда тщательно заглажена, тесто с примесью шамота. Высота курильницы — 7,7 см, диаметр венчика — 17,7–18,2 см (рис. 2, 7).

Могильник Донской, кург. 3, погр. 10 (рис. 3)

Катакомба обнаружена на глубине 7,2 м от Ц⁰ в северо-восточном секторе кургана. Широкий подпрямоугольный колодец (размеры по верху — 2,8 × 2,5 м) длинной осью ориентирован по линии СЮ. Вдоль северной и южной стен на высоте 1,00–0,75 м от дна колодца расположены заплечики шириной 0,35–0,15 м (рис. 3, 1–5). На северном заплечике находился цилиндрический пест (размерами

8,0 × 5,5 см) из плотного серого камня, один конец которого немного сколот в древности, а второй — сильно стерт. Рядом обнаружены два небольших обломка светло-серого песчаника со слегка стертой поверхностью. На дне колодца вверх дном лежала овальная ступа размерами 19,0 × 11,7 см, с невысоким бортиком, сделанная из светло-серого кварцита, поверхность которой обработана в технике пикетажа. На одной из узких сторон, сколотых в древности, имеется вертикальный выступ-ручка (?). Рабочая поверхность изделия (глубиной до 1 см) имеет следы красной краски. По-видимому, на уровне заплечиков имелось перекрытие, на котором находилась ступа, упавшая на дно колодца, а пест и абразивные камни остались лежать на заплечике (рис. 3, 10, 12, 13).

Две параллельные канавки (шириной 0,37–0,70 м и глубиной до 0,2 м), не достигавшие восточной стенки камеры, соединяли колодец и камеру. На концах канавок в колодце имелись три ямки для столбов перекрытия, на которые опирался тростниковый заслон входа в камеру. По дну камеры и поверх канавок зафиксирован толстый слой серого тлена. Полоса желтого тлена перекрывала восточные концы канавок, находившиеся в камере. Кроме того, в заполнении юго-восточной канавки найдены три овечьих астрагала, а на восточном ее крае — осколок желтого песчаника.

Вытянутая подпрямоугольная камера размерами 4,00 × 2,57 м и высотой до 2,5 м длинной осью ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. В глубине камеры, вдоль ее восточной стенки, лежал скелет взрослого человека, похороненного скорченно на правом боку, головой на С. Полусогнутая правая рука расположена вдоль туловища, левая рука согнута в локте, ее кисть направлена к правой кисти. Ноги поджаты. Угол скорченности, образованный линией туловища и бедрами, — 145°, в коленях — 30° (рис. 3, 1).

Погребальный инвентарь. Перед погребенным, острием к нему, лежал бронзовый нож длиной 14,2 см. Нож имеет треугольный клинок с заточенными краями и длинный широкий перехват со слегка вогнутыми с двух сторон краями. Широкий черенок, плавно выделенный с двух сторон уступами, заканчивается расклепаным концом для насада на рукоять (рис. 3, 8). Напротив коленей лежало бронзовое четырехгранное шило длиной 11 см с выделенным коротким насадом (рис. 3, 7).

За головой погребенного, вдоль восточной стенки ямы, находилась мотыга. Она состояла из бронзового тесла и коленчатой деревянной рукояти, которая

Рис. 3. Могильник Донской, кург. 3, погр. 10: 1–5 — план и разрезы (*a* — ступа; *b* — пест; *v* — обломки камней; *z* — курильница; *d* — тесло; *e* — нож; *ж* — шило; *з* — сосуд; *u* — отпечаток предмета, окрашенного охрой; *к* — астрагал овцы; *л* — охра; *м* — угли; *н* — граница желтого тлена; *o* — граница серого тлена); 6 — тесло; 7 — шило; 8 — нож; 9 — курильница; 10 — ступа; 11 — штамп; 12–13 — обломки камней; 14 — реповидный сосуд (6–8 — бронза; 10, 12, 13 — песчаник; 11 — раковина; 9, 14 — керамика). Масштабы: *a* — для № 6–8, 10–13; *b* — для № 9, 14

Fig. 3. Cemetery of Donskoy, barrow 3, burial 10: 1–5 — plan and sections (*a* — mortar; *b* — pestle; *v* — stone debris; *z* — censer; *d* — adze; *e* — knife; *ж* — awl; *з* — vessel; *u* — imprint of an object painted with ochre; *к* — sheep astragalus; *л* — ochre; *м* — pieces of charcoal; *н* — boundary of the yellow decay; *o* — boundary of the grey decay); 6 — adze; 7 — awl; 8 — knife; 9 — censer; 10 — mortar; 11 — stamp; 12–13 — stone debris; 14 — turnip-shaped vessel (6–8 — bronze; 10, 12, 13 — sandstone; 11 — shell; 9, 14 — ceramics). Scale: *a* — nos. 6–8, 10–13; *b* — nos. 9, 14

крестовидно крепилась к тыльной поверхности тесла. Тесло длиной 16 см высокое, с узким обушком и расклепанными углами лезвия (рис. 3, б). В заполнении камеры найден гребенчатый штамп, зубчики которого вырезаны по краю створки раковины *Unio* (рис. 3, 11).

В головах погребенного стояла курильница, наполненная древесными углями, которые отсутствовали во внутреннем отделении. Полусферическая чаша с внутренним отделением имеет крестовидную ножку. Торец венчика чаши украшен поперечными оттисками «тесьмы», чередующимися с парой оттисков кольцевидного штампа, тогда как край внутреннего отделения украшен исключительно поперечными оттисками «тесьмы». Под венчиком чаша опоясана линией оттисков «тесьмы», от которой по тулову идут четыре больших полуовала оттисков «тесьмы», внутреннее пространство которых также заполнено двумя такими же полуолами, чередующимися с рядами спиралевидных оттисков. Подошва каждой ножки оконтурена линией из оттисков «тесьмы» с колечком из оттиска «веревочки» в центре. Поверхность бугристая, черного цвета, с рыжими подпалинами, в тесте примесь шамота. Высота курильницы — 8,5 см, диаметр — 18–19 см (рис. 3, 9).

В ногах находился большой толстостенный реповидный сосуд с приподнятыми округленными плечиками. Воротничковый венчик широкий и резко отогнут наружу, дно вогнутое. В основании плечиков — наклепной валик с пальцевыми вдавлениями. Внешняя поверхность бугристая, коричневая с черными пятнами, внутренняя покрыта глубокими хаотичными царапинами, тесто с примесью слюды. Треснувшие стенки были сшиты при помощи просверленных парных отверстий. На дне внутри сосуда находился слой желтого вещества. Высота сосуда — 41 см, диаметр венчика — 30 см, максимальный диаметр тулова — 58 см, диаметр дна — 34 см (рис. 3, 14).

Все три комплекса относятся к заключительному этапу развития западномамычской катакомбной культуры. На Нижнем Дону найдено около трех десятков повозок позднекатакомбного времени, имевших разную сохранность (Избицер 1993; Рогудеев 2008). Погребения с повозками, аналогичными найденной в могильнике Донской 3/10⁵, известны на Левобережье Нижнего Дона: Кудинов 6/2 (Братченко 1976: рис. 45, 1–6), Елkinский I 1/1 (Прокофьева 2012: 61–69), Бережной I 1/9 и 2/6 (Потапов 2007: 139–143; Власкин Н., Петров 2002: 267–271) и Отрадненский II 22/2. В редких случаях повозки были помещены в погребальную камеру: Балабинский I 10/14 (Каменецкий 2002: 140–152) и разобранная повозка в Маломартыновский 2/20 (Рогудеев 2008: 86, рис. 4, 1).

Ряд повозок был обнаружен к востоку и юго-востоку от Нижнего Дона: Ергенинский 10/2 (Андреева 2014: рис. 36), Элистинский 5/9 (Синицын, Эрдниев 1971: 68), Лолинский I 4/8 (Синицын, Эрдниев 1966: 35–37, рис. 4), Улан IV 4/15 (Шишлина и др. 2013: 121, ил. 2), Весёлая Роща 7/7, 10/7, 15/2 и 15/9 (Романовская 1982: 102–108); погр. 32 Большого Ипатовского кургана, где повозка находилась в камере (Избицер 2009: 125–130).

⁵ Далее при упоминании погребений первоначально указывается название могильника, номер кургана и, через косую линию, номер погребения, слово «могильник» опускается: Донской 3/10 означает могильник Донской, кург. 3, погр. 10.

Известны погребения позднекатакомбного времени в ямах, на дне которых находились повозки: Лолинский I 4/7 (Синицын, Эрдниев 1966: 32–33; Шилов 2009: 43), Три Брата 9/8 (Синицын 1948: 146; Шилов 2009: 107–117, 184–186), Шахаевский II 2/8 (Фёдорова-Давыдова 1983: 40–43, рис. 6) и даже на Правобережье Дона, в Мокрый Волчик 1 3/10 (Прокофьев 2002: 125–133; Верещагин, Прокофьев 2002: 137, рис. 1).

Отметим особенности погребений из Донского, где прослежено наличие «целой» повозки с кузовом-рамой на колесах (Донской 1/18), части повозки — рама без колес и парные канавки, соединяющие дно колодца и камеры (Донской 2/10), а также «следов» от повозки (?) — парные канавки, соединяющие дно колодца и камеры (Донской 3/10).

Оригинальная конструкция из канавок на дне рассматриваемых погребений остается во многом загадочной. Предположительно колеи могли предназначаться для символических погребальных повозок в «Страну мертвых» (Ильюков 2000а: 679). Аналогичные канавки на дне камер известны в других могильниках. Например, в Ростовском 11/12, где на дне прямоугольной ямы имелись две параллельные канавки глубиной 0,2 м и шириной 0,1 м, между которыми находились останки умершего, похороненного скорченно на левом боку, головой ориентированного на С, с руками, протянутыми к ногам (Курганные погребения... 2014: рис. 15). В Колпачки 5/2, где на дне прямоугольной ямы с заплечиками, ориентированной длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, имелись две параллельные канавки глубиной около 0,05 м и шириной 0,6 м, между которыми лежал скелет взрослого человека. Умерший был похоронен скорченно на правом боку, головой ориентирован на ВЮВ. Его правая рука была протянута к ногам, а левая — согнута в локте, ее кисть находилась у правой кисти. Перед лицом погребенного оставлены бронзовые нож и шило (Братченко 1976: рис. 37, 4, 5). На Ставрополье в Весёлая Роща 7/7 одна из катакомб имела редкую форму. В ее прямоугольной камере (2,5 × 2,0 м) стояла повозка, а на дне колодца, полого опускавшегося в камеру, были пробиты две колеи для колес, покрытые тростником. В камере находился скелет взрослого человека, похороненного скорченно на боку, головой на В. У его лица находился каменный топор, а за спиной — бронзовый нож с выделенным треугольным концом (Романовская 1982: 102, 104, рис. 1; 2). Известны случаи, когда по дну камеры прорезаны не канавки, а глубокий узкий ровик по периметру (Кияшко 1999: рис. 11, 10).

Интересно сопоставить параллельные канавки из Донского или Ростовского могильников и такие же канавки из могильника Колпачки с полозьями саней. Например, в Донском могильнике концы канавок, выступающие из камеры в колодец, были слегка приподняты, как у полозьев саней. В памятниках трипольской культуры представлены модели «саночек», у которых кузовок имеет широкие прямоугольные очертания и ребра по углам (Балабина 2004: 188–204). Подобные кузовки, но без полозьев, известны в памятниках катакомбного мира (Ильюков 2000б; Калмыков 2012: рис. 14–19). Согласно одной из гипотез, четырехколесная повозка появилась в результате усовершенствования саней. В борьбе с бездорожьем в эпоху бронзы на Ближнем Востоке и в Египте существовали оба вида транспортных средств: полозье и колесное (Балабина 2004: 211).

Среди катакомбных древностей известна серия глиняных моделей повозок, в их числе — модели крытых фургонов. Под одним из них, из Чограйского

могильника, имеется желобок под ось (Андреева 1984), но в самом погребении не оказалось деталей от этой «игрушки» — колес. Отсутствие в погребениях ряда деталей иногда ставит исследователей в тупик. Обе калмыцкие модели «арбы» очень выразительны (Избицер 2017: 131–137). У них должна быть архаичная толстая ось с четырехгранными концами для насаживания колес с двусторонней ступицей, из которых внутренняя часть длиннее внешней. В такой конструкции колеса не разбивали стенки кузова. Безусловно, использование стандартных колес в этой модели ошибочно, что справедливо заметила Е. В. Избицер. В ней отверстие для оси колеса было проткнуто через центр монолитной «ножки усеченно-пирамидальной формы», над которой располагался крытый верх самой повозки (Три Брата I, кург. 9). Еще одна близкая модель повозки типа арбы обнаружена в Элистинском могильнике (кург. 5, погр. 8). Здесь массивная «ножка» имела глубокое полуовальное углубление, расположенное в ее подошве. Это углубление предназначалось для толстой оси (Там же). Крытый кузов повозки располагался на массивной усеченно-пирамидальной ножке, к которой крепилась ось с колесами. Сама ножка являлась стилизованной рамой. По-видимому, пара подобных полуовальных скоб, расположенных под днищем повозки по его углам, предназначалась для закрепления в них обеих осей повозки. Подобные деревянные скобы-хомуты использовались в упряжи быка при присоединении к ярму, которое надевали на шею животного. В глиняных миниатюрах иногда по углам днища размещались четыре «ушка» с отверстием, предназначенные для оси (Бороффка 2008: рис. 2, 4). По-видимому, миниатюрный четырехугольный кузовок, найденный во рву Ливенцовской крепости, являлся глиняной моделью повозки (Ильюков 2016).

Иногда в «игрушечном кузовке» с невысокими бортиками помещали антропоморфные фигурки, однако в нем трудно усмотреть стилизованную модель настоящего кузова повозки. Например, борта глиняного изделия из могильника Новый не были покрыты орнаментом (Ильюков 2000б: рис. 1, 2). Две глиняные модели крытых повозок были обнаружены в Красной Поляне в группе Баранчук 2/8. Они покрыты прочерченным и «веревочным» узором, их низкие борта были специально очерчены. Над ними в боковых стенках сделаны два прямоугольных отверстия, а в передней — еще одно отверстие, предназначенное для возничего. Нижний край этого отверстия упирается в край невысокой стенки рамы, в ней по сторонам расположены две дырочки для крепления оглоблей дышла, а его верхний край ограничен арочным сводом крыши повозки. Судя по погребальному инвентарю, баранчукский комплекс был более архаичным, чем западноманычские глиняные модели (Фомичёв 2012: рис. 6).

Рассмотренная серия деревянных повозок представлена стандартным типом. Крытая повозка, расположенная на платформе в виде рамы, с крестовиной в ее основании, использовалась для доставки к месту погребения ее хозяина. Как правило, повозку лишали крыши, оставляя только раму с колесами. Крытый верх снимали с кузова, а кузов с колесами переносили в погребальный колодец, укладывая сверху немногочисленный инвентарь. Ассортимент изделий не ограничивался каменным пестом или ступой, нередко в кузове встречаются орудие погонщика (стрекало) или большой горшок с едой. Однако Н. М. Власкин и В. П. Петров отметили, что во входном отверстии камеры часто находят пест, по-видимому, игравший

символическую роль в погребальном обряде (Власкин Н., Петров 2002: 272; см.: Власкин М., Ильюков 1992).

В погребениях с повозками обычно использовались бронзовые ножи пикообразной формы. Такие клинки С. Н. Братченко называл «пиковидными» или «пламевидными костромского типа» (Братченко 1976: 95). Некоторые исследователи отмечают их сходство с наконечниками дротиков или копий (Кореневский 1978: 36–37). Напомним, что в двух погребениях, Донской 1/10 и 2/10, для предотвращения «встречи» с духом умершего против его живота был оставлен бронзовый нож. Найденный нож с перемычкой, с незаточенными прямыми боковыми сторонами и раскованным концом выделенного черенка имеет аналогии среди клинков поздней маньчжурской культуры (Андреева 2014: рис. 4, 9–13).

Находки колесного транспорта в катакомбах лишней раз подчеркивают, что сама катакомба символизировала собой повозку, а камера — ее кузов (см.: Гей 1999). Глиняные модели повозок этого периода, обнаруженные в Предкавказье и на Нижнем Дону, позволяют представить, какой была верхняя часть кибитки. Иногда ее стенки покрывал богатый узор, следы которого встречены на деталях повозок, например, в Три Брата I 9/8 (Синицын 1948: рис. 16).

Обычная повозка предназначалась для транспортировки личного имущества, которым владел умерший, и «товаров» для меновой торговли. По-видимому, изменение конструкции колесного транспорта было связано с использованием его в военном деле. Изменение центра тяжести повозки привело к упразднению одной из ее осей. Теперь под кузовом находилась одна ось с небольшими, но тяжелыми колесами. Необходимо было укоротить кузов, освободив его от крытого верха, а колеса сделать более легкими, расширив в них прорези. Легкое колесо обрело спицы, упиравшиеся в обод. И, наконец, оставалось заменить неповоротливого быка более быстрым животным — лошадью. Этот процесс культурной трансформации начался в конце позднекатакомбного времени.

Литература

- Андреева 1984 — Андреева М. В. Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени // СА. 1984. № 3. С. 201–205.
- Андреева 2014 — Андреева М. В. Восточноманьчжурская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
- Балабина 2004 — Балабина В. И. Глиняные модели саней культуры Кукутень-Триполье и тема пути // Гей А. Н. (отв. ред.). Памятники археологии и древнего искусства Евразии: Сб. ст. памяти В. В. Волкова. М.: ИА РАН, 2004. С. 180–213.
- Бороффка 2008 — Бороффка Н. Глиняные модели повозок в Карпатах и проблема происхождения боевых колесниц // Василенко А. И. (автор проекта). Происхождение и распространение колесничества: Сб. науч. тр. Луганск: Глобус, 2008. С. 30–46.
- Братченко 1976 — Братченко С. Н. Нижний Дон в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка, 1976. 251 с.
- Верещагин, Прокофьев 2002 — Верещагин В. В., Прокофьев Р. В. К анализу катакомбных погребений могильника «Мокрый Волчик 1» у с. Новоселовка в Чертковском районе Ростовской области // АЗ. 2002. Вып. 2. С. 134–139.

- Власкин М., Ильюков 1992 — *Власкин М. В. Ильюков Л. С.* Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона // СА. 1992. № 3. С. 178–194.
- Власкин Н., Петров 2002 — *Власкин Н. М., Петров В. П.* Погребения с повозками эпохи средней бронзы из могильника «Бережной VI» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Азов: Азовский краеведческий музей, 2002. Вып. 18. С. 261–273.
- Гей 1999 — *Гей А. Н.* О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Гуляев В. И. (отв. ред.). Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Восточная литература, 1999. С. 78–113.
- Избицер 1993 — *Избицер Е. В.* Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н. э.: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 1993.
- Избицер 2009 — *Избицер Е. В.* Повозка из погребения 32 Большого Ипатовского кургана и одноосные степные повозки эпохи средней бронзы // Белинский А. Б. (ред.). Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь: Наследие, 2009. Вып. 9: Археология и краеведение. С. 125–130.
- Избицер 2017 — *Избицер Е. В.* Модели «арбы» и погребение с повозками из кургана 9 могильника Три Брата I // Вишняцкий Л. Б. (отв. ред.). *Ex Ungue Leonem*: Сб. ст. к 90-летию Л. С. Клейна. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 130–138.
- Ильюков 2000a — *Ильюков Л. С.* Новые данные о колесном транспорте эпохи средней бронзы в Нижнем Подонье // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000: ТД. Кисловодск: Изд.-полигр. фирма «Ставрополье», 2000. С. 48–50.
- Ильюков 2000б — *Ильюков Л. С.* Сырцовые миниатюрные статуэтки эпохи средней бронзы из Нижнего Подонья // *Labores pariant honores*: Спец. вип. міжвуз. зб. наук. праць «Проблеми археології Подніпров'я», присвячений 70-річчю І. Ф. Ковальової. Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетровського національного університету, 2000. С. 105–112.
- Ильюков 2016 — *Ильюков Л. С.* Миниатюрные сосуды из Ливенцовской крепости // Алёшин В. А. (отв. ред.). Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.): Круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 88–91.
- Калмыков 2012 — *Калмыков А. А.* Глиняные модели из погребений эпохи средней бронзы Егорлык-Калаусского междуречья // Мунчаев Р. М., Корневский С. Н. (отв. ред.). Проблемы археологии Кавказа: Сб. ст. группы по археологии Кавказа. М.: Таус, 2012. Вып. 1. С. 86–99.
- Каменецкий 2002 — *Каменецкий И. С.* Большая катакомба Балабинского I могильника // Мунчаев Р. М. (отв. ред.). Проблемы археологии Евразии. Тула: Гриф и К°, 2002. С. 140–154.
- Кияшко 1999 — *Кияшко А. В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 1999. 182 с.
- Корневский 1978 — *Корневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культуры // СА. 1978. № 2. С. 33–48.
- Курганные погребения... 2014 — *Файферт А. В.* (сост.). Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Ростов н/Д, 2014. 500 с.
- Потапов 2007 — *Потапов В. В.* Курганы западного Маныча // АЗ. 2007. Вып. 5. С. 115–143.
- Прокофьев 2002 — *Прокофьев Р. В.* Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертковском районе Ростовской области // АЗ. 2002. Вып. 2. С. 109–133.

- Прокофьева 2012 — Прокофьева Т. Е. Раскопки курганов в Багаевском районе Ростовской области в 2009 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Азов: Азовский краеведческий музей, 2012. Вып. 26. С. 19–70.
- Рогудеев 2008 — Рогудеев В. В. Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колесничества // Василенко А. И. (автор проекта). Происхождение и распространение колесничества: Сб. науч. тр. Луганск: Глобус, 2008. С. 71–90.
- Романовская 1982 — Романовская М. А. Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 102–108.
- Синицын 1948 — Синицын И. В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. 1948. 10. С. 143–160.
- Синицын, Эрдниев 1966 — Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1966. 184 с. (Тр. Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 2).
- Синицын, Эрдниев 1971 — Синицын И. В., Эрдниев У. Э. Элистинский могильник (по раскопкам 1964 года). Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1971. 140 с. (Тр. Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 3).
- Фёдорова-Давыдова 1983 — Фёдорова-Давыдова Э. А. Раскопки курганной группы Шахавская II на р. Маныч // Краснов Ю. А. (отв. ред.). Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции: Сб. ст. М.: Наука, 1983. С. 35–87.
- Фомичёв 2012 — Фомичёв Н. М. Символика возрождения в обряде раннекатакомбного погребения // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С. Н. Братченка. Луганськ, 2012. С. 359–370.
- Шилов 2009 — Шилов В. П. Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
- Шишлина и др. 2013 — Шишлина Н., Ковалев Д., Ибрагимова Э. Повозки катакомбной культуры евразийских степей // Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетие до н. э. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 119–126.

CATACOMB CULTURE WAGONS FROM THE DONSKOY CEMETERY ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DON

L. S. IL'YUKOV

Keywords: *Middle Bronze Age, West Manych Catacomb culture, wooden four-wheeled wagon, wagon body, wheel, burial goods, wooden two-wheeled wagon, proto-chariot.*

In 1991, when studying the barrow cemetery of Donskoy (Semikarakorsk district of the Rostov oblast), the expedition from the Rostov State University excavated three intrusive burials of the Catacomb culture. Two of them (burial 18 from barrow 1 and burial 10 from barrow 2) yielded remains of wooden wagons (Fig. 1; 2). In addition, traces of sledge runners were recorded on the bottom of the grave pit from burial 10 in barrow 3 (Fig. 3). The catacombs had a broad shaft and a spacious chamber adjacent to it, with an adult or child skeleton lying on the bottom of the chamber and oriented to either the north or the west. The graves contained vessels, well ornamented censers

on legs, bronze awls, knives and adzes, bone perforators, stone tools, sheep astragali. The burials find numerous analogies in the assemblages of the West Manych Catacomb culture in the Lower Don region, where a series of wooden four-wheeled covered wagons was found. The furrows revealed on the bottom of the graves could have been intended for symbolical burial wagons. Worthy of note are partly covered wagons with two massive wheels with slits, which appeared in the steppes. They can be identified as proto-chariots for warriors armed with arrows and spears with pick-like points. The next stage witnessed the introduction of light-bodied chariots driven by horses.

ПЕТРОГЛИФ ИЗ ИВАНЬКОВО-ЛЕНИНСКОГО ГОРОДИЩА ШОЛМ В СРЕДНЕМ ПОСУРЬЕ¹

Н. С. МЯСНИКОВ, Л. А. ВЯЗОВ, Н. Н. СКАКУН,
В. В. ТЕРЁХИНА, Е. П. МИХАЙЛОВ²

Ключевые слова: петроглиф, бронзовый век, балановская культура, чирковская культура, I тыс. н. э., именьковская культура, трасология, топографические мотивы, культурный ландшафт.

В статье публикуется уникальная находка камня с петроглифом из Ивановско-Ленинского городища Шолм в Среднем Посурье (Алатырский р-н, Чувашия), обнаруженная в 2015 г. Петроглиф может быть датирован либо бронзовым веком и связан со смешанным балановско-чирковским слоем городища, датируемым исследователями первой четвертью II тыс. до н. э., либо второй половиной VII в. н. э. и может тноситься к именьковской культуре. С помощью трасологического метода была установлена последовательность и особенности создания артефакта. Петроглифу найдены многочисленные и широкие аналогии. По мнению авторов, находка является первым камнем с петроглифом с «топографическими мотивами» и символами окультуренного ландшафта в довольно обширном регионе лесной и лесостепной зоны Восточной Европы.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-63-72

В 2015 г. в Среднем Посурье на территории Алатырского р-на Чувашской Республики проходила межрегиональная археологическая экспедиция с участием археологов из Чебоксар (Н. С. Мясников, Е. П. Михайлов, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, Чувашский государственный институт гуманитарных наук — далее ЧГИГН), Казани (Л. А. Вязов, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ), Йошкар-Олы (Д. Ю. Ефремова, Е. Ю. Полянина, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева), Ульяновска (Н. А. Горбунов, Ульяновский государственный педагогический университет). Объектом исследования стало городище Шолм, расположенное на мысу коренного

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-01065-ОГН\18-ОГОН «Исследования археологических памятников Среднего Посурья периода римских влияний и Великого переселения народов».

² Н. С. Мясников — кафедра отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, 428000, Россия; Л. А. Вязов — Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия; Н. Н. Скакун — Экспериментально-трасологическая лаборатория, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; В. В. Терёхина — Лаборатория естественнонаучных методов в гуманитарных исследованиях, МАЭ РАН, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия; Е. П. Михайлов — ЧГИГН, г. Чебоксары, 428015, Россия.

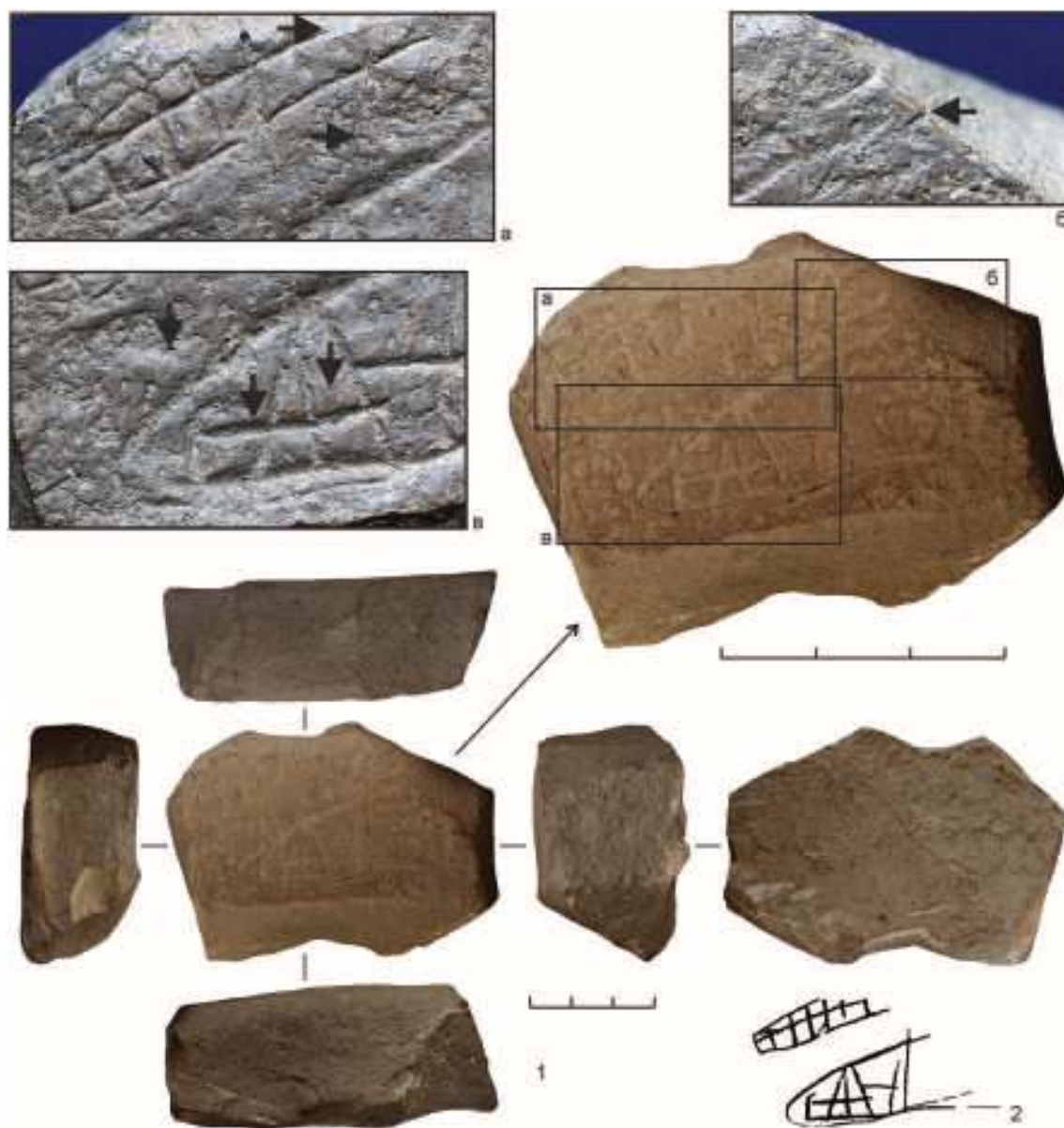

Рис. 1. Каменный артефакт с петроглифом из городища Шолм:
1 — фотографии (В. В. Терёхина); 2 — прорисовка изображения (Н. С. Мясников)

Fig. 1. Stone artifact with a petroglyph from the settlement of Sholm: 1 — photographs (V. V. Terekhina); 2 — drawing (N. S. Myasnikov)

берега р. Сура на территории с. Ивановско-Ленино. В раскопе площадью 64 м² была исследована постройка, относящаяся к именьковской археологической культуре, датированная по обнаруженному материалу второй половиной VII в. н. э. В заполнении сооружения в переотложенном состоянии были обнаружены также находки бронзового века смешанного балановско-чирковского облика, датируемые исследователями первой четвертью II тыс. до н. э. (Соловьёв 2016: 99).

На квадрате 1, на глубине 93 см от условной отметки «0» была найдена многоугольная каменная плитка коричневатого цвета, на лицевой поверхности

которой имеется «петроглиф» (рис. 1, 1; по описи — № 7594). Плитка сделана из ожелезненного мергелистого песчаника, обильно представленного в обнажениях Среднего Посурья. Материковые коренные отложения городища сложены именно этим материалом. Большое количество обломков такого камня встречалось во время раскопок. Его геологический возраст — аптский ярус нижнемеловой подсистемы³.

Форма плитки искусственно образована обивкой вертикальными и косыми боковыми сколами (рис. 1, 1), нанесенными с нижней (нелицевой) поверхности. Размеры плитки — $7,2 \times 4,3 \times 2,8$ см. Кромка этой (лицевой?) поверхности по периметру слегка пришлифована (для снятия остроты края), таким же способом снивелирован один из выступающих участков на самой плоскости, кроме того здесь же имеются современные повреждения от ударов лопатой.

Многоугольная лицевая площадка размерами $6,0 \times 4,3 \times 2,8$ см была специально подготовлена для дальнейшего нанесения петроглифа. На ее поверхности невооруженным глазом хорошо видны следы снятия лишнего материала с помощью пикетажа — мелкие неглубокие ямки, нанесенные металлическим орудием с заостренным концом (рис. 1, 1, а). Затем вся поверхность была пришлифована на мелкозернистом абразиве, о чем свидетельствуют длинные, идущие параллельно друг другу борозды, глубина и резкость которых смягчена дальнейшей полировкой (рис. 1, 1, в).

На этой поверхности расположены линейные изображения. В углублениях, образовавших линейность, под увеличением около 30 раз четко читаются ряды точечных вдавлений, тесно расположенных цепочкой друг за другом. Они нанесены металлическим инструментом с тонким округлым острием. Затем также металлическим орудием эти линии для большей четкости были углублены прорезанием (рис. 1, 1, б). Однако на некоторых участках на стенках прорезей сохранились остатки предыдущей точечной обработки.

Внимательное рассмотрение изображений позволяет выявить два участка рисунков и очередность их нанесения. Так, верхний участок (рис. 1, 1, а) представляет собой три более-менее параллельные друг другу линии, причем одна из них, ближайшая к краю предмета, повреждена сколами, частично его раскрошившими. Затертость кромки в этом месте говорит о том, что деформация образовалась в древности. Параллельные линии пересекают семь коротких вертикальных линий, нанесенных поверх них.

Ниже имеется другое изображение (рис. 1, 1, в). Его внешний контур составляют две длинные линии, расходящиеся под острым углом из одной точки. В узкой части помещен равнобедренный треугольник с биссектрисой, проведенной к основанию. Основание треугольника выходит за его границы в обе стороны. Слева от треугольника прочерчена короткая вертикальная линия, соединенная с основанием и слегка загнутая на верхнем конце. В средней части треугольник пересекает горизонтальная линия, выходящая за его пределы. Справа от треугольника расположены еще две условно вертикальные линии, которые пересекают контур изображения поперек. Последняя горизонтальная, слегка наклоненная линия прочерчена от треугольника направо к вертикальной линии.

³ Определение палеонтолога А. Ю. Березина (ЧГИГН).

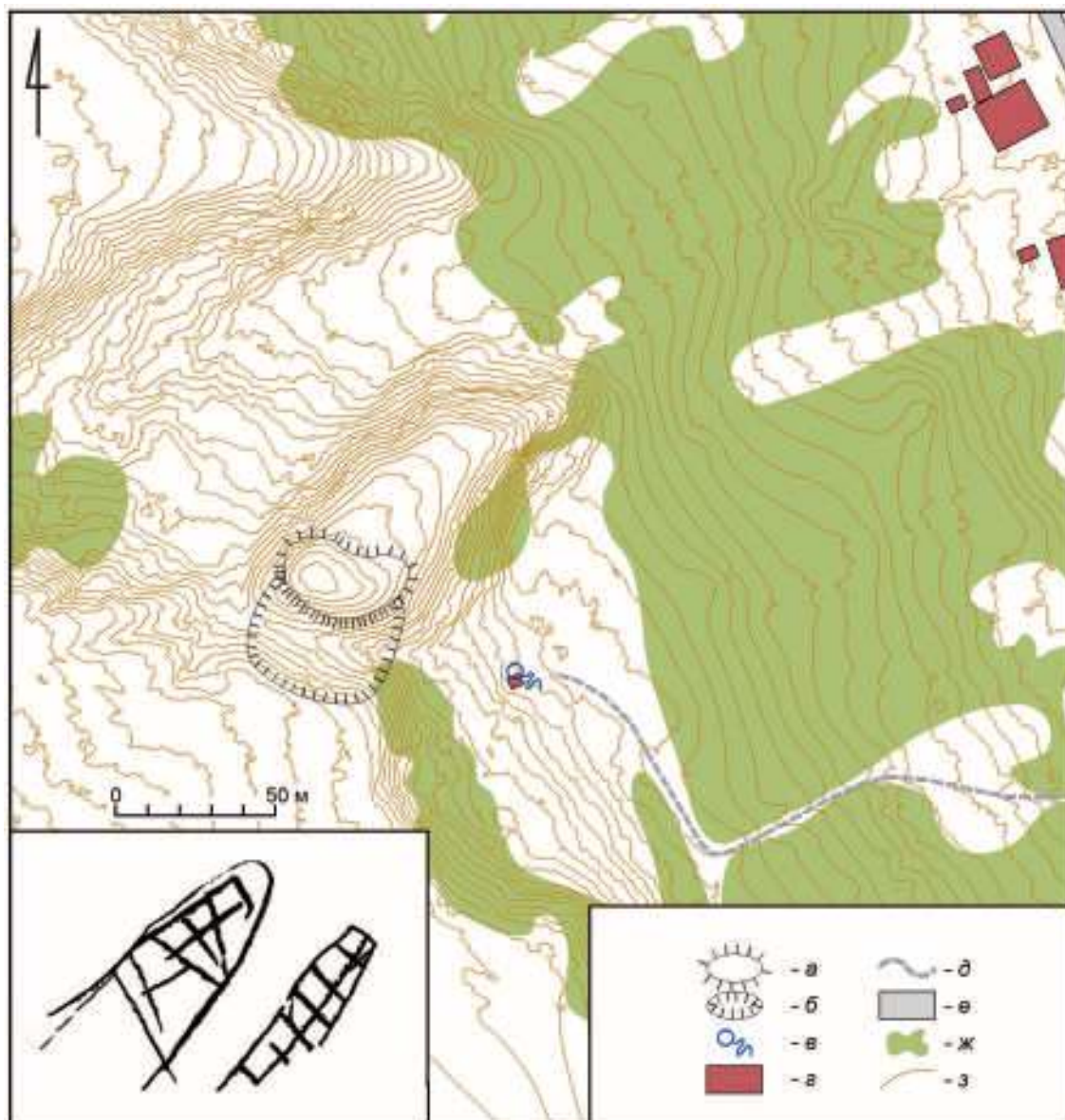

Рис. 2. Топографический план Ивановско-Ленинского городища Шолм: *a* — вал; *б* — ров; *в* — родник; *г* — постройки; *д* — проселочные дороги; *е* — дороги; *ж* — деревья; *з* — изолинии через 1 м (инструментальная съемка Л. А. Вязова и Ю. А. Саловой)

Fig. 2. Topographic plan of the Ivankovo-Leninskoe settlement of Sholm: *a* — rampart; *б* — ditch; *в* — spring; *г* — buildings; *д* — back roads; *е* — main roads; *ж* — trees; *з* — isolines spaced every 1 m (instrumental survey by L. A. Vyazov and Yu. A. Salova)

Затертость выступающих участков предмета свидетельствует о длительности его использования и, возможно, о соприкосновении с мягким материалом (мешочком из кожи, материи?) (рис. 1, 1, б).

Таким образом мы имеем дело с каменным артефактом, который был преднамеренно изготовлен с большой предварительной работой (обит, пришлифован, нанесены точки, затем по ним прорезаны линии). Предмет долго использовали и хранили в специальном месте. Совершенно ясно его неутилитарное значение.

Что касается интерпретации изображения, то мы явно имеем дело не с повторяющимся орнаментом, а с определенной образно-знаковой моделью. Линейная конфигурация изображения и узнаваемость некоторых его деталей позволяют, по нашему мнению, предполагать, что оно представляло собой план-схему расположения объектов на местности, то есть примитивную топографическую карту.

На наш взгляд, верхний рисунок может быть интерпретирован как культивируемое поле. На нижнем рисунке изображен мысовидный уступ, на котором и расположено городище. С напольной (правой) стороны поперечными вертикальными линиями могла изображаться некая ограда-изгородь или вал/ров. В центральной части треугольником с центральной вертикальной линией, вероятно, изображена постройка.

Примечательно, что современная топография местности вполне соответствует изображаемой «карте» (рис. 2). Верно передана форма мысовидного выступа коренного левого берега р. Сура, на котором расположено городище Шолм. У его подножья, к юго-востоку от городища, на уступе коренного берега есть ровная площадка с родником (Ильин родник). Еще в 2013 г. здесь велась распашка.

Безусловно, данная интерпретация выглядела бы умозрительно и даже фантастично без археологических аналогий. Однако подобные виды изображений известны в позднем неолите — энеолите и в раннем железном веке Евразии.

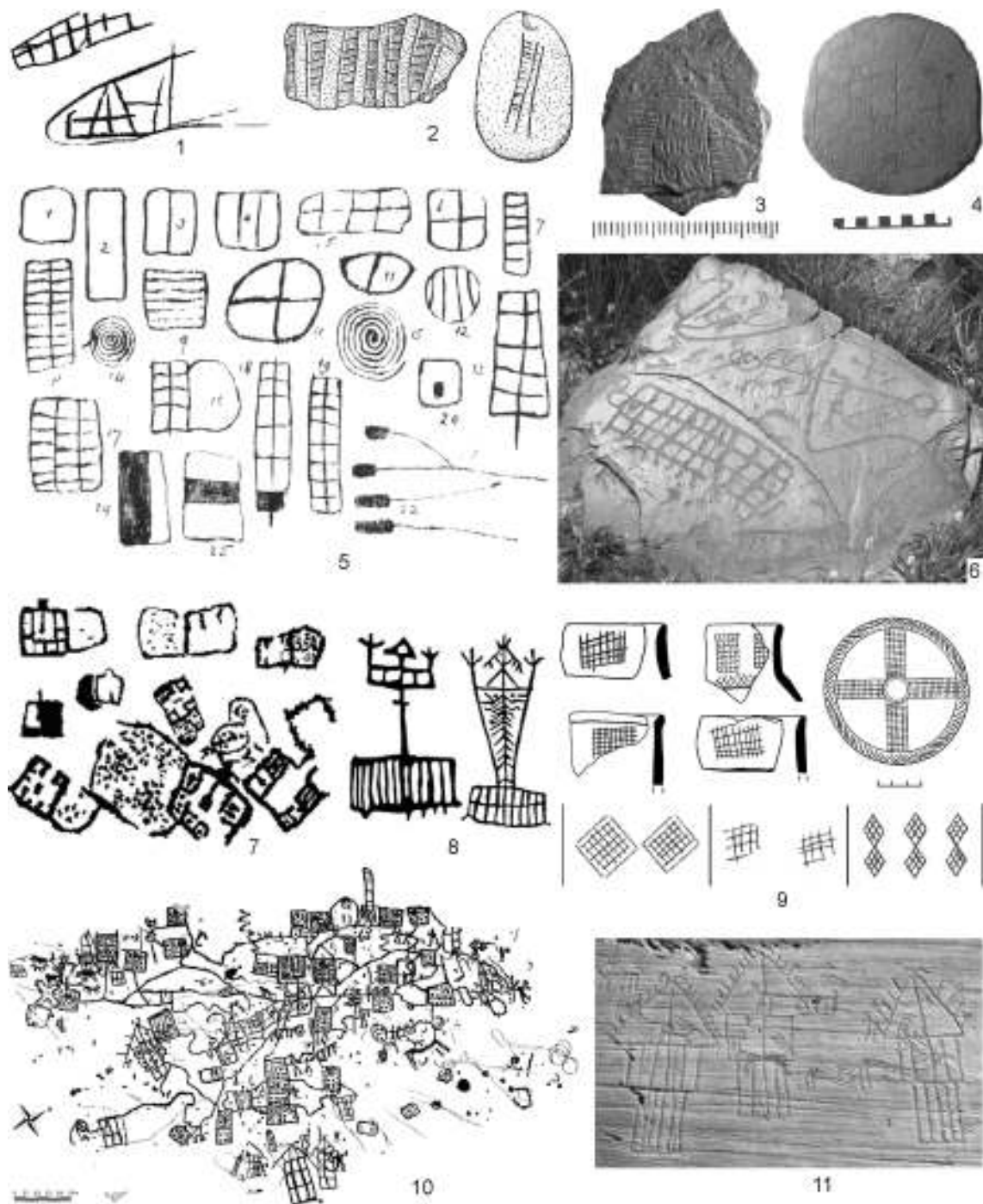
В 3200–2800 гг. до н. э. на памятниках культуры воронковидных кубков и других культур Северной и Западной Европы появляется «миниатюрное наскальное искусство» («минилитическое») — изображения на небольших камнях сопоставимых с нашим размером. Эти находки известны на Британских островах в Англии (Windmill Hill, Woodcock Corner, King Barrow Ridge, Durrington Walls), Уэльсе (Graig Wlyd), Шотландии (Skara Brae, Ness of Brodgar) и особенно многочисленны в Южной Скандинавии (Rispebjerg, Vasagård, Hindby Mosse, Östra Vemmenhög, Rävgrav, Kong Svends Høj, Lindø) (Kaul et al. 2016). На этих предварительно обработанных камнях прорезались короткие и длинные разнонаправленные линии-штрихи, криволинейные структуры, изображения прямоугольников, арок, лесенок, клеток, ромбов, стеблей-побегов, спиралей, радиальные структуры с лучами (рис. 3, 2–4) (Kaul et al. 2016: 6–20). Прямоугольные и лестничные орнаменты интерпретируются здесь как визуализация полевых систем и пастбищ, а сети линий — как заборы (Ibid: 22).

Еще более отчетливо «топографические карты», или «топографические гравюры», представлены в наскальном искусстве Альпийского региона — Итальянские Альпы (Valcamonica, Valtellina, Liguria), Приморские Альпы Южной Франции (Mont Bego), местность между Торино и Греноблем (Haute Marianne) и в Швейцарии (Sion). Здесь в петроглифах часто используются сетчатые или лестничные элементы, которые интерпретируются как пахотные поля, которые образуют целые огороженные поселения-деревни, в том числе вместе с домами-постройками, изображенными в плане (рис. 3, 5). Данные «карты» датируются здесь периодом позднего неолита — энеолитом (3500–2900 гг. до н. э.) (Arcà 2004: fig. 15, 1, 2; Kaul et al. 2016: 22–26).

Исследователи считают, что подобные изображения символизируют ландшафты для ритуальных/священных целей, связанных с укрощением земли (фертильностью), а могли использоваться и в качестве демонстрации владения земель как доказательство заселения данной территории. Их появление связывается

с неолитической революцией, с первым удачным опытом в освоении производящего хозяйства (Arcà 2004; Kaul et al. 2016: 26–27).

Топографические мотивы известны и по петроглифам других регионов Евразии: Средняя и Центральная Азия, Южная Сибирь, Передняя Азия. Так, изображение жилищ с загонами для скота в плановой проекции в виде квадратных фигур с линиями внутри, к которым примыкают «оградки» округлых, овальных или подпрямоугольных очертаний с точечным заполнением, известны на петроглифах Енисея (рис. 3, 7) (Мугур-Саргол, Алды-Мозага), на Алтае (Елангаш), в Монголии

(Сальхинд) и во Внутренней Монголии (Иньшань) (Дэвлет М., Дэвлет Е. 2005: 256, рис. 190, 192; Дэвлет 2006: 213, рис. 1). Элементы ландшафта и изображение земли в виде лестничных/решетчатых фигур известны на петроглифах Средней Азии (Саймалы Таш) (рис. 3, 6) (Аманбаева и др. 2011: 250, рис. 5). Еще А. Н. Бернштам отмечал среди петроглифов Саймалы Таш геометрические сюжеты, среди которых выделял прямоугольники с линиями внутри, напоминающие планы городов или домов (Бернштам 1952: 62).

Любопытны также изображения так называемых женщин-прародительниц в виде геометризованных («решетчатых») фигур эпохи энеолита — бронзового века в Средней и Центральной Азии (Монголия, Алтай, Верхний Енисей). Нижняя часть фигуры ниже пояса трактуется как широкая клетчатая или складчатая юбка, однако, на наш взгляд, очевидна ее семантическая связь с землей/полем. Особенно хорошо это видно на примере решетчатых фигур из святилища Чулуут (Монголия) (рис. 3, 8) (Дэвлет М., Дэвлет Е. 2005: 138–144, рис. 119). Существует альтернативная точка зрения, что решетчатые фигуры представляют собой сакральные срубные постройки (храм/хлев). Ближе к истине представляется взгляд на них как на синкретические изображения «женщины-храма», в которых образы матери и здания сливаются воедино (Окладникова 2011: 122–126).

Топографические мотивы, изображающие пахотные поля, известны и на неолитической керамике Центральной Европы (культура Зальцмунд). Часто в них сочетались образы солнца и поля (Kaul et al. 2016: 28–29). Полагаем, что продолжение этой традиции можно видеть и в культурах шнуровой керамики бронзового века, к которым относятся фатьяновская и балановская культуры. Про солярную символику в этих культурах много написано, однако среди элементов и мотивов орнамента мы видим и решетчатые узоры, перекрещивающиеся линии, заштрихованные ромбы, квадраты, лестницы, иногда расположенные в шахматном порядке, которые можно связывать с символами поля и земли (рис. 3, 9) (Гадзяцкая 1976: 40–42, табл. XVIII, 26; Бадер, Халиков 1976: табл. 14, 13; 15, 12; 18, 22; 34, 2; Соловьёв 2000: рис. 83, 17, 22, 37, 39). Исследователи отмечают, что для орнамента сосудов бронзового века Восточной Европы в целом (фатьяновская, балановская, абашевская, срубная культуры) характерны календарная символика и развитое представление о трехчленной

Рис. 3. Аналогии петроглифу из городища Шолм (1) в петроглифах Дании (2, 3), Великобритании (4), Альпийского региона (5, 10, 11), Киргизии (6), России (7), Монголии (8) и в орнаментации керамики балановской культуры (9): 2–3 — о. Борнхольм (2 — Rispebjerg; 3 — Vasagard Vest); 4 — Woodcook Corner, Cornwall; 5 — Mont Bego, Южная Франция; 6 — Саймылы-Таш; 7 — Мугур-Саергол, каньон Енисея; 8 — Чулуут; 10, 11 — Valcamonica, Италия (2–4 — по: Kaul et al. 2016; 5 — по: Arcà 2004; 6 — по: Аманбаева и др. 2011; 7 — по: Дэвлет 2006; 8 — по: Дэвлет М., Дэвлет Е. 2005; 9 — по: Степанова 1967; Бадер, Халиков 1976; Соловьёв 2000; 10, 11 — по: Nash 2011)

Fig. 3. Analogies to the petroglyph from Sholm (1) among the petroglyphs of Denmark (2, 3), Great Britain (4), Alpine region (5, 10, 11), Kirghizia (6), Russia (7), Mongolia (8) and in the pottery decoration of the Balanovo culture (9): 2–3 — Bornholm island (2 — Rispebjerg; 3 — Vasagard Vest); 4 — Woodcook Corner, Cornwall; 5 — Mont Bego, Southern France; 6 — Saimyly-Tash; 7 — Mugur-Saergol, the Yenisei canyon; 8 — Chuluut; 10, 11 — Valcamonica, Italy (2–4 — after Kaul et al. 2016; 5 — after Arcà 2004; 6 — after Аманбаева и др. 2011; 7 — after Дэвлет 2006; 8 — after Дэвлет М., Дэвлет Е. 2005; 9 — after Степанова 1967; Бадер, Халиков 1976; Соловьёв 2000; 10, 11 — after Nash 2011)

структуре мироздания. В обоих случаях землю символизировало паханное поле, выполненное штрихованными прямоугольниками (Большов 2006: 127–143).

Именно фатьяновско-балановская культурная общность в Среднем Посурье наиболее явно генетически связана с европейскими культурами. Эти люди были первыми в лесной зоне Поволжья земледельцами и скотоводами, проникшими в среду рыболовов и охотников. Ныне все больше фактов говорит о комплексном хозяйстве фатьяновской культуры, включавшем и земледелие. На подмосковном материале доказано, что ближайшие окрестности фатьяновских поселений в пойме были расчищены от леса (Кренке 2014: 16). Культ плодородия, земли должен был играть весомую идеологическую роль в их жизни. Это население первым основывает поселения на мысовидных уступах, господствующих над местностью, что также должно было отразиться на понимании ландшафта и в культовой практике. В Нижнем Посурье известно балановское святилище Хонки-Сёт, расположенное на мысовидном уступе-останце коренного берега, исследованное П. Д. Степановым в 1954 г.

Однако нельзя исключать и принадлежность «карты» к I тыс. н. э. (VII в. н. э.). Интересно, что на альпийских петроглифах более сложные карты с изображениями не только полей, но и дорог, и построек (хижин, зернохранилищ) в боковой проекции появляются после длительного перерыва⁴ в раннем железном веке (середина I тыс. до н. э.) (рис. 3, 10, 11) (Arcà 2004; Marretta 2013; Nash 2011). Такие карты уже изображают не сакральную, а более реальную топографию, что сближает их с нашей находкой. Важно, что изображения жилищ в боковой проекции появляются и в Средней Азии не ранее железного века (Дэвлет 2006: 213). Примечательно также, что, по нашей интерпретации, на «карте» из городища Шолм изображена одна постройка в центральной части, а на именинских городищах как раз выделяется единственная крупная жилищная западина в центральной части площадки мыса. Кроме того, раскопки показали, что изученная постройка имела центральный опорный столб, а именно так можно трактовать вертикальную линию внутри треугольника на камне. Также нужно отметить и характер находок в заполнении жилища — здесь было найдено более 200 целых и фрагментированных пряслиц (вряд ли такое количество может быть связано лишь с прядением), два керамических «хлебца» и семь костяных амулетов-натуралей, то есть довольно большое количество предметов сакрального назначения. Эти факты говорят об особом значении подобных построек на городищах в ритуальной жизни именинковой общины. Стоит отметить, что именно именинское население принесло в Среднее Поволжье первые пахотные орудия. Очевидно, земледелие, в отличие от предыдущих культур региона, играло главную роль в их хозяйстве, а соответственно, и обрядовая практика населения должна была быть тесно связана с аграрным культом.

При всей заманчивости подобной интерпретации камня с «картой» нельзя не отметить, что в именинковой и синхронных ей культурах лесостепной зоны Восточной Европы традиция орнаментации/декорирования (нанесения изображений) на какие-либо предметы была слабо развита и сходные мотивы неизвестны.

Ближайшие петроглифы, в которых можно было бы разглядеть намеки на топографические элементы и символы окультуренного ландшафта, можно найти на камнях

⁴ Достоверные «топографические гравюры» бронзового века в Валькамоники и других местонахождениях Европы неизвестны.

Тиуновского святилища в Вологодской обл. Здесь есть лестничные символы, прямоугольники и треугольники с решетчатыми фигурами внутри (Никитинский 1994: рис. 14, 15, 17, 21; Скакун, Никитинский 2000). Эти камни-алатыри относятся к местному русскому субэтносу кокшаров и датируются уже более поздней эпохой — XV в.

Таким образом, вопрос о точной культурной и хронологической привязке находки окончательно решен быть не может. Однако она становится первым камнем с петроглифом с «топографическими мотивами» в довольно обширном регионе лесной и лесостепной зоны Восточной Европы.

Литература

- Аманбаева и др. 2011 — *Аманбаева Б., Сулайманова А., Жолдошов Ч.* Наскальное искусство Кыргызстана // Clottes J. (ed.). Наскальное искусство Центральной Азии. Тематическое исследование. Paris: International Council on Monuments and Sites, 2011. P. 247–280.
- Бадер, Халиков 1976 — *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры. М.: Наука, 1976. 168 с. (САИ. Вып. В I-25).
- Бернштам 1952 — *Бернштам А. Н.* Наскальные изображения Саймалы-Таша // Советская этнография. 1952. № 2. С. 50–68.
- Большов 2006 — *Большов С. В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблема культуругенеза первой половины II тыс. до н. э.). Йошкар-Ола: Марийский НИИЯЛИ, 2006. 232 с.
- Гадзяцкая 1976 — *Гадзяцкая О. С.* Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа. М.: Наука, 1976. 134 с. (Археология СССР. САИ. Вып. В I-21).
- Дэвлет 2006 — *Дэвлет М. А.* Древние жилища народов Северной и Центральной Азии (по материалам петроглифов) // Косарев М. Ф. (ред.). Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии: Сб. ст. памяти В. Н. Чернецова. М.: Таус, 2006. С. 198–211.
- Дэвлет М., Дэвлет Е. 2005 — *Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г.* Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетей, 2005. 472 с.
- Кренке 2014 — *Кренке Н. А.* Москворецкие памятники фатьяновской культуры // РА. 2014. № 4. С. 5–18.
- Никитинский 1994 — *Никитинский И. Ф.* Тиуновское святилище // Башенькин А. Н. (ред.). Культура Русского Севера: Межвузовский сб. науч. тр. Вологда, 1994. С. 30–61.
- Окладникова 2011 — *Окладникова Е. А.* Решетчатые фигуры на горе Калбак-Таш (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011. № 3 (47). С. 120–127.
- Скакун, Никитинский — *Скакун Н. Н., Никитинский И. Ф.* Трасологические исследования техники нанесения рисунков Тиуновского святилища // Шер Я. А. (ред.). Международная конференция по первобытному искусству: Труды. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 2000. Т. 2. С. 101–103.
- Соловьёв 2000 — *Соловьёв Б. С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000. 264 с. (Тр. Марийской археологической экспедиции. Т. 6).
- Соловьёв 2016 — *Соловьёв Б. С.* Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века. Йошкар-Ола: Марийский ГУ, 2016. 411 с. (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 9).
- Степанов 1967 — *Степанов П. Д.* Ош Пандо. Саранск: Мордовское книж. изд-во, 1967. 211 с.

- Arcà 2004 — *Arcà A.* The topographic engravings of Alpine rock-art: fields, settlements and agricultural landscapes // Nash G., Chippindale Ch. (eds). *Pictures in place: the figured landscapes of Rock-Art.* Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2004. Chapter 15. P. 318–349.
- Kaul et al. 2016 — *Kaul F., Andresen J., Thorsen M.* Recent finds of Neolithic miniature rock art on the island of Bornholm — including topographic motifs // *Adoranten.* 2016. P. 5–36.
- Marretta 2013 — *Marretta A.* Age of the Heroes a brief overview of Valcamonica rock-art during the Iron Age (I millennium BC) Valcamonica World Heritage // *Adoranten.* 2013. P. 75–88.
- Nash 2011 — *Nash G.* Replicating Cultural Landscapes: Interpreting Rock-art in the Valcamonica, Lombardy, Italy // *Landscapes.* 2011. Vol. 2, no. 2. P. 1–19.

PETROGLYPH FROM THE SHOLM HILLFORT OF IVAN’KOVO-LENINO IN THE MIDDLE SURA REGION

N. S. MYASNIKOV, L. A. VYAZOV, N. N. SKAKUN, V. V. TEREKHINA,
E. P. MIKHAILOV

Keywords: *petroglyph, Bronze Age, Balanovo culture, Chirki culture, I mil. AD, Imenkovo culture, traceology, topographic motifs, enculturated landscape.*

The paper presents a unique stone with a petroglyph from the Sholm hillfort of Ivan’kovo-Lenino in the Middle Sura region (Alatyr district, Republic of Chuvashia), found in 2015. The petroglyph can either be dated to the Bronze Age and associated with the mixed Balanovo-Chirki layer of the settlement (first quarter of the II mil. BC) or to the second half of the VII c. AD and attributed to Imenkovo culture. The traceological analysis allowed to establish how and in which sequence the object was created. The petroglyph has proved to have numerous and wide analogies. The authors believe that this is the first stone with a petroglyph with “topographic motifs” and symbols of the enculturated landscape found in a vast region of the forest and forest-steppe zone of East Europe.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗОВ ДИОНИСИЙСКОГО КРУГА НА МОНЕТАХ ПАНТИКАПЕЯ¹

И. Ю. ШАУБ²

Ключевые слова: монеты Пантикапея, сатиры и силены, Дионис, Великая богиня.

Интерпретация одного из самых распространенных типов пантикапейских монет — с изображениями бородатых (реже безбородых) голов со звериными ушами — до сих пор остается предметом дискуссии. Все сходятся лишь на том, что это персонажи дионисийского круга. Чаще всего в них видят сатиров и/или силенов, однако в науке нет ясности в таких важных вопросах, как происхождение данных образов, разница между ними, а также характер их взаимоотношений с Дионисом. Изображения подобных персонажей часто встречаются не только на Боспоре, но и в Скифии. Изображение бородатой головы сатиropодобного существа в руках змееного божества (ипостаси Великой богини) на бляшках из курганов Куль-Оба и станицы Ивановской свидетельствует о тесной связи обоих персонажей. Эти и прочие факты позволяют уверенно предполагать, что в образах сатиров греческой мифологии на монетах и ряде других боспорских памятников получили воплощение варварские представления о «прадионисийских» (или «парадионисийских») персонажах, выступавших здесь в качестве спутников Великой богини.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-73-81

Вновь обратиться к уже неоднократно обсуждавшемуся вопросу об идентификации и трактовке неизменного типа аверса пантикапейских монет IV–III вв. до н. э. и одного из самых распространенных типов боспорской нумизматики — с изображениями бородатых (реже, безбородых) мужских голов со звериными (лошадиными или ослиными) ушами — побуждает живучесть несколько потускневшего в отечественной научной литературе, но процветающего в западной представления о том, что здесь мы имеем дело с изображением Пана — якобы «говорящим гербом» столицы Боспора (например: Braund 2018: 48)³. Во-первых, у Пана (и его множественной ипостаси — панисков), который изредка фигурирует на боспорских

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ О несостоятельности данной гипотезы см.: Шауб 2019.

памятниках⁴, имелась своя собственная иконография, не совпадающая с изображениями на боспорских монетах⁵. Пан — единственное в греческом пантеоне божество в образе животного, первоначально бог-козел, с течением времени все более очеловечивавшийся (Boardman 1997: 940). Главное в его иконографии — козлиные рога, в то время как отличительной чертой персонажей на аверсах монет столицы Боспора являются звериные уши. Во-вторых, несомненно, что как в случае с Пантикапеем, так и с Пантикапом — рекой в Скифии, неоднократно упоминаемой Геродотом (Hdt. IV. 18; 47; 54), речь идет о негреческих (иранских или индоиранских) названиях (Доватур и др. 1982: 285–287; Трубачёв 1999: 259).

Несмотря на то что идентификация рассматриваемых изображений на пантикапейских монетах остается предметом дискуссии, все исследователи сходятся на том, что это персонажи дионисийского круга. Чаще всего в них видят сатиров или силенов (Шауб 2007). Это обосновано с точки зрения иконографии, однако в науке нет ясности в таких важных вопросах, как происхождение данных образов, их функции, различия между ними, а также характер их взаимоотношений с Дионисом.

Не претендуя в небольшой статье на решение всех этих сложных вопросов, отметим лишь следующее.

Упомянув в одном ряду о «сатирах, силеных, вакхах и титирах», Страбон сравнивает их с куретами, которых в свою очередь отождествляет с «кабирами, идейскими дактилями и тельхинами». Он характеризует всех их как «некие демонические существа» и «слуги богов» (Strab. X, 3, 7); чуть ниже он еще добавляет к этим персонажам «корибантов и панов» (Strab. X, 3, 11). Авторитетнейший немецкий искусствовед Эрика Зимон считает это свидетельство Страбона важным источником для понимания сути сатиров и силенов (Simon 1997: 1108). Однако великий географ в данном случае отнюдь не следует традиции, но излагает результаты своего собственного рассмотрения типологического сходства между этими образами. Об этом ясно говорит он сам, подчеркивая, что «всякое исследование в таком роде относится к области учения о богах и не чуждо умозрению философа» (Strab. X, 3, 7). Зимон по чисто внешним признакам (конские черты: уши, копыта, хвост) сопоставляет силенов и сатиров с кентаврами (Simon 1997: 1108), которые, без сомнения, представлялись существами демоническими, но отнюдь не считались слугами богов.

Нередко вопрос о сходстве и различии между обеими группами этих персонажей решается просто (см., например, статью «Силены» в Википедии). Однако отнюдь не случайно один из крупнейших современных специалистов по истории греческой религии В. Буркерт уклонился от обсуждения «сложного вопроса отношения сатиров к „силенам“» (Буркерт 2004: 297), а другой почтенный антиковед

⁴ В склепе 7 (не ранее II в. н. э.) некрополя Нимфея имеется рельефное изображение Пана. В других углах этого склепа находятся изображения Силена, Диониса и Афины (Ростовцев 1914: 395–396). Присутствие в дионисийской компании совершенно чуждой ей Афины является свидетельством какой-то несомненно местной традиции.

⁵ Дж. Бордман отмечает, что, несмотря на устойчивое мнение о наличии на пантикапейских монетах изображения головы Пана, голова здесь «безрогая и как будто бы принадлежит сатиру. Та же проблема существует и с интерпретацией рельефной головы на кизикском проксеническом декрете пантикапейцу» (Boardman 1997: 938).

прямо заявил, что точно отделить силенов от сатиров невозможно (Stoessl 1979: 191). Сознвая, что разница между ними все же существует, из-за недостатка данных и их противоречивости этот вопрос приходится оставить открытым и условно либо называть всех персонажей со звериными чертами сатирами, либо оставлять это название только за безбородыми, именуя бородатых силенами (по Павсанию (Paus. I, 23, 50), силенами называют сатиров, достигших преклонных лет). Вероятнее всего, на пантикапейских монетах представлено одно и то же божество — сатир — в двух возрастных ипостасях (аналогичный феномен характерен для иконографии Диониса, Гермеса, кабиров). Подобное сочетание изображений бородатых и безбородых персонажей наблюдается и в Скифии. Так, в кургане Бабина Могила голову одного из погребенных здесь коней украшали серебряные позолоченные уздечные бляхи с изображением голов старого и молодого сатиров (Мозолевский, Полин 2005: табл. 6, 7). В состав того же уздечного набора входил и выполненный из того же материала и в той же технике налобник с изображением Геракла. Данный факт следует отметить, поскольку неизвестная из письменных источников связь этого героя с сатирами нашла отражение в аттической краснофигурной живописи (Шауб 2007: рис. 1). О связи Геракла с сатиropодобными гигантами таманского мифа об Афродите см. далее.

Авторы ряда старых работ по истории греческой религии (нередко независимо друг от друга) предполагали, что сатиры первоначально были самостоятельными множественными божествами, сравнительно поздно вошедшими в круг бога Диониса, который пришел в Грецию из Фракии, благодаря своим схожим с ним функциям. После прочтения имени Диониса в одной из микенских табличек стало модным утверждать, что этот факт «обесценивает» аргументы этих «несовременных» ученых, а сатиры — это просто спутники Диониса и его представители в тех случаях, когда они изображаются без него (см. например: Simon 1997: 1108).

Однако слово «сатир» теперь прочитано на гораздо более древней табличке, чем та, где фигурирует Дионис; неясная прежде этимология этого слова весьма убедительно возводится к древнему минойскому теониму. Оно встречается в минойской (линейного письма А) надписи первой половины XVII в. до н. э. и, согласно гипотезе А. А. Молчанова, *Satur происходит от корня *tur («владыка») и приставки *sa- (Молчанов и др. 1988: 173; Молчанов 2000: 70)⁶. Кроме того, если великий русский философ В. С. Соловьёв справедливо назвал древнейшую стадию религиозного сознания «смутным полидемонизмом» (Соловьёв 1966: 183), то персонажи, подобные сатирам и силенам, должны предшествовать антропоморфным богам типа Диониса, которого греческая традиция устойчиво характеризует как позднего пришельца в Элладу. Что касается сатиров и силенов, то все, что о них известно (в основном не столько из крайне скудных литературных источников, сколько из огромного количества изобразительных памятников), позволяет трактовать их как «прадионисийских» (см.: Иванов 1994) или, если угодно, «парадионисийских» демонов. Введение этого термина обусловлено тем, что образ сатира явно еще гораздо древнее его предполагаемого минойского аналога (Gimbutas 1989: 178 след.).

Этимология слова «сатир» и происхождение этого образа важны не только для понимания семантики изображений на монетах Пантикапея, но и в связи с тем, что

⁶ Наши размышления по поводу этой гипотезы и ее развитие (в частности, применительно к реалиям Боспора — топониму Апатур и аналогичному эпитету местной Афродиты) см.: Шауб 2019.

довольно распространенное имя Сатир⁷ носили два боспорских правителя. Первый из них в основном завершил формирование Боспорского государства, поэтому появление в конце его правления нового типа аверса пантикапейских монет — изображения головы сатира — в качестве «говорящего» (Анохин 1986: 30) вполне допустимо⁸. Однако «труднее объяснить, почему этот „говорящий“ тип или герб Сатира задержался в типологии пантикапейских монет до начала III в. до н. э.» (Там же: 31) (причем, за исключением периодического появления безбородого варианта, тип этот был неизменным). В. А. Анохин предполагает, что это было обусловлено отмеченной выше выдающейся ролью Сатира I в истории династии (Там же). Не исключая этой причины, полагаем, что гораздо важнее были те факторы, о которых речь пойдет далее.

Персонажи пантикапейских монет, по мнению М. И. Ростовцева, являются изображениями «местного, возможно фракийского, божества, великого бога растительности, который стал греческим Дионисом и который иногда фигурирует в виде бородатого силена на монетах греко-фракийских городов» (Rostovtzeff 1922: 80).

Гипотеза М. И. Ростовцева о фракийских корнях божества, представленного на аверсе пантикапейских монет, вызвала возражение Д. Б. Шелова, который связывает его «с другими местными культами, происхождение и распространение которых еще недостаточно выяснено» (Шелов 1950: 64). Однако несомненный параллелизм двух аспектов этого божества, представленного на монетах Пантикапея, — бородатого пожилого и юного безбородого — черта, свойственная прежде всего культу диморфного бога Диониса (например: Eur. Vasch. 353)⁹, является, на наш взгляд, достаточно веским аргументом в пользу гипотезы М. И. Ростовцева. В частности, как уже было сказано, обращает на себя внимание сочетание изображений бородатого и безбородого сатиров на уздечных бляхах из скифского кургана Бабина Могила (Мозолевский, Полин 2005: табл. 7, 1–4; Шауб 2007: рис. 92).

В то же время, анализируя изображения на аверсах пантикапейских золотых статеров, Д. Б. Шелов пришел к выводу, что здесь представлен не Пан (по господствовавшему тогда представлению), а сатир, в изображении которого выступает местное божество плодородия, связанное с культом змееногой богини. Московский исследователь первым увидел сходство бородатой головы на этих статерах с той, которую держит божество на куль-обской бляшке, а также подобрал к изображению

⁷ Данное имя едва ли ассоциировалось у их носителей с тем весьма неприглядным образом сатиров («никчемный и праздный род»), нарисованным Гесиодом (Fr. 128. Rzach), у которого впервые встречается упоминание об этих персонажах.

⁸ В связи с данным предположением вспоминается тот факт, что в итальянской иконографии вождь гуннов Аттила изображался с собачьими ушами; эта традиция опиралась на легенду о происхождении Аттилы от собаки, занесенную в Европу гуннами. Скорее всего, итальянцы познакомились с этим сюжетом через венгров. По итальянскому преданию, приводимому А. Н. Веселовским, венгерский король, задумавший выдать свою дочь за наследника византийского престола, до времени заключил ее в башню, чтобы уберечь от опасностей, грозивших ее красоте. Случилось то, чего он не ожидал: царевна зачала от собаки, которая была с ней в башне, и родила Аттилу. По словам А. Н. Веселовского, итальянские монахи «вменили в зазор то, что первоначально было безразлично либо считалось почетным». Монахи усмотрели в Аттиле предтечу песиглавцев, Гога и Магога (Веселовский 1888: 307, 315).

⁹ Здесь Дионис назван θηλύμορφος; см. также: Kerényi 1951: 259 ff.

этой головы ряд аналогичных изображений на золотых бляшках из других курганов Тамани (Шелов 1950: рис. 18, 1–4; Шауб 2007: рис. 16). Этот вывод и заключение о том, что в изображениях на пантикапейских золотых монетах «можно усмотреть результат сложного скрещения и взаимодействия греческих и местных культов, проявившихся во всех областях культурной жизни классического Боспора» (Шелов 1950: 69), представляются нам неоспоримыми (Шауб 2011: 50). Тем более что аналогии отнюдь не ограничиваются только бляшками: схожие с вышеупомянутыми изображения бородатых голов присутствуют на, несомненно, ритуальных фиалах из варварских курганов: Куль-Оба (золотая) и Карагодеуашх (серебряная).

Как на Боспоре, так и в Скифии изображение змееной богини было чрезвычайно популярно, причем в самых разных вариантах. Исследователи уже давно пришли к выводу, что так представлялась «дева смешанной породы» (Hdt. IV, 9) — прародительница скифов (Доватур и др. 1982: 213–214). Однако популярность и живучесть этого образа (а он продолжал жить в искусстве вплоть до XIX в.) необъяснима без предположения о том, что в нем воплощалась одна из ипостасей Великой богини (Шауб 1999; 2008 и др.). Ее наиболее репрезентативное изображение представлено на уже упомянутых бляшках из кургана Куль-Оба; совершенно аналогичная композиция имеется также и на золотой пластинке, обнаруженной в кургане ст. Ивановская (45 км к западу от Краснодара). Здесь же были найдены бляшки в виде фигуры Геракла. Вполне возможно, что на этих предметах представлены персонажи местного мифа об Афродите Апатуре, известного в изложении Страбона: «есть и в Фанагории знаменитое святилище Афродиты Апатуры. Объясняют же прозвание богини, приводя следующий миф: когда напали там на нее гиганты, богиня, призвав Геракла, спрятала его в некоей пещере, затем, принимая каждого гиганта поодиночке, передавала Гераклу, чтобы коварно умерщвлять их посредством обмана» (Strab. XI. 2, 10). Свидетельство Страбона повторяет Стефан Византийский. Миф, изложенный Страбоном, уникален и представляет собой, несомненно, местное предание (Шауб 1979; 2007: 20; 2011: 19). Проведенное нами исследование этого мифа позволяет предположить, что все его персонажи скрывают за греческими именами свою исконную местную основу. Афродита — это Великая богиня синдо-меотских племен, Геракл — герой-победитель, паредр богини, гиганты — природные демоны, которых похотливость роднит с сатирами и силенами (Шауб 1979; 2007: 114; 2011: 96).

Бородатая голова сатиropодобного существа в руках змееной богини на золотых бляшках из курганов Куль-Оба и в ст. Ивановской свидетельствует о тесной связи обоих божеств. То же самое можно сказать и по поводу золотых пластинок с изображениями бородатых голов и змееной богини куль-обского типа (аналогичных представленным на боспорских монетах и бляшках), которые украшали головные уборы херсонесских жриц Девы (местного воплощения Великой богини), погребенных в склепе № 1012 (Шауб 2007: 286–287, рис. 60).

Приобщение сатиropодобного божества пантикапейских монет к дионисийскому кругу произошло, по мнению Д. Б. Шелова, только с появлением у него плющевого венка, то есть на рубеже 40–30-х гг. IV в. до н. э. (Шелов 1950: 64). Однако ныне эта серия датируется 393–389 гг. до н. э. (Анохин 1986: 139, № 80–81). Данный факт, а также сосуществование еще и в III в. до н. э. в типологии пантикапейских монет бородатых и безбородых сатиropодобных божеств в венках с аналогичными персонажами без венков делает эту точку зрения необъяснимой.

О хтоническом характере рассматриваемого сатиropодобного божества свидетельствуют два факта. Во-первых, популярность его изображений на бляшках от погребальных одежд как жителей Боспора, так и скифов, погребенных в приднепровских курганах (Rostowzew 1931: 393, 394). Во-вторых, связь этого божества со змееной богиней — местным великим женским божеством в его хтоническом аспекте. Эта связь фиксируется не только бляшками из курганов Куль-Оба и близ ст. Ивановская, но и совместными находками бляшек с изображением этих персонажей в погр. 3 и 4 Большой Близницы. В погр. 4 голова, совершенно аналогичная изображенной на бляшках, представлена на ожерелье с амулетами (Шауб 2015).

В гробнице 4 была похоронена жрица¹⁰, причем, скорее всего, местного культа, в котором сочеталось почитание как Великой богини, так и ее паредра, схожего с хтоническим Дионисом (Шауб 2007: 377). Сходство этих культов фиксируется не только обнаруженными здесь терракотовыми статуэтками (Alexandrescu 1966: 75 ff.)¹¹, но и композицией из золотых пластин, украшавшей калаф жрицы. На этом священном головном уборе представлена вакхическая сцена с участием пляшущих сатиров и менад, как в исступленном танце, так и спокойно восседающих (с канфаром в руке) на грифонах (Шауб 2007: рис. 85). О хтоническом характере этой композиции свидетельствует участие в ней грифонов (Терещенко, Шауб 2017).

Следует оговориться, что мы отнюдь не склонны видеть варварские черты во всех происходящих с территории Боспора довольно многочисленных и разнообразных памятниках культа Диониса (см.: Шауб 2007: 339 след.; Шелов-Коведяев 2018). Тот факт, что многие из этих памятников (преимущественно терракоты) найдены в могилах, позволяет говорить о наличии здесь представлений, связанных с Дионисом хтоническим (о нем см.: Farnell 1909: 246 след.; Schauenburg 1953; ср: Nilsson, 1967: 594–598), которые, возможно, не слишком отличались от общегреческих. Однако когда речь идет о терракотах, изображающих сатиров, силенов и их маски, о степени эллинизма этих персонажей судить подчас трудно.

Как бы то ни было, многие приведенные выше факты позволяют уверенно предполагать, что в облики сатиров греческой мифологии, как на монетах Пантикапея, так и на ряде других причерноморских памятников, получили воплощение варварские представления о персонажах «прадионисийских»¹² или, скорее, «парадионисийских»¹³, которые выступали здесь и как самостоятельные божества, и в качестве спутников Великой богини.

¹⁰ О критериях определения жреческих погребений на Боспоре см.: Шауб 2017.

¹¹ Соглашаясь с А. А. Передольской, что терракоты из погребения 4 Б. Близницы являются не просто карикатурами, а, несомненно, имеют символическое значение, румынский ученый связывает большую их часть (статуэтки, изображающие силенов, пьяного Геракла, иерогамию, комических актеров) с хтоническим культом Диониса. В полуфигуре юной богини он видит символическое изображение анода Великой богини, а во всем комплексе этих терракот «синкретизм греческой религии и древних автохтонных традиций... дионисийского течения с древним культом Великой богини растительности» (Alexandrescu 1966: 81). Несмотря на спорность отдельных толкований терракот, в целом точка зрения П. Александреску представляется весьма убедительной.

¹² Поскольку речь идет о божествах или демонах, явно более архаических, чем Дионис.

¹³ Ввиду того что они не только предшествовали формированию образа этого бога, но и, несомненно, чем-то отличались от своих эллинских аналогов.

Сочетание на обеих сторонах золотых статеров Пантикапея символики и образности Диониса и Аполлона — дионисийского сатира и аполлинического грифона (Шауб 1998; Виноградов, Шауб 2005) — может являться еще одним свидетельством синкретизма Аполлона и Диониса на Боспоре (Шауб 1989: 128–129)¹⁴, уже давно прослеженного нами на материале погребальных боспорских пелик (Шауб 1983: 72 след.). Этот синкретизм, судя по всему, стимулировался варварскими влияниями, причем местное население Боспора, вероятно, видело в обоих этих божествах паредров своей Великой богини.

Литература

- Анохин 1986 — *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 182 с.
- Буркерт 2004 — *Буркерт В.* Греческая религия. Архаика и классика. СПб.: Алетейя, 2004. 583 с.
- Веселовский 1888 — *Веселовский А. Н.* Истории романа и повести. Вып. 2. Славяно-романский отдел. СПб.: Имп. АН, 1888. С. 81–342.
- Виноградов, Шауб 2005 — *Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю.* О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея // *АВ.* 2005. Т. 12. С. 219–223.
- Доватур и др. 1982 — *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.
- Иванов 1994 — *Иванов В. И.* Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 343 с.
- Мозолевский, Полин 2005 — *Мозолевский Б. Н., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева Могилы. Киев: Сталос, 2005. 624 с.
- Молчанов и др. 1988 — *Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарыпкин С. Я.* Памятники древнейшей греческой письменности. М.: Наука, 1988. 193 с.
- Молчанов 2000 — *Молчанов А. А.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тыс. до н. э. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000. 315 с.
- Ростовцев 1914 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. Пг.: Имп. Археологическая комиссия, 1914. Т. 1. 537 с.
- Соколова 2017 — *Соколова О. Ю.* Изображение грифона из Нимфея // *Зуев В. Ю., Хршановский В. А.* (отв. ред.). Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы междунар. круглого стола 22–25 ноября 2016 г. СПб.: ПАЛАЦЦО, 2017. С. 120–124.
- Соловьёв 1966 (1890) — *Соловьёв В. С.* Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки // *Собр. соч.* Т. 6. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. С. 174–233.
- Терещенко, Шауб 2017 — *Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* Грифон на боспорских монетах: хронология, особенности, семантика образа // *Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии.* 2017. № 9. С. 153–168.
- Терещенко, Шауб 2019 — *Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* Костяная пластина с рисунком из Нимфея: датировка изображения и его семантика // *Тр. ГЭ.* 2019 (в печати).
- Трубачёв 1999 — *Трубачёв О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Шауб 1979 — *Шауб И. Ю.* Миф об Афродите Апатуре и его местная основа // *Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья «Местное население*

¹⁴ То же сочетание образов, но в одной композиции мы встречаем на костяной пластине, найденной в Нимфее (см.: Соколова 2017; Терещенко, Шауб 2019).

- Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации». Цхалтубо; Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 85–87.
- Шауб 1983 — Шауб И. Ю. Религиозно-мифологические представления жителей Боспорского царства (некоторые сюжеты «боспорских пелик») // *Concilium Eirene*. Prague, 1983. 16. Vol. 2. С. 72–75.
- Шауб 1989 — Шауб И. Ю. О синкретизме Аполлона и Диониса на Боспоре в IV в. до н. э. // Проблемы исследования античных городов: ТД конф. М., 1989. С. 128–129.
- Шауб 1998 — Шауб И. Ю. Варварские элементы в культе Аполлона на Боспоре // *Клио*. 1998. № 1 (4). С. 67–74.
- Шауб 1999 — Шауб И. Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 207–224.
- Шауб 2007 — Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во филологического ф-та СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб 2008 — Шауб И. Ю. Италия—Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб.: Свято-Алексеевская пустынь, 2008. 155 с.
- Шауб 2011 — Шауб И. Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 472 с.
- Шауб 2015 — Шауб И. Ю. Ожерелье с амулетами из кургана Большая Близница // *Новый Гермес*. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2015. № 6. С. 22–29.
- Шауб 2017 — Шауб И. Ю. Боспорское жречество // *Зинько В. Н. (отв. ред.). Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени*. Симферополь; Керчь: Керченская городская тип., 2017. С. 288–324 (Боспорские исследования. Вып. 34).
- Шауб 2019 — Шауб И. Ю. Ценный вклад в изучение духовной культуры Боспорского царства (Рец.: Braund David. *Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporean Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era*. Cambridge: University Press, 2018. XVI + 314 p.) // *АВ*. 2019. Вып. 25. С. 245–261.
- Шелов 1950 — Шелов Д. Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // *КСИИМК*. 1950. Вып. 34. С. 62–69.
- Шелов-Коведяев 2018 — Шелов-Коведяев Ф. В. Древнегреческая поэзия на Боспоре // *Вестник Нижегородского университета*. История. 2018. № 6. С. 71–80.
- Alexandrescu 1966 — Alexandrescu P. Le symbolisme funéraire dans une tombe de la péninsule de Taman // *Studii clasice*. 1966. Vol. 8. P. 75–86.
- Boardman 1997 — Boardman J. Pan // *LIMC*. 1997. Bd. 8. P. 923–941.
- Braund 2018 — Braund D. *Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporean Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era*. Cambridge: University Press, 2018. 314 p.
- Farnell 1909 — Farnell L. R. *The Cults of the Greek States*. Oxford: Clarendon Press, 1909. Vol. 5. 495 p.
- Gimbutas 1989 — Gimbutas M. *The Language of the Goddess*. New York: Thames & Hudson, 1989. 388 p.
- Kerényi 1951 — Kerényi C. *The Gods of the Greeks*. London: Thames&Hudson, 1951. 304 p.
- Nilsson 1967 — Nilsson M. P. *Geschichte der griechischen Religion*. München: Oscar Beck, 1967. Bd. I. 3 Aufl. 892 S.

Rostovtzeff 1922 — *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. 260 p.

Rostowzew 1931 — *Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. Berlin: Schoetz, 1931. Bd. I. 651 S.

Schauenburg 1953 — *Schauenburg K.* Pluton und Dionysos // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 68. 1953. S. 38–72.

Simon 1997 — *Simon E.* Silenoi // LIMC. 1997. Bd. 8. S. 1108–1133.

Stoessl 1979 — *Stoessl F.* Silenos-Satyros // Der kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 191–193.

TOWARDS THE INTERPRETATION OF THE DIONYSIAN IMAGES ON PANTICAPAEUM COINS

I. YU. SCHAUB

Keywords: *Panticapaeum coins, satyrs and silenoi, Dionysus, Great Goddess.*

The interpretation of one of the most widespread types of Panticapaeum coins — with images of bearded (less frequently beardless) heads with animal ears — still remains the subject of discussion. The only thing all agree upon is that these are Dionysian images. Most often they are treated as depictions of satyrs or silenoi, but the origins of these images, the difference between them, and the character of their relationship with Dionysus remain unclear. The images of such personages are often found not only in Bosphorus but in Scythia as well. The bearded head of a satyr-like creature in the hands of a snake-legged deity (an incarnation of the Great Goddess) on the plaques from the barrows of Kul-Oba and Ivanovskaya testifies to the close connection between the two personages. Together with other facts, this gives grounds to suggest that the images of satyrs on coins and on a number of other Bosporan monuments reflect Barbarian perceptions of the pra-Dionysian (or para-Dionysian) personages, who acted here as companions of the Great Goddess.

ЗНАКИ-ТАМГИ УЛУГ-ХЕМСКОЙ КУЛЬТУРЫ II–I ВВ. ДО Н. Э. В ТУВЕ¹

М. Е. КИЛУНОВСКАЯ, П. М. ЛЕУС²

Ключевые слова: *Верхний Енисей, Тува, хунну, керамика, пряжки из каменного угля, тамги, петроглифы.*

В последние годы на Верхнем Енисее в Республике Тыва исследуются новые памятники хунну II–I вв. до н. э. — могильники Ала-Тей 1 и Терезин. В женском погребении № 29 на Ала-Тее 1 обнаружен интересный набор инвентаря: необычный красноглиняный сосуд со знаком «Н» на тулове, большая инкрустированная пряжка из каменного угля, бронзовое зеркало скифского типа, китайские монеты у-шу, бронзовые имитации раковин каури, большое количество бисера и др. Знак «Н» зафиксирован и на инкрустированной пряжке из каменного угля в могильнике Терезин. Он может рассматриваться как тамга какого-то рода или клана, появившегося на берегах Енисея в ходе экспансии хунну. Этот знак встречается и среди петроглифов Малого Баян-Кола, часть которых относится к гунно-сарматскому времени. Знак сопровождает фигуры оленей и козлов, выполненные в своеобразной манере. Такая же манера прослеживается в гравировке на каменной пряжке из могилы 86 Ала-Тее 1. Вполне возможно выделить целый пласт наскальных рисунков из Тувы, Минусинской котловины и Монголии, которые по аналогии с представленными в статье образцами можно будет четко отнести к эпохе хунну: концу I тыс. до н. э. — началу I тыс. н. э.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-82-91

Во II–I вв. до н. э., после включения территории Тувы в состав кочевой империи хунну, здесь происходит довольно быстрая и кардинальная смена культурных традиций, вызванная появлением здесь новых групп населения. Предшествующее «скифское» население уходит или ассимилируется, а его место занимают племена, пришедшие сюда в ходе экспансии хунну.

Эти исторические процессы хорошо фиксируются сменой археологических культур — памятники скифского типа исчезают, а их место занимают совершенно новые памятники хуннского облика, объединяемые в отдельную, улуг-хемскую культуру (Килуновская, Леус 2018). Эта культура отражает переход от скифского

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² М. Е. Килуновская — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; П. М. Леус — независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия.

времени к гунно-сарматскому (хунно-сяньбийскому) и обладает определенным набором характерных черт — погребения в грунтовых могилах без выраженных надмогильных сооружений, совершенные в каменных ящиках, деревянных гробах или рамах с каменной обкладкой. Положение погребенных может быть как вытянутое на спине, так и скорченное, ориентировка покойных разнообразна. Погребальный инвентарь имеет аналогии в рядовых захоронениях эпохи хунну сопредельных территорий — Забайкалье, Северный Китай, Монголия и Минусинская котловина (те-синская культура).

Главным элементом погребального убранства был пояс. Во многих женских захоронениях он богато украшен бисером, бронзовыми бляшками, кольцами, подвесками и прочее. Центральным декоративным элементом женского пояса являлась ажурная бронзовая пряжка-пластина, украшенная в зооморфном или геометрическом стиле. В некоторых случаях вместо нее использовались большие инкрустированные или гравированные пряжки из ископаемого угля/гагата или пряжки из кости и рога. В инвентаре погребений встречаются китайские импорты — монеты у-шу и зеркала эпохи династии Западная Хань. Керамические сосуды в основном баночной формы, но есть и типично хуннские сероглиняные вазы, сделанные на поворотной подставке. Иногда встречаются уникальные небольшие сосуды с перегородкой и отверстием в ней — возможно, своеобразные светильники.

В настоящее время в Центральной Туве, в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища исследуются два могильника улуг-хемской культуры — Ала-Тей 1 и Терезин (Kilunovskaya, Leus 2018). Могильники расположены в 4,5 км друг от друга и абсолютно идентичны по погребальному инвентарю, но при этом имеют некоторые локальные различия в погребальном обряде. Сохранившиеся захоронения на могильнике Терезин совершены на боку или на спине с подогнутыми ногами. Подобное погребение было исследовано и на могильнике Урбюн III, в 6 км от Терезина (Савинов 1969). Однако нужно учитывать, что многие могилы на Терезине были полностью разрушены водохранилищем, и положение погребенных в них остается неизвестным. На могильнике Ала-Тей 1 количество погребений, в которых покойный лежал на боку, незначительно (около 10 %), в остальных случаях захоронение совершено вытянуто на спине. Возможно, скорченная поза погребенных говорит о наличии сильного местного «скифского» компонента у некоторых носителей улуг-хемской культуры.

На могильниках представлены рядовые захоронения, но некоторые из них по составу и разнообразию погребального инвентаря выглядят значительно богаче других, притом безотносительно типа внутримогильного сооружения. Речь идет, в первую очередь, о женских захоронениях с богатым поясным набором, серьгами, китайскими зеркалами, многочисленными бусами и пр. Они представлены не только в деревянных сооружениях с каменной обкладкой и каменных ящиках, но и в обычных грунтовых ямах. Иногда в этих погребениях встречается специфический набор погребального инвентаря, позволяющий предполагать некий особый статус этих представительниц улуг-хемской культуры. Одним из таких захоронений является погребение в мог. № 29 (AT1/29) могильника Ала-Тей 1 (рис. 1, 1, 2). Эта могила была неглубокой (30 см от уровня современной поверхности). С ЮВ очень близко к современной поверхности стояла каменная стела размерами 54 × 19 × 14 см, возможно, маркировавшая место погребения. Уже на глубине 10 см появился

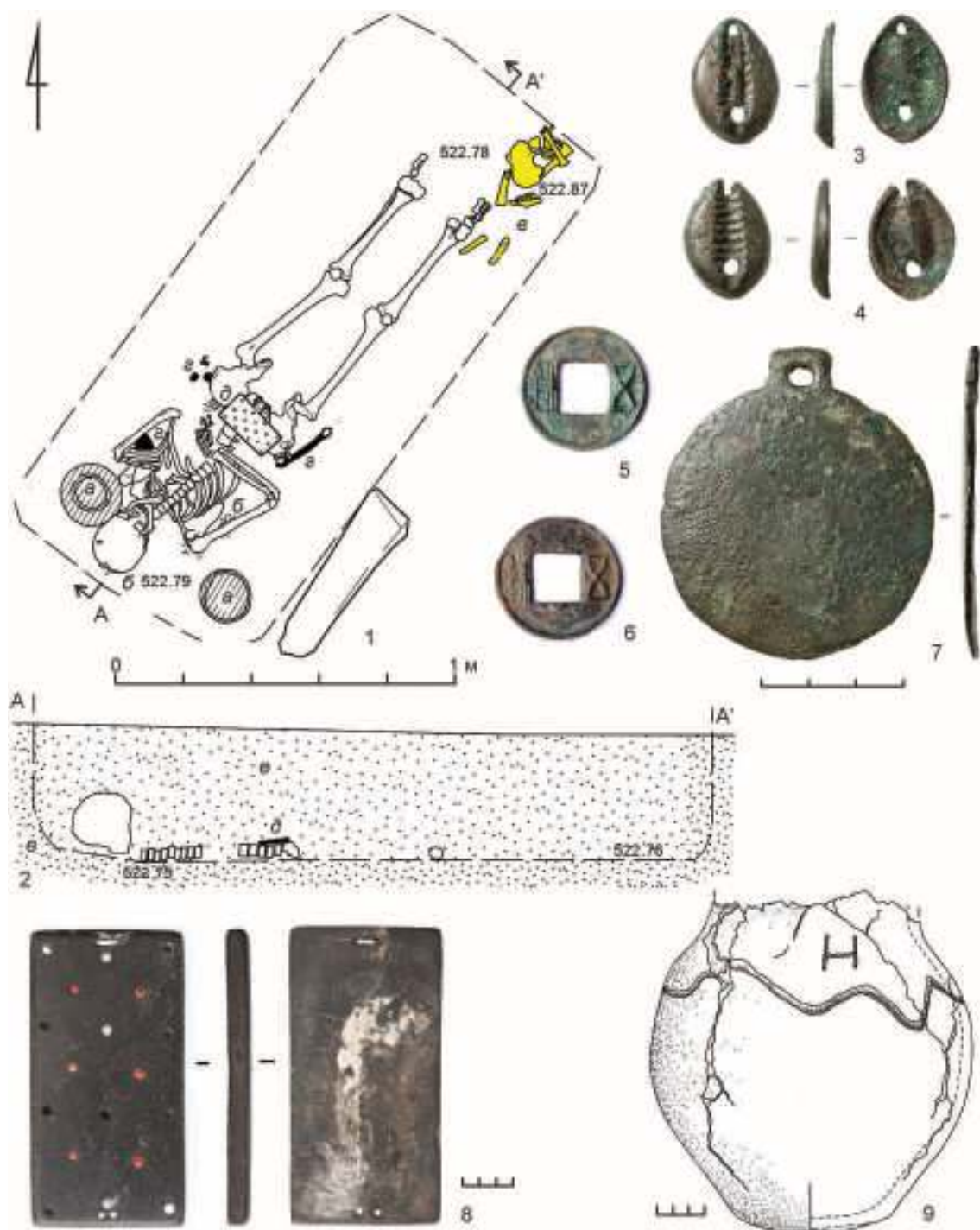

Рис. 1. Могильник Ала-Тей 1, мог. № 29: 1, 2 — план, разрез (*a* — керамика; *б* — бисер; *в* — кости животных; *г* — металлические изделия; *д* — каменная пряжка; *е* — грунт и заполнение могилы); 3–7 — изделия из бронзы (3, 4 — имитации раковин каури; 5, 6 — монеты у-шу; 7 — зеркало); 8 — пряжка из каменного угля; 9 — керамический сосуд

Fig. 1. Ala-Tei 1 cemetery, grave No. 29: 1, 2 — plan, cross section (*a* — ceramics; *b* — beads; *v* — animal bones; *z* — metal objects; *d* — stone buckle; *e* — native soil and grave fill); 3–7 — bronze artifacts (3, 4 — imitation of kauri shells; 5, 6 — Wu Shu coins; 7 — mirror); 8 — coal buckle; 9 — ceramic vessel

венчик красноглиняного сосуда. Следов какого-либо внутримогильного сооружения не зафиксировано, впрочем, оно могло быть деревянным, а его следы уничтожены под воздействием воды — верхний почвенный слой здесь смыт, а сам могильник большую часть года находится под водой Саяно-Шушенского водохранилища на глубине около 15 м.

Здесь была похоронена молодая женщина около 20 лет. Покойная лежала вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Правая рука находилась на животе над поясом, а левая была согнута в локте и подогнута к левому плечу — в ней погребенная держала бронзовое зеркало с боковой петлей для подвешивания. В районе ключицы обнаружены три круглых камушка белого цвета. Под черепом, с обеих сторон (около ушных отверстий?) найдено по бронзовой проволочной серьге, а около шеи — бисер и железная обойма.

In situ в районе таза сохранились украшения пояса и остатки органики: 13 бронзовых имитаций раковин каури (рис. 1, 3, 4), две бронзовые китайские монеты у-шу (рис. 1, 5, 6), костяные пронизки и бронзовая бляшка, состоящая из девяти полусфер. Посредине на костях таза лежала большая гагатовая поясная пряжка-пластина с инкрустациями (рис. 1, 8). Справа около таза находился железный нож, у окончания которого найдено бронзовое кольцо. Еще одно бронзовое кольцо лежало симметрично, слева от скелета. В ногах были помещены кости барана — череп и нижние конечности. У правого плеча стоял темный баночный сосуд, типичный для большинства погребений Ала-Тее. Такие сосуды имеют аналогии в памятниках тесинской культуры Минусинской котловины. Слева около черепа стоял необычный красноглиняный горшок с прочерченным знаком «Н» (рис. 1, 9). Сосуд имеет округлое тулово, плоское дно, по плечикам его прочерчена волнистая линия. Венчик сосуда обломан и утрачен — он находился слишком близко к поверхности. Высота сохранившейся части сосуда — 17 см, диаметр горла — 10 см; диаметр донца — 9 см. На плечике сосуда, сразу под горловиной, прочерчен четкий тамгообразный знак «Н». Поверхность сосуда имеет ярко-красный цвет, в тесто добавлено большое количество шамота, лощение практически отсутствует. По своему облику он имеет прямые аналогии в скифских памятниках озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры III–II вв. до н. э., содержащих некоторые вещи, известные в памятниках хунну Забайкалья и Монголии (Семёнов 2003). Необычным для улугхемских погребений является и бронзовое зеркало с петельчатой ручкой (рис. 1, 7), которое также находит соответствие в позднескифских материалах. Из 18 зеркал, найденных к настоящему времени на Ала-Тее и Терезине, это пока единственное зеркало скифского типа. Возможно, погребенная была связана с остатками местного скифского населения. При этом по AMS-датировке (2005 ± 34 BP) это погребение является наиболее поздним из всех датированных, что также подтверждают две украшавшие пояс монеты у-шу, пока единственные для обоих могильников, и имеющие *terminus post quem* 118 г. до н. э. Таким образом, это захоронение вряд ли можно датировать ранее I в. до н. э.

Появление тамги на таком необычном предмете, каким является здесь красноглиняный сосуд, безусловно подчеркивает особый статус погребенной женщины или демонстрирует ее принадлежность к какому-то определенному роду или клану. Престижным атрибутом является и крупная (18 × 9 см) гагатовая пряжка-пластина (рис. 1, 8). Она украшена точечным орнаментом, углубления заполнены цветными

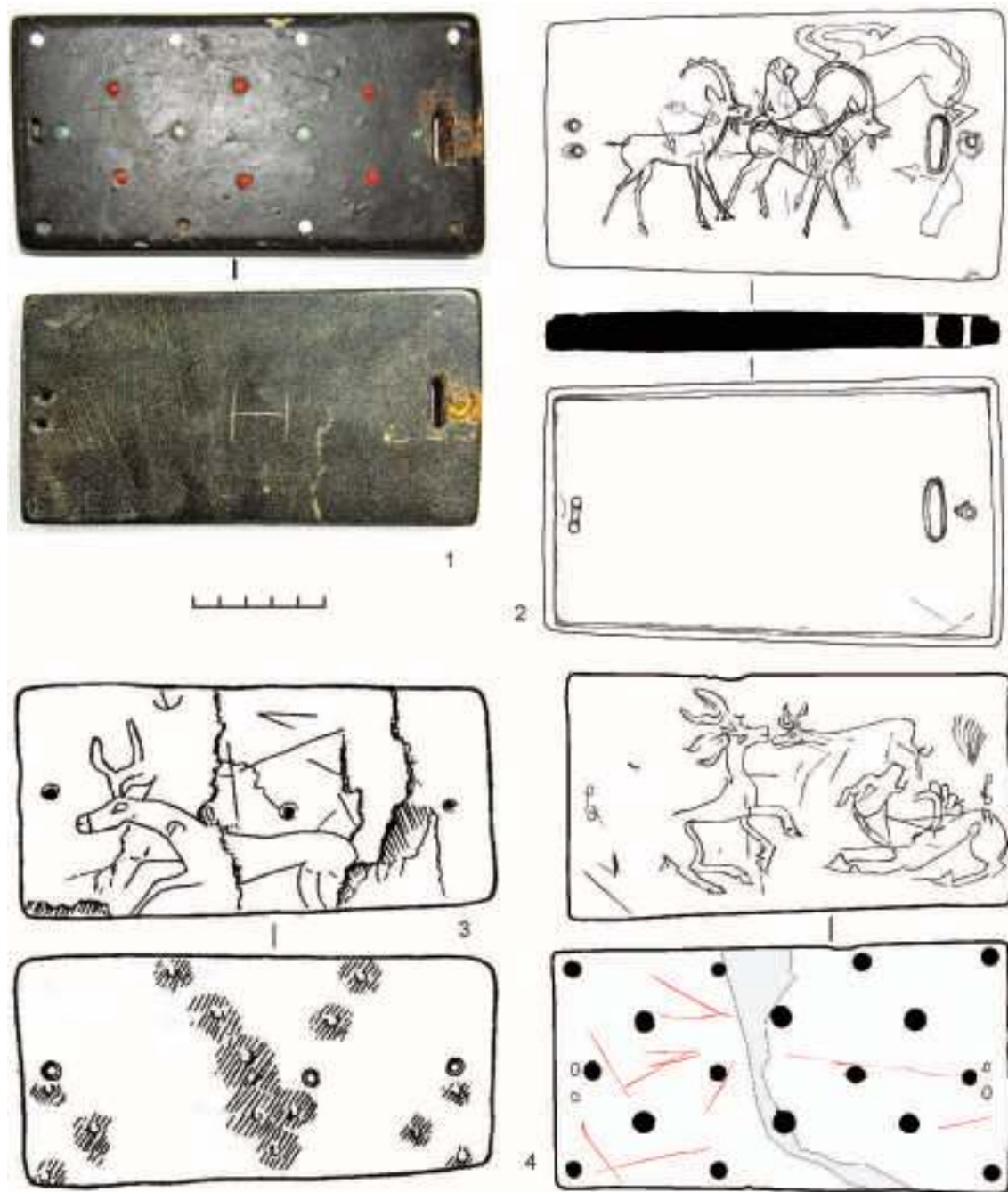

Рис. 2. Пряжки из каменного угля с инкрустациями и гравировками: 1 — могильник Терезин, разрушенное погребение, пряжка со знаком «Н»; 2 — могильник Ала-Тей 1, мог. № 86, пряжка с гравировкой; 3 — кург. 21 могильника Жаман-Тогай в Южном Казахстане; 4 — случайная находка, Токийский национальный музей

Fig. 2. Coal buckles with inlays and engravings: 1 — Terezin cemetery, destroyed burial, inlaid coal buckle signed «H»; 2 — Ala-Tei 1 cemetery, grave No. 86, coal buckle with an engraving; 3 — barrow 21 of Zhaman-Togai cemetery in South Kazakhstan; 4 — stray find, Tokyo National Museum

вставками (бирюза, сердолик, перламутр). На обратной стороне пряжки, покрытой известковым налетом, нанесено несколько резных линий, и по центру также читается знак в виде буквы «Н».

Похожая гагатовая пряжка-пластина была обнаружена около 20 лет назад учащимися Чаа-Хольской школы в разрушенном погребении могильника Терезин и впоследствии передана в Национальный музей Республики Тыва (рис. 2, 1). Она такого же размера — 18 × 9 см, и также имеет 18 углублений для цветных вставок: четыре зеленые — в центральной части, две группы по три красные вставки по бокам от центральной линии и по четыре белые и светло-зеленые — по краям. В этом рисунке можно предполагать какой-то сложный геометрический узор (Марсадалов 2012), но в любом случае точное соответствие пластин между собой неслучайно. И что самое любопытное, на оборотной стороне второй пластины очень четко вырезан тамгообразный знак «Н».

Подобные знаки в виде буквы «Н» встречаются на писанице Малый Баян-Кол около Кызыла, на правом берегу Улуг-Хема (рис. 3, 4). Эти знаки нанесены на фигуру оленя, выполненного в своеобразном стиле, а также вокруг нее. Рядом расположены еще два знака, более сложные по очертаниям, которые находят аналогии в знаках-тамгах хунну и ханьском иероглифе, означающем «дерево, знак» (Богданов 2017: 11, рис. 12, 34). Знак «Н» также известен в хуннском некрополе Наймаа Толгой в Монголии — в двух соседних могилах 6 и 8 (раскопки 1987 г.) (Торбат и др. 2012: 138, табл. 2, 5). Несмотря на простоту этого символа, он, безусловно, имеет определенное значение. Здесь напрашивается аналогия, приведенная С. В. Воронятовым, вслед за В. Н. Засецкой, с изображением креста на дне керамических сосудов, используемых у ранних христиан в литургии и обряде крещения (Воронятов 2018: 21).

Знаки-тамги на скалах Малого Баян-Кола сопровождают рисунки особого типа — это изображения животных, которые сделаны в своеобразном стиле, достаточно натуралистичном: фигуры переданы контурной линией, они плавно идут на четырех ногах. Тщательно прорабатываются детали — копыта, хвостик, рог, глаза, иногда воспроизводится шерсть. Эти фигуры сильно отличаются от изображений в скифо-сибирском зверином стиле, для которого характерна определенная схематизация общего контура рисунка. В то же время таких изображений нет на предметах искусства хунну, представленных металлопластикой (на бронзовых поясных пластинах, пряжках и бляхах). Изображения животных в таком стиле мы видим только на бытовых предметах хунну. Это индивидуальная графика, по которой можно судить о формировании населением Саяно-Алтая собственного «хуннского» стиля.

На могильнике Ала-Тей 1 в мог. № 86 была обнаружена гагатовая пряжка с выгравированными рисунками животных (Килуновская, Леус 2018: 140, рис. 13, 2; Семёнов 2018) (рис. 2, 1). Эта пряжка размерами 18 × 10 см — одно из самых крупных, хорошо сохранившихся гагатовых изделий в степной Евразии. На ней изображены два следующих друг за другом горных козла (или козерога). Фигуры животных чрезвычайно изящны и лаконичны. У них длинные с приостренными копытами ноги, саблевидные рога с отростками, короткие хвостики и бороды. Они смотрят вперед, а пасти чуть приоткрыты. У правого козла высунут язык. Также на теле нанесены гравированные перпендикулярные линии. Оба зверя буквально утыканы «магическими или ритуальными» стрелами, выпущенными в них из еще более

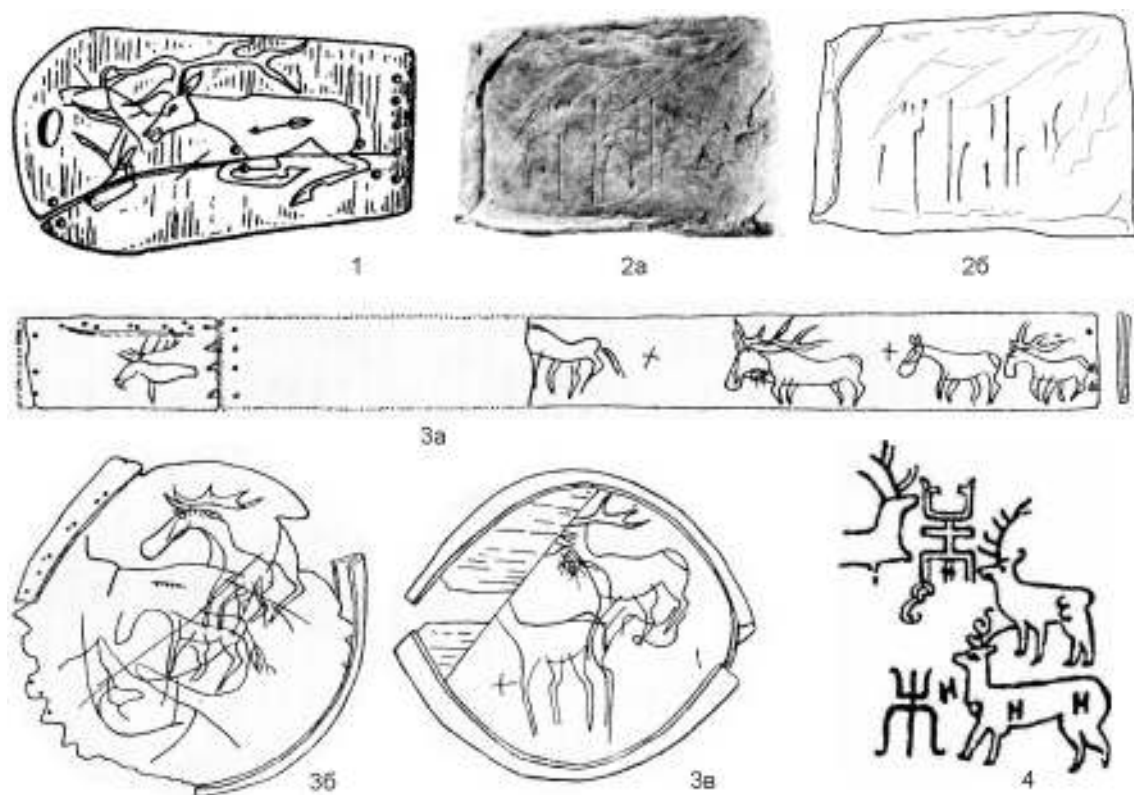

Рис. 3. 1–3 — могильник Аймырлыг, Тува: 1 — костяная пряжка; 2а, 2б — берестяной туесок с надписью; 3а–3в — берестяной туесок с гравировками; 4 — Тува, Малый Баян-Кол, петроглифы

Fig. 3. 1–3 — Aimyrlyg cemetery, Tuva: 1 — bone buckle; 2a, 2b — birch bark basket with an inscription; 3a–3b — birch bark basket with engravings; 4 — Tuva, Maly Bayan-Kol, petroglyphs

«символического» лука, обозначенного тонкой гравировкой на правой стороне пряжки под отверстием, предназначенным для продевания ремешка. У стрел показаны треугольные наконечники и оперение. Выше над козлами выгравирована лошадь с перевернутым крупом, что указывает на скифское присутствие или непосредственное исполнение изображений на пряжке мастером, хорошо знакомым со скифским художественным канонам. Этот изобразительный прием представлен на изделиях, отлитых из бронзы и драгоценных металлов, выполненных на роге и кости, а также в наскальных изображениях как Тувы, так и сопредельных территорий. Фигуры животных с вывернутым крупом широко распространены в аппликациях и татуировках пазырыкской культуры. Грива лошади буквально вписана в линейное очертание спины правого козла. У лошади показана узда, каплевидный глаз и ноздря. В облике козерогов имеются незначительные различия. Это относится к экстерьеру животных и некоторым деталям в изображении рогов. У идущего впереди (правая фигура) рог покрыт мелкой штриховкой, а у следующего за ним показаны отчетливые поперечные валики, число которых соответствует возрасту животного.

Похожие гравированные изображения имеются на еще двух каменных пластинах. Одна из них находится в Токийском национальном музее и опубликована в каталоге Такахама Шу (Takahama Shu 1997: 133, 285, Kat. 226) (рис. 2, 4). На

пластине изображены две фигуры оленей, выполненные в описанном выше стиле (правда, один олень показан в позе прыжка), и фигура фантастического существа, припавшего к «земле», с подогнутыми ногами. У этого существа показана морда волка, копыта коня и крыло на спине. Столь же оригинальная по рисунку гагатовая пряжка происходит из могильника Жаман-Тогай (кург. 21) в Южном Казахстане (I в. до н. э. или рубеж эр), на которой выгравирован олень, полностью соответствующий токийской пластине (Максимова и др. 1968: 186–188 — рис. 2, 3).

Нужно отметить также гравировки на костяной пряжке и деревянном тусеке из могильника Аймырлыг XXXI (расположенного в 7 км от Терезина, на другом берегу р. Чаа-Холь). Костяная пряжка могильного поля Аймырлыг по своему типу может быть отнесена к озен-ала-белигскому этапу уюкско-саглынской культуры и аналогична найденным на могильнике Суглуг-Хем (Мандельштам 1992: 427, табл. 77, 81 — рис. 3, 1). На ней выгравирован олень с подогнутыми ногами (скифская поза), на теле которого показана стрела с опереньем. Перед ним находится отдельная голова еще одного оленя. По стилю рисунок несколько отличается от скифо-сибирского канона — большое тело, смоделированное мягкими линиями, некоторая «вялость» позы. На крышке берестяного тусека из Аймырлыга XXXI сверху вырезаны фигуры идущих оленей, переплетение линий и крест, по бортику — шествие оленей и лошадей, между которыми также показаны косые кресты (Стамбульник 1983: рис. 3 — рис. 3, 3а, 3б). На дне тусека изображены две фигуры оленей и крест (рис. 3, 3в). Кресты здесь могут рассматриваться так же, как тамгообразные знаки. Интересно, что на двух берестяных тусеках из Аймырлыга XXXI есть знаки, которые ряд исследователей считает образцами неизвестной проторунической письменности (Стамбульник 1980: рис.; Мандельштам, Стамбульник 1992: 199; Николаев 2012: 123) (рис. 3, 2а, 2б). Изображения животных здесь соответствуют рассматриваемой нами изобразительной схеме.

Таким образом, мы можем говорить о существовании определенного изобразительного канона, формировавшегося в среде племен, живших в различных провинциях империи хунну или находившихся под их влиянием. Вполне возможно выделить целый пласт наскальных рисунков из Тувы, Минусинской котловины и Монголии, которые, по аналогии с представленными в статье образцами, можно будет отнести к эпохе хунну: концу I тыс. до н. э. — началу I тыс. н. э.

Также можно предположить, что на территории Тувы в I в. до н. э. продолжали существовать немногочисленные остатки автохтонного населения, связанные с предшествующей культурой скифского типа. Они продолжали сохранять некоторые нормы своего традиционного погребального обряда (скорченное положение погребенных) и некоторые предметы инвентаря (керамика, костяные и роговые пряжки, бронзовые зеркала). Тем не менее основную массу инвентаря в тех же самых захоронениях составляют предметы, типичные для культуры хунну, — лощенные вазы с квадратным штампом на дне, разнообразные элементы поясного набора, зеркала, костяные наконечники стрел и накладки на лук, украшения и др. Здесь вполне можно говорить о многокомпонентности улуг-хемской культуры, хотя ее основу, безусловно, составили именно пришлые племена — носители новой, доминирующей культуры. В дальнейшем они могли стать одним из компонентов сложившейся в Туве кокэльской культуры и, возможно, участвовать в процессе этногенеза местного населения древнетюркского и более позднего времени.

В это же время получают распространение различные тамгообразные знаки, широко представленные у хунну и других, близких к ним, племен. Эти знаки могли иметь разное назначение (Богданов 2017). В нашем случае они, вероятно, являются символами принадлежности к определенному роду или клану, ведущему происхождение или от местных «скифских» предков, или же, наоборот, появившемуся в Туве в ходе экспансии хунну в качестве завоевателей. Помочь уточнить этот вопрос могут лишь результаты дальнейших раскопок и исследований.

Литература

- Богданов 2017 — *Богданов Е. С.* Происхождение тамг хунну // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16, № 2. С. 5–32.
- Воронятов 2018 — *Воронятов С. В.* Знаки-тамги на китайских лакированных чашечках из собрания Государственного Эрмитажа // 2018 Internationale Conference DONG-A CORE. Busan, 2018. С. 17–44.
- Килуновская, Леус 2018 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Максимова и др. 1968 — *Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука, 1968. 263 с.
- Мандельштам 1992 — *Мандельштам А. М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Мошкова М. Г. (отв. ред.). Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 178–196 (Археология СССР).
- Мандельштам, Стамбульник 1992 — *Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Там же. С. 196–206.
- Марсадолов 2012 — *Марсадолов Л. С.* Сакральные и начальные научные знания древних кочевников Сибири // Кочевники Евразии на пути к империи: Каталог выставки из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2012. С. 144–149.
- Николаев 2012 — *Николаев Н. Н.* Хунну // Там же. С. 118–131.
- Савинов 1969 — *Савинов Д. Г.* Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 104–108.
- Семёнов 2003 — *Семёнов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с. (Archaeologica Petropolitana. 15; Тр. ИИМК РАН. Т. 9).
- Семёнов 2018 — *Семенов Вл. А.* Новый памятник искусства хунну из Центральной Тувы // Проблемы развития зарубежного искусства: Научные труды. СПб., 2018. Вып. 45. Апрель/июнь. С. 3–15.
- Стамбульник 1980 — *Стамбульник Э. У.* Раскопки на могильнике Аймырлыг // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 233–234.
- Торбат и др. 2012 — *Торбат Ц., Батсук Д., Баярхуу Р.* Хуннугийн археологийн тамгууд Ляунди овгийн тамга болох нь (Xiongnu Archaeological Tamgas are as the Luantan Clan Property Signs) // Studia Archaeologica Insituti Archaeologici Academiae Scientiarum Mongolicae. Уланбаатар, 2012. Т. 32. Fasc. 9. P. 136–161.
- Kilunovskaya, Leus 2018 — *Kilunovskaya M., Leus P.* Archaeological discoveries in Tuva: excavations of the Ala-Tey and Terezin cemeteries of the Xiongnu period in 2015–2016 // Asian Archaeology. Jilin University, China. 2018. 1. P. 45–62.
- Takahama Shu 1997 — *Takahama Shu.* Mounted Nomads of Asian Steppe. Chinese Northern Bronzes. Catalogue. Tokyo: Tokyo National Museum, 1997. 197 p.

TAMGA-LIKE SYMBOLS OF THE ULUG-KHEM CULTURE OF THE II-I CC. BC IN TUVA

M. E. KILUNOVSKAYA, P. M. LEUS

Keywords: *Upper Yenisei, Tuva, Xiongnu, ceramics, coal buckles, tamgas, petroglyphs.*

In recent years, the Xiongnu cemeteries of Ala-Tei and Terezin dated to the II-I cc. BC have been studied in the Upper Yenisei region, Republic of Tuva. Female burial No. 29 of Ala-Tei 1 yielded an interesting assemblage of burial goods: an unusual red-ware vessel bearing the sign “H” on its body, a big inlaid coal buckle, a bronze Scythian type mirror, Chinese Wu-Shu coins, bronze imitations of kauri shells, numerous beads, etc. The sign “H” was also found on an inlaid coal buckle from the Terezin cemetery. It can be considered as the tamga of a clan which appeared on the banks of the Yenisei river in the course of Xiongnu expansion. This sign is found also among the petroglyphs of Maly Bayan-Kol, a part of which dates back to the Hun-Sarmatian time. The sign is accompanied with images of deer and goats executed in a specific manner. The same manner can be traced in the engraving on a stone buckle from grave No. 86 of Ala-Tei 1. It is quite possible to single out a whole group of rock drawings from Tuva, Minusinsk depression and Mongolia which, following the analogy with the specimens described in the present paper, can be safely dated to the Xiongnu epoch — the end of the I millennium BC — the beginning of the I mil. AD.

К МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В. И. РАВДОНИКАСА НА ЗЕМЛЯНОМ ГОРОДИЩЕ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ¹

В. А. ЛАПШИН²

Ключевые слова: *Старая Ладога, Земляное городище, В. И. Равдоникас, Научный архив ИИМК РАН, оцифровка документов.*

В статье рассматривается состояние материалов раскопок экспедиции Ленинградского государственного университета под руководством В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладого в 1938–1940, 1945–1950, 1957–1959 гг. и проблемы введения их в научный оборот.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-92-96

В 1938 г. на историческом факультете ЛГУ было создано Археологическое отделение (впоследствии кафедра археологии) (Носов, Тихонов 2004: 283). Инициатором его создания и руководителем стал Владислав Иосифович Равдоникас (1894–1976) (Тихонов 2003: 183–185). Одновременно он занимался созданием университетской археологической экспедиции. Для полноценной работы Отделения, по его замыслу, необходима была постоянно действующая экспедиция, где студенты получали бы практические навыки в полевой археологии. В качестве базы университетской экспедиции В. И. Равдоникас избрал Старую Ладого (до 1704 г. — Ладога). Выбор был закономерен. Уроженец Тихвина В. И. Равдоникас прекрасно знал памятники Поволжья и Приладожья, где проводил свои первые самостоятельные исследования. Знал он и о раскопках Н. И. Репникова на Земляном городище в Старой Ладого, проведенных в 1909–1913 гг., он же позднее ввел их в научный оборот (Raudonikas 1930; Равдоникас 1948). Н. И. Репниковым впервые в истории отечественной археологии на большой площади был вскрыт «мокрый» культурный слой, прекрасно сохранявший органику, в том числе остатки деревянных раннесредневековых построек. Поэтому В. И. Равдоникас в 1938 г. пригласил его в качестве консультанта при выборе места раскопа (Носов 2018: 48). Владислав Иосифович в полной мере осознавал

¹ Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечение стратегического прорыва России», подпрограмма «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», проект «Разработка методики анализа и интерпретации археологического наследия на материалах раскопок экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладого (1938–1940, 1945–1950, 1957–1959 гг.) по фондам Научного архива ИИМК РАН».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

значение Ладоги в русской истории и возможный потенциал ее культурного слоя. Действительно, многолетние раскопки, проведенные Староладожской экспедицией ЛГУ под руководством В. И. Равдоникаса в 1938–1940, 1945–1950, 1957–1959 гг. в центральной части Земляного городища, давшие эффектные, всемирно известные находки, сделали Ладогу классическим памятником русской археологии.

Сложнее оказалась судьба материалов раскопок и история их введения в научный оборот. На основе опыта раскопок Н. И. Репникова, понимая целесообразность для изучения деревянных построек вскрытия больших площадей, В. И. Равдоникас в первые годы (1938–1940, 1945–1946) исследовал только верхние «сухие» слои, останавливаясь на верхней границе слоя с хорошей сохранностью органики. Только в 1947 г., в ходе седьмого полевого сезона, на площади 240 м² были вскрыты до материка нижние отложения (Платонова 2018: 34; Носов 2018: 51). На основе этих материалов В. И. Равдоникас изложил свою концепцию развития Ладоги от поселка патриархальных семей до раннесредневекового города (Равдоникас 1949; 1950). При этом он оговаривался: «Подробное описание каждого из раскрытых комплексов с их окружением и всего содержания культурного слоя в горизонте уместно в обширной монографии. Здесь мы же перейдем к некоторым наиболее важным выводам, привлекая описательные данные по мере надобности» (Равдоникас 1949: 15). Итоги раскопок следующего, 1948, года были опубликованы в статье Г. П. Гроздилова — неизменного помощника В. И. Равдоникаса по Староладожской экспедиции (Гроздилов 1950).

Но план полной публикации так и не был реализован. В 1949 г. В. И. Равдоникас был уволен из ЛГУ и с должности заведующего Ленинградским отделением ИИМК АН СССР, но продолжал числиться сотрудником Государственного Эрмитажа и ЛОИИМК. В 1957–1959 гг. Эрмитаж возобновил работы Староладожской экспедиции под его номинальным руководством. Вели исследования Г. П. Гроздилов, О. И. Давидан и др. (Давидан 1994: 39–40; Платонова 2013: 33). В 1959 г. в 65 лет В. И. Равдоникас ушел на пенсию и из науки. Материалы раскопок 1949–1950, 1957–1959 гг. не публиковались. Итоговая монография так и не была написана.

Е. Н. Носов в статье, посвященной стратиграфии Земляного городища, пришел к неутешительному выводу: «В. И. Равдоникас стремился показать *исторический смысл* в развитии Ладоги, но разработка археологической стороны вопроса — собственно хронологии находок, их соотношения с горизонтами поселения и связь с отдельными жилыми и хозяйственными комплексами — осталась не выполнена» (Носов 2018: 53). И более того: «горизонты, выделенные В. И. Равдоникасом для Ладоги, в сущности, не есть стратиграфические и хронологические горизонты в современном понимании... Это, скорее, отложения целых исторических периодов, характеризующихся единообразной структурой слоя. Мощность их различна, поскольку горизонты включают по несколько ярусов застройки» (Там же: 52).

Вещевые коллекции из раскопок экспедиции В. И. Равдоникаса поступили на хранение в Государственный Эрмитаж, материалы отчетов и полевая документация — в Научный архив ИИМК РАН (РО. Ф. 2 — ГАИМК) и, частично, в Отдел археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ. Часть полевой документации из личного архива В. И. Равдоникаса после его смерти поступила в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Ф. 1049).

Выборочную публикацию отдельных категорий находок Земляного городища неоднократно предпринимали участники раскопок. Наиболее значителен вклад О. И. Давидан (2002). Ею же предпринято членение нижнего горизонта E_3 на микрогоризонты и по находкам обоснована ранняя дата памятника — середина VIII в. (Давидан 1976). Параллельно с О. И. Давидан аналогичное исследование выполнила Г. Ф. Корзухина (1969), но оно осталось неопубликованным (Носов 2018: 53–56)³.

Согласно принятой В. И. Равдоникасом методике полевой работы, расчищаемые остатки деревянных сооружений, уходившие под стенки раскопа, не перерубались и не вынимались из земли, поэтому исследованная площадь становилась меньше заложенного раскопа. По подсчетам Г. Ф. Корзухиной, из 2212 м² общей площади, вскрытой экспедицией В. И. Равдоникаса, горизонт E_3 исследован на площади 1812 м², то есть 400 м² остались недоисследованными. Это хорошо видно на архивном сводном плане строительных горизонтов E_3 , выполненном Г. Ф. Корзухиной (Носов 2018: 55, рис. 2, 2).

Так, в 1950 г. в западной части раскопа был вскрыт восточный край большой постройки, относящейся к горизонту E_1 . Ее в 1973 и 1981 гг. доследовал Е. А. Рябинин, благодаря чему ему удалось точно привязать свой раскоп к сетке раскопа В. И. Равдоникаса. Выяснилось, что дерево законсервированной постройки хорошо сохранилось (Рябинин 1985: 39–47, рис. 11). Впервые для Старой Ладogi удалось получить серию дендродат (Рябинин, Черных 1988). Этот опыт показал перспективность доследования построек, оставленных В. И. Равдоникасом, но, к сожалению, не имел продолжения. В то же время неровность поверхности материка и неравномерность мощности слоев исключают использование полученных для периферийного участка дендродат для датировки всех исследованных экспедицией В. И. Равдоникаса построек.

Для раскопов А. Н. Кирпичникова в северной (1984–1991 гг.) и южной (1992–2013 гг.) частях Земляного городища были получены серии дендродат, однако раскопы эти не связаны с исследованной В. И. Равдоникасом территорией (Кирпичников 2018: 14, рис. В7), что исключает их использование для датировки горизонтов, выделенных последним.

Из вышесказанного вытекает задача актуализации научного наследия экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса. Первым шагом стала оцифровка графических материалов экспедиции. В настоящее время эта работа выполняется в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечение стратегического прорыва России», подпрограмма «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», в рамках проекта «Разработка методики анализа и интерпретации археологического наследия на материалах раскопок экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладoge (1938–1940, 1945–1950, 1957–1959 гг.) по фондам Научного архива ИИМК РАН».

Вторым этапом станет подготовка публикации всех материалов данной экспедиции. Первый шаг в этом направлении уже сделан (Платонова, Лапшин 2018).

³ В настоящее время рукопись Г. Ф. Корзухиной «Ладожские постройки горизонта E_3 » (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 77. № 69) готовится к публикации.

Наряду с оперативной публикацией результатов новых полевых исследований в Старой Ладоге в этом издании предпринят анализ некоторых неопубликованных материалов раскопок 1938–1940 гг. В дальнейшем введение в научный оборот архивных материалов будет продолжено.

Наконец, третьим этапом работы, после необходимой кабинетной подготовки, должно стать полевое исследование законсервированных экспедицией В. И. Равдоникаса построек. Получив новую серию дендродат, мы сможем более обоснованно расчленить на строительные горизонты весь массив исследованной площади Земляного городища. Таким образом, материалы Старой Ладоги приобретут новое качество как уникальный археологический источник.

Литература

- Гроздилов 1950 — *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. 1950. 14. С. 139–169.
- Давидан 1976 — *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 101–117.
- Давидан 1994 — *Давидан О. И.* Ладога в исследованиях В. И. Равдоникаса // Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. И. Равдоникаса: ТД. СПб.: Изд-во ГЭ, 1994. С. 38–42.
- Давидан 2002 — Список опубликованных работ О. И. Давидан // Носов Е. Н., Смирнова Г. И. (отв. ред.). Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси (Памяти Ольги Ивановны Давидан). СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. С. 7–8.
- Кирпичников 2018 — *Кирпичников А. Н.* Культурно-историческое исследование Старой Ладоги // Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб.: ИИМК РАН; НКТ, 2018. С. 7–20.
- Носов 2018 — *Носов Е. Н.* Стратиграфия Земляного городища Старой Ладоги: итоги и перспективы исследований // Там же. С. 45–65.
- Носов, Тихонов 2004 — *Носов Е. Н., Тихонов И. Л.* Кафедра археологии // Дворниченко А. Д. (отв. ред.). Исторический факультет СПбГУ: 1934–2004: Очерки истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 278–316.
- Платонова 2013 — *Платонова Н. И.* Владислав Иосифович Равдоникас — заведующий ЛОИИМК АН СССР (2.09.1944–16.03.1946, 1.01.1947–17.03.1949) // Носов Е. Н. (отв. ред.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 31–34.
- Платонова 2018 — *Платонова Н. И.* Староладожская экспедиция 1938–1940 гг. // Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб.: ИИМК РАН; НКТ, 2018. С. 23–42.
- Платонова, Лапшин 2018 — *Платонова Н. И., Лапшин В. А.* (отв. ред.). Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб.: ИИМК РАН; НКТ, 2018. 536 с.
- Равдоникас 1948 — *Равдоникас В. И.* Памяти Н. И. Репникова // Равдоникас В. И. (отв. ред.). Старая Ладога. Л.: Государственный музей этнографии, 1948. С. 7–10.
- Равдоникас 1949 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. I // СА. 1949. 11. С. 5–54.
- Равдоникас 1950 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. II // СА. 1950. 12. С. 7–40.

- Рябинин 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Седов В. В. (отв. ред.). Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 27–75.
- Рябинин, Черных 1988 — *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100.
- Тихонов 2003 — *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историко-графические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.
- Raudonikas 1930 — *Raudonikas W. J.* Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm: Akademiens Förlag, 1930. 151 S.

MATERIALS FROM V. I. RAVDONIKAS'S EXCAVATIONS AT ZEMLYANOE GORODISHCHE OF STARAYA LADOGA

V. A. LAPSHIN

Keywords: *Staraya Ladoga, Zemlyanoe gorodishche, V. I. Ravdonikas, Scholarly Archive of IHMC RAS, digitization of documents.*

The paper deals with the current state of the materials excavated by V. I. Ravdonikas's expedition from Leningrad State University at Zemlyanoe gorodishche of Staraya Ladoga in 1938–1940, 1945–1950 and 1957–1959, and with the problems associated with the publication of these materials.

ДРЕВНЕРУССКИЕ КНЯЖЕСКИЕ ЗНАКИ НА ПЛОМБАХ И ПЕЧАТЯХ В ПУБЛИКАЦИЯХ В. В. НЕЧИТАЙЛО¹

С. В. БЕЛЕЦКИЙ²

Ключевые слова: *Древняя Русь, пломбы, систематизация, княжеские знаки.*

В статье анализируются пломбы и печати домонгольского времени с изображениями древнерусских княжеских знаков, опубликованные в работах В. В. Нечитайло (2012а; 2012б; 2013; 2019). В общей сложности в перечисленных работах воспроизведены 126 моливдовулов. Из них 63 буллы опубликованы впервые. Сведения о размерах предметов, а также о местах их современного хранения отсутствуют. Кроме того, автор нигде не сообщает о предшествующих публикациях воспроизводимых предметов. В процессе изучения находок удалось выявить 20 ранее неизвестных типов древнерусских княжеских знаков.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-97-124

В 2012–2013 гг. вышел из печати двухтомник В. В. Нечитайло «Каталог древнерусских печатей X–XIII веков» (Нечитайло 2012а; 2013), в котором среди прочих предметов был опубликован ряд пломб и печатей с изображениями древнерусских княжеских знаков. В 2012 г. В. В. Нечитайло издал брошюру «Знаки Рюриковичей, принадлежавшие великим князьям киевским X–XIII вв.» (Нечитайло 2012б), в которой были учтены некоторые из печатей, опубликованные в первом томе «Каталога...». Позднее автор повторно издал основные положения этой брошюры в виде статьи (Нечитайло 2019: 54–66). В общей сложности в перечисленных работах были воспроизведены 126 моливдовулов, несущих изображения княжеских знаков (в том числе № 21 — две пломбы, оттиснутые одной парой матриц). Из них 63 буллы опубликованы впервые. Сведения о размерах предметов, а также о местах их современного хранения отсутствуют. Кроме того, автор нигде не сообщает о предшествующих публикациях воспроизводимых предметов, ограничившись глухой ссылкой: «В основе каталога лежат исследования Н. П. Лихачёва, В. Л. Янина, П. Г. Гайдукова, частные собрания» (Нечитайло 2012а: 4; 2013: 4). Для большинства княжеских знаков В. В. Нечитайло поименно называет их владельцев, но при этом какие бы то ни было аргументы в подтверждение предлагаемых персонификаций

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

в работах отсутствуют. В работах В. В. Нечитайло могут также содержаться заведомо неверные данные о местах находок публикуемых предметов³.

Ниже приведен каталог печатей и пломб с изображениями княжеских знаков, опубликованных в трех названных работах В. В. Нечитайло. Описания размещены в соответствии с предлагавшейся ранее систематизацией памятников древнерусской сфрагистики (Белецкий 2015: 127–139; Beletsky 2015: 235–244).

КАТАЛОГ

Разряд II/7. Крест — эмблема

№ 1. *Av*⁴: четырехконечный процветший крест. *Rv*: знак типа I/7/15⁵. Изд.: Нечитайло 2012б: 16, № 11, левая пломба; 2019: 58, рис. 11, левая пломба.

№ 2. *Av*: четырехконечный крест. *Rv*: знак типа III/1/2. Изд.: Нечитайло 2012б: 17, № 13, нижний ряд, левая пломба; Анохин 2012: табл. IV, 47; Белецкий 2018а: 312, рис. 1, 2.

№ 3. *Av*: шестиконечный процветший крест. *Rv*: знак типа I/2/43. Изд.: Нечитайло 2012б: 21, № 18, правая пломба; 2019: 60, рис. 18, правая пломба.

№ 4. *Av*: шестиконечный процветший крест. *Rv*: знак типа I/1/28. Изд.: Нечитайло 2012б: 23, № 22, левая пломба; 2019: 61, рис. 22.

№ 5. *Av*: четырехконечный крест в пространстве между концами буквы С (вариант процветшего креста?). *Rv*: знак типа I/19/3. Изд.: Нечитайло 2012б: 23, № 23; 2019: 61, рис. 23.

Разряд IV/1. Эмблема — эмблема

№ 6. *Av*: знак типа II/5/1. *Rv*: знак типа II/2/1. Изд.: Нечитайло 2012б: 16, № 12, правая пломба; Анохин 2012: табл. II, 25; Белецкий 2018а: 313, рис. 3, 34.

№ 7. *Av*: знак типа I/2/50. *Rv*: знак типа I/2/12. Изд.: Нечитайло 2012б: 19, № 16, верхний ряд, левая пломба; 2019: 59, рис. 16; Анохин 2012: табл. XIII, 185; Белецкий 2018а: 313, рис. 3, 31.

№ 8. *Av*: знак типа I/2/57. *Rv*: знак типа I/2/61. Изд.: Нечитайло 2012б: 21, № 19, правая пломба; 2019: 60, рис. 19, правая пломба.

№ 9. *Av*: знак типа I/5/23. *Rv*: знак (?). Изд.: Нечитайло 2012б: 26, № 27; 2019: 62, № 27.

№ 10. *Av*: знак типа I/5/7. *Rv*: знак типа VI/2/1. Изд.: Нечитайло 2012б: 27, № 29, правая пломба; Анохин 2012: табл. XIV, 201; Белецкий 2018а: 313, рис. 3, 32.

№ 11. *Av*: знак типа VI/2/1. *Rv*: знак типа VI/3/2. Изд.: Нечитайло 2012б: 28, № 29, левая пломба.

№ 12. *Av*: знак типа V/1/1. *Rv*: знак (?). Изд.: Нечитайло 2012б: 28, № 30, левая пломба; 2019: 62, рис. 30.

³ Так, геральдическая подвеска, найденная при раскопках камерного погребения № 6 в Пскове (Ершова 2010: 284–289), проходит в публикации В. В. Нечитайло как происходящая с территории Ленинградской обл. (Нечитайло 2012а: 6, № 5). При этом В. В. Нечитайло хорошо известна публикация Т. Е. Ершовой, поскольку именно из этой публикации он заимствовал прорисовку подвески.

⁴ Принятые сокращения: *Av* — аверс, *Rv* — реверс, Изд. — издано.

⁵ Типы княжеских знаков обозначены в соответствии с ранее принятой типологией (Белецкий 2001а; Beletsky 2019).

№ 13. *Av*: знак типа VI/2/2. *Rv*: знак типа II/2/1. Изд.: Нечитайло 2012б: 28, № 30, правая пломба; Анохин 2012: табл. XIV, 199; Белецкий 2018а: 313, рис. 3, 36.

№ 14. *Av*: знак типа I/1/31. *Rv*: знак типа I/4/21. Изд.: Нечитайло 2012б: 34, № 37, левая пломба; 2019: 64, рис. 37.

№ 15. *Av*: знак типа I/7/8. *Rv*: знак типа II/2/2. Изд.: Нечитайло 2012б: 34, № 37, правая пломба; Анохин 2012: табл. VII, 112; Белецкий 2018а: 313, 324, рис. 3, 28; 17, 4.

№ 16. *Av*: знак типа I/2/46. *Rv*: знак типа I/1/30. Изд.: Нечитайло 2012б: 35, № 40; 2019: 64, рис. 40.

№ 17. *Av*: знак типа VI/1/3. *Rv*: знак типа I/2/55. Изд.: Нечитайло 2012б: 38, № 43, верхний ряд, левая пломба; 2019: 65, рис. 43.

№ 18. *Av*: знак типа VI/3/3. *Rv*: знак в виде буквы Д с отрогом внутрь. Изд.: Нечитайло 2012б: 38, № 43, средний ряд, левая пломба; Анохин 2012: табл. XV, 214; Белецкий 2018а: 313–314, № 37.

№ 19. *Av*: знак типа I/4/5. *Rv*: знак типа I/2/3. Изд.: Нечитайло 2012а: № 266.

Разряд IV/2. Эмблема — святой

№ 20. *Av*: знак типа I/1/24. *Rv*: святой (архангел?). Изд.: Нечитайло 2012б: 17, № 13, верхний ряд; 2019: 59, рис. 13.

№ 21. *Av*: знак типа I/1/29. *Rv*: святой погрудно.

№ 21-1. Изд.: Нечитайло 2012а: № 200; 2012б: 18, № 14, правая пломба.

№ 21-2. Изд.: Нечитайло 2012а: № 201; 2012б: 18, № 14, левая пломба; 2019: 59, рис. 14.

№ 22. *Av*: знак типа I/2/3. *Rv*: святой (св. Кирилл?) оплечно. Изд.: Нечитайло 2012а: № 267.

№ 23. *Av*: знак типа III/2/6. *Rv*: св. Кирилл погрудно. Изд.: ЛСА: табл. LIII, 13; Янин 1970: 217, 273, табл. 25, 289; Нечитайло 2012а: № 268; 2012б: 21, № 19, левая печать; 2019: 60, рис. 19, левая печать.

№ 24. *Av*: знак типа I/2/3. *Rv*: святой оплечно. Изд.: Нечитайло 2012а: № 269.

№ 25. *Av*: знак типа III/2/6. *Rv*: святой погрудно. Изд.: Нечитайло 2012а: № 270.

№ 26. *Av*: знак типа I/2/5. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 276.

№ 27. *Av*: знак типа I/7/16. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 277.

№ 28. *Av*: знак типа I/2/3. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 278.

№ 29. *Av*: знак типа I/7/16. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 279; 2012б: 22, № 20; 2019: 60, рис. 20.

№ 30. *Av*: знак типа II/7/4. *Rv*: св. Георгий оплечно. Изд.: Янин, Гайдуков 1998а: 149, № 282б; 1998б: 346, № 282б: 2; Нечитайло 2012а: № 280.

№ 31. *Av*: знак типа I/2/23. *Rv*: святой воин (св. Георгий?) погрудно. Изд.: Янин 1970: № 286; Нечитайло 2012а: № 281.

№ 32. *Av*: знак тип I/2/23. *Rv*: св. Георгий погрудно. Изд.: Нечитайло 2012а: № 282; 2012б: 21, № 18, левая печать; 2019: 60, рис. 18, левая печать

№ 33. *Av*: знак типа I/2/43. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Янин 1970: № 283; Нечитайло 2012а: № 283.

№ 34. *Av*: знак типа I/2/43. *Rv*: святой мученик погрудно. Изд.: Янин, Гайдуков 2006: № 285а; Нечитайло 2012а: № 284.

№ 35. *Av*: знак типа I/2/23. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Янин, Гайдуков 2002: № 283г; Нечитайло 2012а: № 285.

№ 36. *Av*: знак типа I/2/23. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Янин, Гайдуков 2002: № 283в; Нечитайло 2012а: № 286.

№ 37. *Av*: знак типа I/13/7. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Янин, Гайдуков 2006: № 283д; Нечитайло 2012а: № 287.

№ 38. *Av*: знак типа I/2/41. *Rv*: св. Георгий погрудно. Изд.: Янин, Гайдуков 2006: № 294в; Нечитайло 2012а: № 288.

№ 39. *Av*: знак типа I/2/23. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 289.

№ 40. *Av*: знак типа I/2/23. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 290.

№ 41. *Av*: знак типа I/2/23. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 291.

№ 42. *Av*: знак типа I/2/43. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 292.

№ 43. *Av*: знак дефектный. *Rv*: два архангела в рост один над другим. Изд.: Янин, Гайдуков 2006: № 299А-2; Нечитайло 2012а: № 319; 2012б: 25, № 25; 2019: 61, рис. 25.

№ 44. *Av*: знак типа I/2/22. *Rv*: архангел погрудно. Изд.: Нечитайло 2012а: № 327; 2012б: 22, № 21; 2019: 61, рис. 21.

№ 45. *Av*: знак типа I/2/22. *Rv*: святой в рост (?). Изд.: Нечитайло 2012а: № 328.

№ 46. *Av*: знак типа I/5/5. *Rv*: св. Пантелеймон в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 345; 2012б: 24, № 24; 2019: 61, рис. 24.

№ 47. *Av*: знак типа I/5/24. *Rv*: св. Федор-воин в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 351.

№ 48. *Av*: знак типа VI/2/3. *Rv*: св. Василий Великий в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 370; 2012б: 27, № 28; 2019: 62, № 28.

№ 49. *Av*: знак типа I/3/14. *Rv*: святой (архангел?) в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 396.

№ 50. *Av*: знак типа I/3/22. Аналогии неизвестны. *Rv*: архангел (Михаил?) в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 397.

№ 51. *Av*: знак типа I/2/49. *Rv*: архангел в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 398.

№ 52. *Av*: знак типа I/4/8. *Rv*: архангел в рост. Изд.: Янин 1970: № 299; Нечитайло 2012а: № 399.

№ 53. *Av*: знак типа I/3/7. *Rv*: архангел в рост. Изд.: Янин, Гайдуков 1998а: 151, № 299-2; Нечитайло 2012а: № 400; 2012б: 36, № 41, левая печать; 2019: 65, рис. 41.

№ 54. *Av*: знак типа I/1/27. *Rv*: святой в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 403.

№ 55. *Av*: знак типа I/1/17. *Rv*: св. Дмитрий в рост (?). Изд.: Нечитайло 2012а: № 404.

№ 56. *Av*: знак типа I/1/17. *Rv*: св. Дмитрий в рост (?). Изд.: Нечитайло 2012а: № 405.

№ 57. *Av*: знак типа I/1/17. *Rv*: святой воин в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 406.

№ 58. *Av*: знак типа I/1/27. *Rv*: святой воин в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 407; 2012б: 25, № 26, левая печать; 2019: 62, № 26.

№ 59. *Av*: знак типа I/1/17. *Rv*: святой воин (св. Дмитрий?) в рост. Изд.: Нечитайло 2012а: № 408.

№ 60. *Av*: знак типа VI/2/2. *Rv*: св. Борис поясной с мученическим крестом у груди. Изд.: Нечитайло 2012а: № 420; 2012б: 30, № 32; 2019: 63, рис. 32.

№ 61. *Av*: знак тип VI/2/2. *Rv*: св. Борис поясной с мученическим крестом у груди. Изд.: Нечитайло 2012а: № 421.

№ 62. *Av*: знак типа II/9/1. *Rv*: св. Петр поясной. Изд.: Янин, Гайдуков 2001: № 296а; Нечитайло 2013: № 24.

№ 63. *Av*: знак типа I/2/28. *Rv*: архангел в рост. Изд.: Нечитайло 2013: № 39.

№ 64. *Av*: знак типа IV/1/9. *Rv*: святой погрудно. Изд.: Нечитайло 2013: № 74.

№ 65. *Av*: знак типа I/1/18. *Rv*: св. Иоанн Богослов поясной. Изд.: Янин 1970: 220, № 302; Нечитайло 2013: № 75.

№ 66. *Av*: знак типа IV/1/3. *Rv*: св. Дмитрий поясной. Изд.: Янин 1970: 221, № 310; Нечитайло 2013: № 105.

№ 67. *Av*: знак типа I/2/10. *Rv*: святой воин поясной. Изд.: Нечитайло 2013: № 141.

№ 68. *Av*: знак типа I/5/12. *Rv*: св. Иоанн Предтеча в рост. Изд.: Янин, Гайдуков 1998а: № 290; Нечитайло 2013: № 167.

№ 69. *Av*: знак типа I/2/39. *Rv*: св. Андрей Первозванный в рост. Изд.: Янин, Гайдуков 1998а: № 293а; Нечитайло 2013: № 172.

№ 70. *Av*: знак типа I/2/39. *Rv*: св. Андрей Первозванный в рост. Изд.: Янин 1970: № 294; Нечитайло 2013: № 173.

№ 71. *Av*: знак типа I/2/39. *Rv*: св. Андрей Первозванный в рост. Изд.: Янин, Гайдуков 1998а: № 294а; Нечитайло 2013: № 174.

№ 72. *Av*: знак типа I/5/10. *Rv*: св. Андрей Первозванный в рост. Изд.: Янин 1970: № 293; Нечитайло 2013: № 175.

№ 73. *Av*: знак типа I/10/1. *Rv*: святой воин в рост. Изд.: Янин 1970: № 291; Нечитайло 2013: № 180.

№ 74. *Av*: знак типа I/2/44. *Rv*: святой воин в рост. Изд.: Янин 1970: № 287; Нечитайло 2013: № 181.

№ 75. *Av*: знак типа I/9/3. *Rv*: св. Анания в рост. Изд.: Янин 1970: № 295; Нечитайло 2013: № 182.

№ 76. *Av*: знак типа I/4/12. *Rv*: св. Мина в рост. Изд.: Янин 1970: № 298; Нечитайло 2013: № 189.

№ 77. *Av*: знак типа I/4/12. *Rv*: св. Николай в рост. Изд.: Янин 1970: № 297; Нечитайло 2013: № 190.

№ 78. *Av*: знак типа I/1/22. *Rv*: св. Иоанн в рост. Изд.: Нечитайло 2013: № 240.

№ 79. *Av*: знак тип I/1/22. *Rv*: изображение неотчетливое. Изд.: Нечитайло 2013: № 241.

№ 80. *Av*: знак типа VI/1/1. *Rv*: архангел в рост. Изд.: Янин 1970: № 306; Нечитайло 2013: № 270.

№ 81. *Av*: знак типа VI/1/1. *Rv*: св. Дмитрий в рост. Изд.: Янин 1970: № 307; Нечитайло 2013: № 271.

№ 82. *Av*: знак типа V/1/3. *Rv*: св. Иоанн Предтеча погрудно. Изд.: Янин, Гайдуков 1998а: 152, № 308-2; Нечитайло 2013: № 273.

№ 83. *Av*: знак типа VI/1/4. *Rv*: св. Иоанн Предтеча в рост. Изд.: Нечитайло 2013: № 283.

№ 84. *Av*: знак типа I/1/27. *Rv*: святой погрудно. Изд.: Нечитайло 2013: № 295.

№ 85. *Av*: знак типа I/1/17. *Rv*: св. Петр погрудно. Изд.: Нечитайло 2013: № 296.

№ 86. *Av*: знак типа I/2/64. *Rv*: св. Петр погрудно. Изд.: Нечитайло 2013: № 297.

№ 87. *Av*: знак типа I/2/64. *Rv*: св. Петр погрудно. Изд.: Нечитайло 2013: № 298.

№ 88. *Av*: знак типа II/4/2. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Янин 1970: № 300; Нечитайло 2013: № 356.

№ 89. *Av*: знак типа II/4/4. *Rv*: св. Георгий в рост. Изд.: Янин, Гайдуков 1998а: № 300а; Нечитайло 2013: № 357.

№ 90. *Av*: знак типа II/13/1. *Rv*: святой воин в рост. Изд.: Янин 1970: № 301; Нечитайло 2013: № 358.

№ 91. *Av*: знак типа VI/3/2. *Rv*: архангел в рост. Изд.: Янин 1970: 228, № 358; Янин, Гайдуков 1998а: 159, № 358-2; Нечитайло 2013: № 359.

№ 92. *Av*: знак типа II/2/11. *Rv*: св. Анания в рост. Изд.: Янин 1970: № 296; Нечитайло 2013: № 360.

№ 93. *Av*: знак типа II/7/4. *Rv*: св. Дмитрий в рост. Изд.: Янин, Гайдуков 1998а: № 282в; Нечитайло 2013: № 365.

Разряд IV/3. Эмблема — легенда

№ 94. *Av*: знак дефектный. *Rv*: нечитаема легенда. Изд.: Нечитайло 2012а: № 402.

№ 95. *Av*: знак типа V/1/3. *Rv*: легенда **ГѢ/ВРЬ/ГИ**. Изд.: Янин 1970: 275, № 309; Нечитайло 2013: № 274.

№ 96. *Av*: знак типа I/2/31. *Rv*: лигатура [И]Ѣ. Изд.: Нечитайло 2012б: 10, № 5, средний ряд, левая пломба; Анохин 2012: табл. I, 4; Белецкий 2018а: 314, рис. 4, 47.

№ 97. *Av*: знак типа I/2/31. *Rv*: лигатура [И]Ѣ. Изд.: Нечитайло 2012б: 15, № 10, левая пломба; 2019: 58, рис. 10.

№ 98. *Av*: знак тип II/2/1. *Rv*: лигатура **ИѢ**. Изд.: Нечитайло 2012б: 16, № 12, левая пломба; 2019: 58–59, рис. 12; Анохин 2012: табл. III, 31; Белецкий 2018а: 315, 316, рис. 7, 73).

Разряд IV/4. Эмблема — буква

№ 99. *Av*: знак типа I/2/53. *Rv*: буква **Ш**. Изд.: Нечитайло 2012б: 19, № 16, верхний ряд, правая пломба; Анохин 2012: табл. XII, 175; Белецкий 2018а: 314, рис. 5, 52. На следующей странице в той же брошюре эта пломба воспроизведена повторно с другой персональной атрибуцией княжеского знака, см.: Нечитайло 2012б: 20, № 17, верхний ряд, правая пломба.

№ 100. *Av*: знак типа I/2/53. *Rv*: буква **Ѧ**. Изд.: Нечитайло 2012б: 19, № 16, нижний ряд; Анохин 2012: табл. XII, 176; Белецкий 2018а: 314, рис. 5, 56. На следующей странице в той же брошюре эта пломба воспроизведена повторно с другой персональной атрибуцией княжеского знака, см.: Нечитайло 2012б: 20, № 17, нижний ряд.

№ 101. *Av*: знак типа I/2/62. *Rv*: буква **И**. Изд.: Нечитайло 2012б: 20, № 17, верхний ряд, левая пломба; 2019: 60, рис. 17.

№ 102. *Av*: знак типа VI/2/1. *Rv*: буква **Н**. Изд.: Нечитайло 2012б: 27, № 29, левая пломба; 2019: 62, рис. 29; Анохин 2012: табл. XIII, 195; Белецкий 2018а: 315–316, рис. 8, 85.

№ 103. *Av*: знак типа VI/1/1. *Rv*: буква **И**. Изд.: Нечитайло 2012б: 29, № 31, верхний ряд, левая пломба; 2019: 63, рис. 31; Анохин 2012: табл. XIII, 88; Белецкий 2018а: 315–316, рис. 7, 82.

№ 104. *Av*: знак типа VI/1/1. *Rv*: буква **Д**. Изд.: Нечитайло 2012б: 29, № 31, верхний ряд, правая пломба; Анохин 2012: табл. XIII, 187; Белецкий 2018а: 315–316, рис. 7, 81.

№ 105. *Av*: знак типа VI/1/2. *Rv*: буква **Ж**. Изд.: Нечитайло 2012б: 29, № 31, правая пломба; Анохин 2012: табл. XIII, 191; Белецкий 2018а: 315–316, рис. 7, 84.

№ 106. *Av*: знак типа V/1/3. *Rv*: буква **Г**. Изд.: Нечитайло 2012б: 30, № 33, правая пломба; Анохин 2012: табл. XIV, 209; Белецкий 2018а: 316, рис. 7, 87.

№ 107. *Av*: знак типа I/5/7. *Rv*: буква **З**. Изд.: Нечитайло 2012б: 33, № 36, верхний ряд, левая пломба; 2019: 63, рис. 34.

№ 108. *Av*: знак типа I/5/19. *Rv*: буква **И**. Изд.: Нечитайло 2012б: 33, № 36, верхний ряд, правая пломба; Анохин 2012: табл. X, 154; Белецкий 2018а: 314, 315, 323, рис. 5, 59, 16, 6.

№ 109. *Av*: знак типа VI/3/5. *Rv*: буква **И**. Изд.: Нечитайло 2012б: 38, № 43, верхний ряд, правая пломба; Анохин 2012: табл. XV, 215; Белецкий 2018а: 316, рис. 8, 89.

№ 110. *Av*: знак типа VI/2/1. *Rv*: буква **Г**. Изд.: Нечитайло 2012б: 38, № 43, средний ряд, правая пломба; Анохин 2012: табл. XV, 222; Белецкий 2018а: 317, 318, № 119.

№ 111. *Av*: знак типа I/5/9. *Rv*: буквы **НЗ**. Изд.: Нечитайло 2012б: 33, № 36, нижний ряд; Анохин 2012: табл. X, 155; Белецкий 2018а: 314, 315, 323, рис. 5, 58; 16, 8.

№ 112. *Av*: знак типа I/4/21. *Rv*: буква **В**. Изд.: Нечитайло 2012б: 9, верхний ряд, левый рис.; Анохин 2012: табл. I, 2; Белецкий 2018а: 315, рис. 6, 66.

Разряд IV/5. Эмблема — группа точек

№ 113. *Av*: знак типа I/11/2. *Rv*: группа точек. Изд.: Нечитайло 2012б: 39, № 44, верхний ряд, левая пломба; 2019: 65, рис. 44.

№ 114. *Av*: знак типа I/13/6. *Rv*: группа точек. Изд.: Нечитайло 2012б: 39, № 44, верхний ряд, правая пломба; Анохин 2012: табл. VIII, 117; Белецкий 2018а: 317, 324, рис. 9, 107; 18, 6.

№ 115. *Av*: знак типа I/13/5. *Rv*: группа точек. Изд.: Нечитайло 2012б: 39, № 44, нижний ряд, левая пломба; Анохин 2012: табл. VIII, 115; Белецкий 2018а: 317, 324, рис. 9, 105; 18, 5.

№ 116. *Av*: знак типа I/13/4. *Rv*: группа точек. Изд.: Нечитайло 2012б: 39, № 44, нижний ряд, правая пломба; Анохин 2012: табл. VIII, 116; Белецкий 2018а: 317, 324, рис. 9, 106; 18, 4.

№ 117. *Av*: знак типа I/2/56. *Rv*: группа точек. Изд.: Нечитайло 2013: № 324.

Разряд IV/6. Эмблема — личина

№ 118. *Av*: знак типа V/1/3. Следы повторного оттиска (?). *Rv*: личина (?). Изд.: Нечитайло 2012б: 30, № 33, левая пломба; 2019: 63, рис. 33.

Разряд IV/7. Эмблема — розетка

№ 119. *Av*: знак типа I/3/16. *Rv*: розетка. Изд.: Нечитайло 2012б: 36, № 41, правая пломба; Анохин 2012: табл. VII, 109; Белецкий 2018а: 317–318, рис. 10, 116.

Разряд IV/8. Эмблема — геометрический символ

№ 120. *Av*: знак типа I/2/31. *Rv*: квадрат со скругленными углами и точкой в центре. Изд.: Нечитайло 2012б: 15, № 10, правая пломба; Анохин 2012: табл. I, 6; Белецкий 2018а: 316, 317, рис. 9, 100.

ЗНАКИ	СХЕМЫ	ЗНАКИ	СХЕМЫ
 125	 I/1/14	 21	 I/1/29
 55	 I/1/17	 16Rv	 I/1/30
 56		 14Av	
 57	 I/1/18	 24	 I/1/31
 59			
 85	 I/1/22	 28	 I/1/3
 65		 22	
 78	 I/1/24	 26	 I/2/5
 79		 67	
 121	 I/1/27	 87	 I/2/10
 20		 7Rv	
 54	 I/1/28	 45	 I/2/12
 58		 44	
 84			 I/2/22
 4			

Рис. 1. Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях из публикаций В. В. Нечитайло. Номера знаков на рис. 1–6 соответствуют номерам молдивдовулов в каталоге

Fig. 1. Old Russian princely symbols on seals from V. V. Nechitailo's publications. Numbers of symbols on Figs. 1–6 correspond to the numbers of molivdovuls in the catalogue

№ 121. *Av*: знак типа I/1/24. *Rv*: кружок с точкой в центре. Изд.: Нечитайло 2012б: 17, № 13, нижний ряд, правая пломба; Анохин 2012: табл. V, 73; Белецкий 2018а: 316, 317, рис. 9, 99.

№ 122. *Av*: знак типа VI/2/2. *Rv*: двойной кружок. Изд.: Нечитайло 2012б: 29, № 31, нижний ряд, левая пломба; Анохин 2012: табл. XIII, 190; Белецкий 2018а: 317, рис. 10, 111.

Дефектные

№ 123. *Av*: знак типа I/2/36. *Rv*: нечитаемое изображение, поверхность разрушена. Изд.: Нечитайло 2012б: 18, № 15; 2019: 59, рис. 15.

№ 124. *Av*: знак типа I/2/63. Следы повторного оттиска. *Rv*: поверхность повреждена. Изд.: Нечитайло 2012б: 34, № 38; 2019: 64, рис. 38.

№ 125. *Av*: знак типа I/1/14. *Rv*: знак (?). Изд.: Нечитайло 2012б: 37, № 42; 2019: 65, рис. 42.

Знаки

Тип I/1/14 (рис. 1, 125). Двухзубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на правом зубце отрог внутрь, ножка крестовидная. Аналогичные знаки выявлены на пломбах из Украины (Парусимов 2016: 227, 228, рис. 2, 25), Новгорода (ЛСА: табл. VII, 27) и Берестья (Лысенко 1985: 385, рис. 255, 1).

Тип I/1/17 (рис. 1, 55, 56, 57, 59, 85). Двухзубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, соединены стяжкой, на правом зубце отрог внутрь, ножка крестовидная. Аналогичный знак отмечен на печати № 303а (Янин, Гайдуков 2007: 156–158, табл. 4, 21).

Тип I/1/18 (рис. 1, 65). Двухзубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов раздвоенные, ножка крестовидная. Аналогичный знак выявлен на печати № 302а (Янин, Гайдуков 2001: 188, № 302а).

Тип I/1/22 (рис. 1, 78, 79). Двухзубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца раздвоенное, правый зубец отогнут наружу, ножка крестовидная. Аналогичные знаки зафиксированы в граффито на стенке амфоры из Киева (Боровьский 1976: 97, рис. 6) и в гончарном клейме из Торжка (Белецкий 2014: 368, рис. 6, 3).

Тип I/1/24 (рис. 1, 20, 121). Двухзубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, ножка крестовидная. Аналогичные знаки выявлены в граффито на стенке амфоры из Саркела (Белецкий 2016: 297, рис. 2, 4) и на пломбе из Украины (Парусимов 2016: 225, 227, рис. 1, 1).

Тип I/1/27 (рис. 1, 54, 58, 84). Двухзубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, соединены стяжкой, на левом зубце отрог внутрь, ножка крестовидная. Аналогии неизвестны.

Тип I/1/28 (рис. 1, 4). Двухзубец прямоугольных очертаний, левый зубец отогнут наружу, правый зубец вертикальный, на левом зубце отрог внутрь, на правом — двойное перекрестие, ножка крестовидная. Аналогии неизвестны.

Тип I/1/29 (рис. 1, 21). Двухзубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце отрог внутрь, на правом зубце симметричные отроги наружу и внутрь, ножка крестовидная. Аналогии неизвестны.

Тип I/1/30 (рис. 1, 16*Rv*). Двухзубец колоколовидных очертаний, правый зубец отогнут наружу, левый зубец вертикальный, ножка крестовидная. Аналогии неизвестны.

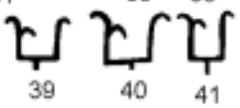

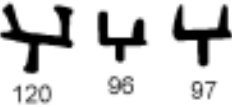

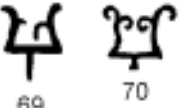

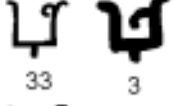
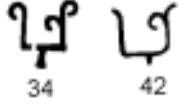

ЗНАКИ	СХЕМЫ	ЗНАКИ	СХЕМЫ
 31 32 35 36	 1/2/23	 74	 1/2/44
 39 40 41	 1/2/28	 16Av	 1/2/46
 63	 1/2/31	 51	 1/2/49
 120 96 97	 1/2/36	 7Av	 1/2/50
 123	 1/2/39	 99	 1/2/53
 69 70	 1/2/41	 100	 1/2/55
 71	 1/2/43	 17Av	 1/2/56
 38		 117	 1/2/57
 33 3			
 34 42		 8Av	

Рис. 2. Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях из публикаций В. В. Нечитайло

Fig. 2. Old Russian princely symbols on seals from V. V. Nechitailo's publications

Тип I/1/31 (рис. 1, 14Av). Двухзубец колоколовидных очертаний, левый зубец отогнут наружу, правый зубец вертикальный, ножка крестовидная. Аналогии неизвестны.

Тип I/2/3 (рис. 1, 19Rv, 22, 24, 28). Двухзубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, на левом вертикальном зубце перекрестие, ножка вертикальная. Аналогичные знаки выявлены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. VIII, 344; XIII, 599; XVI, 734; Лихачёв 1930: рис. 64, третий сверху ряд, вторая справа пломба, четвертый снизу ряд, третья справа пломба), Новгорода (ЛСА: табл. XLVII, 20), из Брянской (Белецкий 2019) и Рязанской обл. (Парусимов 2016: 40–41, рис. 2, 42, 49), в гончарном клейме из Киева (Белецкий 2014: 368, рис. 6, 1), а также такой знак процарапан на берестяном тусесе из Гродно (Трусаў и др. 1993: мал. 100).

Тип I/2/5 (рис. 1, 26). Двухзубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, на правом вертикальном зубце перекрестие, ножка вертикальная. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах (Болсуновский 1894: табл. XIX, 884; ЛСА: табл. XXV, 30) и печати (Болсуновский 1894: табл. XXI, 1) из Дрогичина, на печати из собрания музея Шереметевых в Киеве (1000 років... 2013: 65–66, № 31), а также такой знак процарапан на берестяном тусесе из Гродно (Трусаў и др. 1993: мал. 100).

Тип I/2/10 (рис. 1, 67). Двухзубец прямоугольных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, на правом вертикальном зубце двойное перекрестие, ножка вертикальная. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. VIII, 328, 329, 330, 331; XVII, 816; Лихачёв 1930: рис. 64, пятый сверху ряд, первая и вторая справа пломбы; ЛСА: табл. XXV, 33, 34; XLVII, 7; Musianowicz 1982: 135, ил., четвертый сверху ряд, правая пломба; Hanc-Maikowa 1988: табл. I, 10–12).

Тип I/2/12 (рис. 1, 7Rv). Двухзубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, левый зубец вертикальный, на правом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Аналогичные знаки выявлены на пломбе из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XIX, 919) и на фигурном замке из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 96–98, № 73).

Тип I/2/22 (рис. 1, 44, 45). Двухзубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, на левом вертикальном зубце двойное перекрестие, ножка вертикальная. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбе из Дрогичина (Лихачёв 1930: рис. 64, пятый сверху ряд, четвертая слева пломба) и на печати из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 67, № 33).

Тип I/2/23 (рис. 2, 31, 32, 35, 36, 39, 40, 41). Двухзубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: рис. 64, второй сверху ряд, правая пломба), Новгорода (ЛСА: табл. VII, 15, 16, 20, 21; XLVII, 18, 19; Ершевский 1978: табл. 1, 1), Ладоги (Белецкий 2018б: 111, рис. 2, 21) и из коллекции А. А. Алфёрова (1000 років... 2013: 79, № 52), из Пскова (Белецкий 2001а: 65, 66, табл. 53, 4, 6; Янин, Гайдуков 1998а: 150, № 2946-1), на печатях № 285 (Янин 1970: 217, № 285), 289Аа (Янин, Гайдуков 2006: 90, 91, рис. 15, № 289Аа) и на печати из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 68, № 35).

Тип I/2/28 (рис. 2, 63). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на правом зубце перекрестие, ножка вертикальная. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Musianowicz 1982: 135, ill., седьмой сверху ряд, правая пломба), Чернигова (Коваленко, Молчанов 1993: 213–214, рис. 2, 11), Сакор-горы (Трутовский 1926: 9, рис. 6, верхний ряд, левая пломба), Рязанской (Парусимов 2016: 35, 37, 40, 41, рис. 1, 4; 2, 34, 39) и Брянской обл. (Белецкий 2019), а также из коллекций В. В. Нечитайло (Анохин 2012: табл. IX, 125, 131, 126; Белецкий 2018а: 321, рис. 14, 9–11) и А. А. Алфёрова (1000 років... 2013: 79, № 53).

Тип I/2/31 (рис. 2, 96, 97, 120). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы и ножка вертикальные. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Musianowicz 1982: 136, ill., седьмой сверху ряд, центральная пломба), Городца на Волге (Петров 1997: табл. 3, 1, 3), из коллекции А. А. Алфёрова (№ 737, 959)⁶, в клеймах на кирпиче из храма на Рву в Полоцке (Белецкий 2017: 10, ил. 5, 1) и храма в Трубчевске (Там же: 10, ил. 5, 5), в гончарных клеймах из Изяславля (Белецкий 2014: 366, рис. 5, 8–10), Вышгорода (Белецкий 2014: 366, рис. 5, 12), Дорогобужа (Белецкий 2014: 366, рис. 5, 13), Киева (Белецкий 2014: 366, рис. 5, 14), Твери (Белецкий 2014: 366, рис. 5, 19), городища Осовик (Белецкий 2014: 366, рис. 5, 18), а также такой знак вырезан на дне деревянного блюда из Новгорода (Путь на Север 2017: 109, № 132).

Тип I/2/36 (рис. 2, 123). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, левый зубец и ножка вертикальные. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбе из Пскова (Белецкий 2001а: 69, табл. 54, 4), в гончарных клеймах из Григоровки (Белецкий 2014: 364, рис. 4, 17) и Владимира (Там же: 364, рис. 4, 15, 16), в клейме на кирпиче из Пятницкой церкви в Чернигове (Белецкий 2017: 10, рис. 4, 16).

Тип I/2/39 (рис. 2, 69, 70, 71). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на зубцах отроги внутрь, ножка вертикальная. Аналогичный знак зафиксирован на пломбе из Белоозера (Макаров, Чернецов 1988: 234, № 11, рис. 1, 10; 3, 3).

Тип I/2/41 (рис. 2, 38). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, завершение левого зубца раздвоенное, ножка вертикальная. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Городца на Волге (Лебедев, Дунин 1997: рис. 2, 73) и из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1119), на печати № 288 (Янин 1970: 217, № 288), на печати-матрице из Белоозера (Макаров, Чернецов 1988: 239, рис. 1, 26; 3, 9.) и в гончарном клейме из Яблоновки (Белецкий 2014: 364, рис. 4, 14).

Тип I/2/43 (рис. 2, 3, 33, 34, 42). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на правом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Аналогичные знаки выявлены на пломбе из Рязанской обл. (Парусимов 2012: 39, 40, рис. 1, 28), на печати № 284 (Янин 1970: 217, № 284), а также на рисунке по сырой штукатурке из церкви Успения в Старой Ладогe (Белецкий 2017: 11, ил. 6, 1).

Тип I/2/44 (рис. 2, 74). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов раздвоенные, ножка вертикальная. Аналогичные знаки зафиксированы в гончарных клеймах из Киева (Белецкий 2014: 366, рис. 5, 5, б).

⁶ Здесь и далее ссылки в тексте в скобках даются на инвентарные номера коллекции А. А. Алфёрова (Киев). Пользуюсь случаем поблагодарить А. А. Алфёрова, предоставившего мне возможность познакомиться с пломбами из своей коллекции.

ЗНАКИ	СХЕМЫ	ЗНАКИ	СХЕМЫ
 8Rv	 I/2/81	 19Av	 I/4/5
 101	 I/2/62	 52	 I/4/8
 124	 I/2/63	 76	 I/4/12
 87	 I/2/64	 77	 I/4/21
 86		 112	
 53	 I/3/7	 14Rv	 I/5/5
 49	 I/3/14	 46	 I/5/7
 119	 I/3/16	 107	 I/5/9
 50	 I/3/22	 10Av	 I/5/10
		 111	
		 72	

Рис. 3. Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях из публикаций В. В. Нечитайло

Fig. 3. Old Russian princely symbols on seals from V. V. Nechitailo's publications

Тип I/2/46 (рис. 2, 16Av). Двухзубец колоколовидных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Аналогичные знаки отмечены на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1033) и в клеймах на кирпичиках из собора Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске (Белецкий 2017: 10, рис. 5, 8, 9).

Тип I/2/49 (рис. 2, 51). Двухзубец колоколовидных очертаний, правый зубец отогнут наружу, на левом вертикальном зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Аналогичный знак отмечен на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1107).

Тип I/2/50 (рис. 2, 7Av). Двухзубец прямоугольных очертаний, зубцы и ножка вертикальные, на левом зубце отроги наружу и внутрь. Аналогии неизвестны.

Тип I/2/53 (рис. 2, 99, 100). Двухзубец прямоугольных очертаний, правый зубец вертикальный, завершение левого зубца раздвоенное, на правом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Аналогии неизвестны.

Тип I/2/55 (рис. 2, 17Rv). Двухзубец колоколовидных очертаний, левый зубец вертикальный, правый зубец отогнут наружу, на правом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Аналогии неизвестны.

Тип I/2/56 (рис. 2, 117). Двухзубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на правом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Аналогичные знаки зафиксированы на печати из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 68, № 36) и на рукояти ножа из Фёдоровского раскопа в Новгороде⁷.

Тип I/2/57 (рис. 2, 8Av). Двухзубец прямоугольных очертаний, правый зубец отогнут наружу, на левом вертикальном зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Аналогичный знак отмечен на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1047).

Тип I/2/61 (рис. 3, 8Rv). Двухзубец прямоугольных очертаний. Левый зубец отогнут наружу, правый зубец вертикальный. На левом зубце отрог внутрь, на правом — перекрестие, ножка вертикальная. Аналогии неизвестны.

Тип I/2/62 (рис. 3, 101). Двухзубец прямоугольных очертаний. Зубцы вертикальные. На зубцах симметричные отроги внутрь, ножка вертикальная. Аналогии неизвестны.

Тип I/2/63 (рис. 3, 124). Двухзубец колоколовидных очертаний. Зубцы вертикальные, соединены стяжкой, ножка вертикальная. Аналогии неизвестны.

Тип I/2/64 (рис. 3, 86, 87). Двухзубец колоколовидных очертаний. Зубцы отогнуты наружу, соединены стяжкой, на левом зубце отрог внутрь, ножка вертикальная. Аналогии неизвестны.

Тип I/3/7 (рис. 3, 53). Двухзубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка загнута вправо. Аналогичный знак зафиксирован на пломбе из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XIX, 879).

Тип I/3/14 (рис. 3, 49). Двухзубец колоколовидных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, на правом вертикальном зубце отрог внутрь, ножка загнута вправо. Аналогичные знаки зафиксированы на печати № 298а (Янин, Гайдуков 1998б: 342, 348, № 298а, рис. 18), на щитке перстня из Крылоса (Володченко 1951: 62, рис. 15), на каменной иконке с Рюрикова городища (Мусин 2007: 149, рис. 1) и на матрице буллотирия из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 70, № 37; тип знака по оттиску).

⁷ Сообщил Ю. М. Лесман (†). Не издана. Упомянуто: Дубровин и др. 1994: 10.

Тип I/3/16 (рис. 3, 119). Двухзубец колоколовидных очертаний, левый зубец отогнут наружу, завершение правого зубца раздвоенное, ножка загнута вправо. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XVIII, 864), из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 76, № 45), а также из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1036).

Тип I/3/22 (рис. 3, 50). Двухзубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на зубцах симметричные отроги внутрь, ножка загнута вправо. Аналогии неизвестны.

Тип I/4/5 (рис. 3, 19Av). Двухзубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце перекрестие, ножка загнута влево. Аналогичный знак отмечен на пломбе из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XIII, 596).

Тип I/4/8 (рис. 3, 52). Двухзубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка загнута влево. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XIV, 631, 640; Авенариус 1890: № 41; ЛСА: табл. XXV, 24), Новгорода (Лихачёв 1930: рис. 69, четвертый сверху ряд, третья слева пломба), Старой Ладogi (Белецкий 2018б: 111, 124, рис. 2, 26-1, 26-2; 5, 26Av), Старой Руссы (Матюшкина 1976: 66, 67, табл. I, 2б; Янин, Гайдуков 1998а: 151, № 299а) и на пломбе из коллекции Алфёрова (№ 996).

Тип I/4/12 (рис. 3, 76, 77). Двухзубец колоколовидных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца отогнуто наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка загнута влево. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: рис. 64, четвертый сверху ряд, вторая слева пломба), Новгорода (ЛСА: табл. VIII, 3), Торжка (Белецкий 1996: 46, рис. 1, 1), Городца на Волге (Петров 1997: табл. 8, 42), Старой Ладogi (Белецкий 2018б: 111, 124, рис. 2, 18; 5, 18), на пломбе из коллекции Алфёрова (№ 831), на памятном камне из Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске (Белецкий 2017: 10, ил. 5, 12), на камне постамента Боголюбовского кивория (Белецкий 2017: 10, ил. 5, 10) и на камне кладки Золотых ворот во Владимире (Белецкий 2017: 10, ил. 5, 11).

Тип I/4/21 (рис. 3, 14Rv, 112). Двухзубец колоколовидных очертаний, левый зубец вертикальный, завершение правого зубца отогнуто наружу, ножка загнута влево. Аналогии неизвестны.

Тип I/5/5 (рис. 3, 46). Двухзубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, ножка раздвоенная. Такой же знак, помещенный на пломбе из коллекции В. В. Нечитайло, был опубликован В. А. Анохиным (Анохин 2012: табл. XV, 227; Белецкий 2018а: 314, 315, 323, рис. 5, 60; 16, 4). Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. IX, 406), из Украины (Парусимов 2016: 226, 228, рис. 2, 20), из коллекций А. А. Алфёрова (№ 1000, 1065), а также в гончарных клеймах из Киева (Белецкий 2014: 364, рис. 4, 1, 2), Плеснеска (Там же: 364, рис. 4, 3), Губинского городища (Там же: 364, рис. 4, 4, 5), в клеймах на кирпичах из церкви Дмитрия Солунского в Пскове (Белецкий 2017: 10, ил. 4, 7, 9, 10) и на крышке саркофага из Василёва (Белецкий 2006: 88, рис. 4, 2).

Тип I/5/7 (рис. 3, 10Av, 107). Двухзубец колоколовидных очертаний, завершение левого зубца отогнуто наружу, завершение правого зубца и ножка раздвоенные. Аналогичные знаки выявлены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XII, 566) и из коллекции А. А. Алфёрова (№ 304), а также в гончарном клейме из Киева (Белецкий 2014: 368, рис. 6, 17).

ЗНАКИ		СХЕМЫ	ЗНАКИ		СХЕМЫ
					
68		I/5/12	73		I/10/1
					
108		I/5/19	113		I/11/2
					
9		I/5/23	116		I/13/4
					
47		I/5/24	115		I/13/5
					
15Av		I/7/8	114		I/13/8
					
1		I/7/15	37		I/13/7
					
27	29	I/7/16	5		I/19/3
					
75		I/9/3	98		II/2/1
					
			13Rv		
					
			6Rv		

Рис. 4. Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях из публикаций В. В. Нечитайло

Fig. 4. Old Russian princely symbols on seals from V. V. Nechitailo's publications

Тип I/5/9 (рис. 3, 111). Двузубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка раздвоенная. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Лихачёв 1930: рис. 64, четвертый сверху ряд, правая пломба, пятый сверху ряд, вторая слева пломба), Старой Ладogi (Белецкий 2018б: 111, 113, 124, рис. 2, 26-1, 26-2; 5, 26Rv), из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 77, № 46), из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1086; Там же: 77, № 47), а также на деревянном цилиндре № 1 из Новгорода (Янин 2001: 93, 110).

Тип I/5/10 (рис. 3, 72). Двузубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов и ножка раздвоенные. Аналогичный знак зафиксирован на пломбе из Новгорода (ЛСА: табл. VII, 18).

Тип I/5/12 (рис. 4, 68). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на правом зубце отрог внутрь, ножка раздвоенная. Аналогичный знак зафиксирован на щитке перстня из Твери (Белецкий 2001б: 192–198, рис. 3).

Тип I/5/19 (рис. 4, 108). Двузубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на правом зубце отрог внутрь, ножка раздвоенная. Аналогичный знак зафиксирован на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 114).

Тип I/5/23 (рис. 4, 9). Двузубец колоколовидных очертаний, левый зубец отогнут наружу, на правом вертикальном зубце перекрестие, на левом зубце отрог внутрь, ножка раздвоенная. Аналогии неизвестны.

Тип I/5/24 (рис. 4, 47). Двузубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце перекрестие, ножка раздвоенная. Аналогии неизвестны.

Тип I/7/8 (рис. 4, 15Av). Двузубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка Т-образная. Аналогии неизвестны.

Тип I/7/15 (рис. 4, 1). Двузубец прямоугольных очертаний, левый зубец отогнут наружу, на правом вертикальном зубце перекрестие, ножка Т-образная. Аналогии неизвестны.

Тип I/7/16 (рис. 4, 27, 29). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце отрог внутрь, на правом — двойное перекрестие, ножка Т-образная. Аналогии неизвестны.

Тип I/9/3 (рис. 4, 75). Двузубец прямоугольных очертаний, завершение правого зубца отогнуто наружу, завершение левого зубца раздвоенное, ножка имеет вид треугольника, обращенного острием вверх. Аналогичный знак зафиксирован на пломбе из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XVIII, 856).

Тип I/10/1 (рис. 4, 73). Двузубец прямоугольных очертаний, завершения зубцов отогнуты наружу, на правом зубце отрог внутрь, ножка разделена натрое. Аналогии неизвестны.

Тип I/11/2 (рис. 4, 113). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце двойное перекрестие, ножка полукруглая. Аналогичный знак зафиксирован на пломбе из Дрогичина (Лихачёв 1930: рис. 64, шестой сверху ряд, вторая справа пломба).

Тип I/13/4 (рис. 4, 116). Двузубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце перекрестие, ножка имеет вид треугольника, обращенного острием вниз. Аналогичный знак зафиксирован на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 881).

Тип I/13/5 (рис. 4, 115). Двузубец прямоугольных очертаний, правый зубец отогнут наружу, на левом вертикальном зубце перекрестие, ножка имеет вид

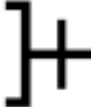

ЗНАКИ	СХЕМЫ	ЗНАКИ	СХЕМЫ
 15Rv	 II/2/2	 90	 II/13/1
 92	 II/2/11	 2	 III/1/2
 88	 III/4/2	 25	 23
 89	 III/4/4	 66	 IV/1/3
 6Av	 III/5/1	 64	 IV/1/9
 30	 93	 12	 V/1/1
 62	 II/9/1	 95	 82
		 118	 106
			 V/1/3

Рис. 5. Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях из публикаций В. В. Нечитайло

Fig. 5. Old Russian princely symbols on seals from V. V. Nechitailo's publications

треугольника, обращенного острием вниз. Аналогичный знак зафиксирован на пломбе из коллекции А. А. Алфёрова (№ 881).

Тип I/13/6 (рис. 4, 114). Двзубец прямоугольных очертаний, левый зубец отогнут наружу, на правом вертикальном зубце двойное перекрестие, ножка имеет вид треугольника, обращенного острием вниз. Аналогии неизвестны.

Тип I/13/7 (рис. 4, 37). Двзубец прямоугольных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, ножка имеет вид треугольника, обращенного острием вниз. Аналогичный знак зафиксирован на литом бронзовом кистене из Новгорода (Медведев 1959: 135, рис. 7, 5).

Тип I/19/3 (рис. 4, 5). Двзубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце отрог внутрь, на правом зубце двойное перекрестие, ножка П-образная. Аналогии неизвестны.

Тип II/2/1 (рис. 4, 6Rv, 13Rv, 98). Трезубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, ножка вертикальная. Аналогичные знаки выявлены на пломбах из Украины (Парусимов 2016: 225, 227, рис. 1, 2), Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. VIII, 360; XII, 553; XIX, 916; Авенариус 1890: № 28), Ратмино (Белецкий 2001а: 92, табл. 56, 2), Городца на Волге (Петров 1997: табл. 3, 4), из коллекции А. А. Алфёрова (№ 827, 1000, 1043; 1000 років... 2013: 77, № 48), в гончарных клеймах из Тверского Поволжья (Белецкий 2014: 377, рис. 11, 7), Ростова (Там же: 377, рис. 11, 8), Скрыбино (Белецкий 2014: 374, рис. 9, 3), Усть-Шексны (Там же: 374, рис. 9, 4), Плеснеска (Там же: 374, рис. 9, 5), Киева (Там же: 374, рис. 9, 6–9), в клеймах на кирпичах из бесстолпного храма в детинце (Белецкий 2017: 14, ил. 9, 1) и из Борисоглебского собора (Там же: 14, ил. 9, б) в Смоленске, из Пятницкой церкви (Там же: 14, ил. 9, 3) и из так называемого однокамерного терема в Чернигове (Там же: 14, ил. 9, 17), клеймо (Там же: 14, ил. 9, 4) и метка (Там же: 14, ил. 9, 5) выявлены на кирпичах из храма в детинце Полоцка, а также на роговом гребне из Луковца (Кудряшов 1996: 56, рис. 14, 2).

Тип II/2/2 (рис. 5, 15Rv). Трезубец прямоугольных очертаний, левый и центральный зубцы вертикальные, завершение правого зубца отогнуто наружу, ножка вертикальная. Аналогичные знаки выявлены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XV, 672; Лихачёв 1930: рис. 64, нижний ряд, левая пломба) и из коллекции А. А. Алфёрова (№ 448).

Тип II/2/11 (рис. 5, 92). Трезубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на левом зубце отрог наружу, на центральном зубце отрог вправо, ножка вертикальная. Аналогии неизвестны.

Тип II/4/2 (рис. 5, 88). Трезубец колоколовидных очертаний, боковые зубцы вертикальные, завершение центрального зубца отогнуто вправо. Аналогии неизвестны.

Тип II/4/4 (рис. 5, 89). Трезубец колоколовидных очертаний, зубцы вертикальные. Аналогичный знак зафиксирован меткой на кирпиче Борисоглебского собора в Чернигове (Белецкий 2017: 14, ил. 8, 19).

Тип II/5/1 (рис. 5, 6Av). Трезубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. XIII, 857), а также в граффито из Софийского собора в Новгороде (Медынцева 1978: 155–156, 289, рис. 133, надпись № 217).

Тип II/7/4 (рис. 5, 30, 93). Трезубец якорной формы, завершения боковых зубцов отогнуты наружу, завершение центрального зубца имеет вид шарика (кружка?), на центральном зубце симметричные отроги вправо и влево. Аналогии неизвестны.

ЗНАКИ	СХЕМЫ	ЗНАКИ	СХЕМЫ
 80 81	 VI/1/1	 60 13Av	 VI/2/2
 103 104		 61 122	
 105	 VI/1/2	 48	 VI/2/3
 17Av	 VI/1/3	 91 11Rv	 VI/3/2
 83	 VI/1/4	 18Av	 VI/3/3
 10Rv 11Av 102 110	 VI/2/1	 109	 VI/3/5
 94	 I/1/?	 43	 I/?/?

Рис. 6. Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях из публикаций В. В. Нечитайло

Fig. 6. Old Russian princely symbols on seals from V. V. Nechitailo's publications

Тип II/9/1 (рис. 5, 62). Трезубец прямоугольных очертаний, зубцы вертикальные, на боковых зубцах отроги внутрь, на центральном зубце перекрестие. Аналогии неизвестны.

Тип II/13/1 (рис. 5, 90). Трезубец колоколовидных очертаний, завершения боковых зубцов загнуты внутрь, центральный зубец вертикальный, на отогнутой влево ножке отрог вправо. Аналогии неизвестны.

Тип III/1/2 (рис. 5, 2). Трезубец прямоугольных очертаний с укороченным центральным зубцом, зубцы вертикальные. Аналогии неизвестны.

Тип III/2/6 (рис. 5, 23, 25). Трезубец прямоугольных очертаний с укороченным центральным зубцом, завершения правого зубца отогнуто наружу, на левом вертикальном зубце перекрестие. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. VIII, 361), из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 65, № 30) и из коллекции А. А. Алфёрова (Там же: 78, № 49).

Тип IV/1/3 (рис. 5, 66). Удвоенный трезубец, основания и вершины боковин отогнуты наружу, мачта вертикальная, укороченная. Аналогии неизвестны.

Тип IV/1/9 (рис. 5, 64). Удвоенный трезубец, основания и вершины боковин отогнуты наружу, полумачта опирается на треугольник, лишенный нижней перекладины, на полумачте имеется перекрестие, вершина полумачты раздвоенная. Аналогии неизвестны.

Тип V/1/1 (рис. 5, 12). Полутрезубец, завершения зубца и вершина мачты отогнуты наружу. Аналогичные знаки выявлены на пломбах из Дрогичина (Авенариус 1890: № 31; Покровский 1892: табл. XIX, 30).

Тип V/1/3 (рис. 5, 82, 95, 106, 118). Завершение зубца отогнуто наружу, на зубце отрог внутрь. Аналогичные знаки зафиксированы на астрагале из Новгорода⁸, а также в клейме на кирпиче из Борисоглебского собора Смядынского монастыря в Смоленске (Белецкий 2017: 16, ил. 12, 12).

Тип VI/1/1 (рис. 6, 80, 81, 103, 104). Знак в виде вертикальной мачты с Т-образным покрытием и отрогом вправо. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл. V, 209; Лихачёв 1930: 81, рис. 64, нижний ряд, правая и вторая справа пломбы; Musianowicz 1982: 136, ill., третий сверху ряд, правая пломба), Новгорода (ЛСА: табл. VII, 25; Лихачёв 1930: 86, 210, рис. 71f, 191), Пскова (Белецкий 2001a: 102, табл. 57, 3; 1997: 49, 51, рис. 8, 3), из Украины (Парусимов 2016: 227, 228, рис. 2, 30) и из коллекции А. А. Алфёрова (№ 988, 1098), в клейме на кирпиче из собора Спасского монастыря в Новгороде Северском (Белецкий 2017: 16, ил. 12, 7, 8), на печатях № 306 (Янин 1970: 221, № 306), 306а (Янин, Гайдуков 2004: 148, 155, рис. 16, 306а) и 307 (Янин 1970: 221, № 307), а также на роговой рукояти ножа из Фёдоровского раскопа в Новгороде⁹.

Тип VI/1/2 (рис. 6, 105). Знак в виде вертикальной мачты с отрогом вправо. Аналогичные знаки зафиксированы на пломбах из Новгорода (Лихачёв 1930: 85, 207, рис. 69, второй сверху ряд, левая пломба, рис. 186, правая и левая пломбы; ЛСА: табл. VIII, 22–26; XLVII, 17; Янин 1970: 220, 221, 236, № 305; Янин, Гайдуков 1998a: 151, № 305; Ершевский 1978: табл. 1, 11), из коллекции А. А. Алфёрова (№ 681, 860,

⁸ Не издан. Сообщил А. Е. Мусин (СПб.).

⁹ Не издана. Сообщил Ю. М. Лесман (†). См. также: Дубровин и др. 1994: 10.

1108), на печати из собрания музея Шереметевых (1000 років... 2013: 73, № 40), на щитке перстня из Киева (Макарова 1986: 131, 82), в гончарном клейме из Суздаля (Белецкий 2014: 379, рис. 12, 7), на крышке каменного саркофага из Василёва (Белецкий 2006: 88, рис. 4, 5), а также в клеймах на кирпичах из церкви Петра и Павла в Смоленске (Белецкий 2017: 16, ил. 12, 9–11).

Тип VI/1/3 (рис. 6, 17Av). Знак в виде вертикальной мачты с раздвоенным отрогом вправо. Аналогичный знак выявлен на крышке каменного саркофага из Василёва (Белецкий 2006: 88, рис. 4, 6).

Тип VI/1/4 (рис. 6, 83). Знак в виде вертикальной мачты с отрогом вправо, основание мачты раздвоенное. Аналогии неизвестны.

Тип VI/2/1 (рис. 6, 10Rv, 11Av, 102, 110). Знак в виде вертикальной мачты с отрогом влево. Аналогичные знаки отмечены на пломбах из Дрогичина (ЛСА: табл. XXV, 17), из Украины (Парусимов 2016: 227, 228, рис. 2, 25), а также из коллекции А. А. Алфёрова (№ 304, 392, 832, 986, 1027, 1040, 1044, 1065, 1067, 1081, 1105; 1000 років... 2013: 78–79, № 51), на щитке перстня из Киева (Лихачёв 1930: 211, рис. 196), на деревянном цилиндре № 38 из Новгорода (Янин 2001: 105, 106, 140), в гончарном клейме из Владимира (Белецкий 2014: 379, рис. 12, 6).

Тип VI/2/2 (рис. 6, 13Av, 60, 61, 122). Знак в виде вертикальной мачты с Т-образным покрытием и отрогом влево. Аналогичные знаки выявлены на пломбах из Курска (Белецкий и др. 2017а: 356, рис. 7, 7–8; 2017б: 152, рис. 3, 13), на печати № 305а (Янин, Гайдуков 2001: 189, № 305а), в клеймах на кирпичах из собора Спасского монастыря в Новгороде Северском (Белецкий 2017: 16, ил. 12, 4–6) и на т. н. Лопастницком кресте (Янин 1957: 31–34).

Тип VI/2/3 (рис. 6, 48). Знак в виде вертикальной мачты с Т-образным покрытием и отрогом влево, основание мачты крестовидное. Аналогии неизвестны.

Тип VI/3/2 (рис. 6, 11Rv, 91). Ф-образный знак в виде вертикальной мачты с симметричными полукружиями вправо и влево. Аналогичный знак отмечен на печати № 358 (Янин 1970: 228, № 358; Янин, Гайдуков 1998а: 159, № 358).

Тип VI/3/3 (рис. 6, 18Av). Знак в виде вертикальной мачты с асимметричными отрогами вправо и влево. Аналогичные знаки выявлены на пломбах из коллекции А. А. Алфёрова (№ 1075, 1081), а также на щитке перстня из Никоново (Макарова 1986: 132, № 96).

Тип VI/3/5 (рис. 6, 109). Знак в виде вертикальной мачты с симметричными отрогами вправо и влево. Аналогии неизвестны.

Тип I/1/? (рис. 6, 94). Дефектный. Двухзубец колоколовидных очертаний, завершения зубцов остались за пределами оттиска, на правом зубце отрог внутрь, ножка крестовидная. До обнаружения более сохранных экземпляров, тип знака остается неустановленным. В том случае, если зубцы были отогнуты наружу, это мог быть знак типа I/1/14. Если же зубцы были еще и соединены стяжкой, это мог быть знак типа I/1/17.

Тип I/?/? (рис. 6, 43). Дефектный. Двухзубец колоколовидных очертаний, зубцы отогнуты наружу, на левом зубце отрог внутрь, на правом — перекрестие, ножка не вошла в площадь оттиска. До обнаружения более сохранных экземпляров тип знака остается неустановленным. Отмечу только, что близкородственными ему являются знаки типа I/2/37 и I/5/23.

Хронология знаков

Ориентирами для датирования знаков на пломбах могли бы стать предметы, на которых зафиксированы аналогии знакам: перстни, оружие, гончарные клейма и т. п. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев эти аналогии не дают узких дат. Можно лишь определенно утверждать, что большинство предметов, несущих на себе изображения знаков, совпадающих по схеме со знаками на пломбах, не выходят за пределы домонгольского времени. Сравнительно узкие даты дают только наблюдения за знаками, зафиксированными в памятниках архитектуры (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Аналогии знакам в памятниках архитектуры

Храм	Дата	Обоснование даты	Знаки
Храм Дмитрия Солунского в Пскове	1132 г.	Белецкий 1986: 21–24; 1998: 39–44	Тип I/5/5
Храм Бориса и Глеба в Смоленске	1145 г.	Раппопорт 1982: 82, 83	Тип II/2/1; V/1/3
Бесстолпный храм в детинце Смоленска	Середина XII в.	Раппопорт 1982: 90	Тип II/2/1
Храм на Рву в Полоцке	XII в.	Раппопорт 1982: 95	Тип I/2/31
Храм Петра и Павла в Смоленске	Середина XII в.	Раппопорт 1982: 86	Тип VI/1/2
Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске	Конец XII в.	Раппопорт 1982: 82	Тип I/2/46
Успенская церковь в Старой Ладоге	Середина — вторая половина XII в.	Раппопорт 1982: 76	Тип I/2/43 (рисунок по сырой штукатурке)
Храм в Детинце Полоцка	Вторая половина (треть четверть?) XII в.	Раппопорт 1982: 94	Тип II/2/1
Храм в Трубчевске	Конец XII — первая треть XIII в.	Раппопорт 1982: 48	Тип I/2/31
Пятницкая церковь в Чернигове	Конец XII — первая треть XIII в.	Раппопорт 1982: 44	Тип I/2/36; II/2/1
«Однокамерный терем» в Чернигове	Начало XII в.	Раппопорт 1982: 40, 41	Тип II/2/1
Храм Бориса и Глеба в Чернигове	Вторая половина XII в.	Раппопорт 1982: 41–43	Тип II/4/4
Борисоглебский собор Смядынского монастыря в Смоленске	Середина XII в. (1145 г.)	Раппопорт 1982: 82, 83	Тип V/1/3
Спасский собор в Новгороде Северском	Конец XII — первая треть XIII в.	Раппопорт 1982: 48	Тип VI/1/1; VI/2/2

Более-менее узкие даты могут быть установлены для восьми знаков. Двухзубец типа I/5/5 отмечен на кирпичях храма, построенного в 1132 г. Знаки этого типа, как было ранее установлено (Белецкий 1986: 21–24; 1998: 39–44; 2017: 10, ил. 4, 6–10), принадлежали старшему сыну Мстислава Великого Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу (†1138). Знак типа VI/1/2 зафиксирован на кирпиче храма середины XII в. Не позднее середины XII в. может быть датирован также знак типа V/1/3, зафиксированный на кирпиче храма, заложенного в 1145 г. Аналогии для знаков типа I/2/43 и II/4/4 отмечены в храмах середины и второй половины XII в. Аналогии знаку I/2/46 отмечены в храме конца XII в. Знаки типов VI/1/1 и VI/2/2 выявлены на кирпичях храма конца XII — первой трети XIII в.

Аналогии для знаков типа I/2/31 и II/2/1 встречены на строительных материалах из разновременных построек, датированных от начала XII в. до первой трети XIII в. Теоретически это можно было бы объяснить простотой формы знаков, однако в этом случае мы должны были бы признать вероятность использования разными князьями одинаковых княжеских знаков, что мне представляется маловероятным. Но есть и иное объяснение: при возведении новых зданий могли использовать кирпичи от разобранных более ранних построек. Так, при строительстве в конце XII — первой трети XIII в. Пятницкой церкви в Чернигове были, очевидно, использованы строительные материалы от постройки предположительно первой половины XII в., поскольку в клеймах на плинфе из этого храма встречен двухзубец типа I/7/3 (Белецкий 2017: 10, ил. 4, 14, 15), принадлежавший князю Владимиру Всеволодичу († ок. 1141). По этой же причине нельзя уверенно датировать временем строительства Пятницкой церкви знак типа I/2/36: не исключено, что кирпич, помеченный этим знаком, также принадлежал более ранней постройке.

В любом случае очевидно, что владельцы знаков, находящихся себе аналогии в памятниках архитектуры, жили в XII — первой трети XIII в.

Совстречаемость знаков

Пломбы с изображением знаков на обеих сторонах определенно свидетельствуют о том, что владельцы знаков были не просто современниками, но принимали участие в одних и тех же действиях, требовавших юридического закрепления plombой.

Для большинства отмеченных случаев совстречаемости знаков датировки по аналогиям отсутствуют или указывают на очень широкий интервал времени (типы II/5/1, VI/2/2 и II/2/1). Только двухзубец типа I/1/30 может быть ориентировочно датирован концом XII в., поскольку он встречен на одной пломбе с двухзубцем типа I/2/46. Отметим, что современниками были владельцы знаков типов II/5/1 и II/2/1; I/2/50 и I/2/12; I/2/57 и I/2/61; I/5/7, VI/3/2 и VI/2/1; VI/2/2 и II/2/1; I/1/31 и I/4/21; I/7/8 и II/2/2; I/2/46 и I/1/30; VI/1/3 и I/2/55; I/4/5 и I/2/3.

Заключение

Читая работы В. В. Нечитайло, я в очередной раз убедился в том, как важно вводить в научный оборот материалы частных коллекций. Даже сравнительно небольшая серия предметов (126 булл, из которых 63 моливдовула опубликованы впервые) добавила к числу зафиксированных к настоящему времени древнерусских княжеских знаков 20 ранее неизвестных типов. Будем надеяться, что

в обозримом будущем появятся и другие подобные публикации. При этом хотелось бы пожелать авторам включать в каталожные описания фотографии всех моливдулов, сведения об их размерах и массивности, о местах современного хранения, а в тех случаях, когда это установлено, о местах их обнаружения. И, разумеется, надо в обязательном порядке приводить в каталожных описаниях подробные сведения об источниках, из которых были заимствованы сведения о памятниках, то есть обо всех предшествующих публикациях предметов.

Литература

- 1000 років... 2013 — 1000 років української печатки. Київ: Інститут історії України, 2013. 503 с.
- Авенариус 1890 — *Авенариус Н. А.* Дрогичин Надбужский и его древности // Древности северо-западного края. СПб., 1890. Т. 1, вып. 1. С. 3–42 (МАР. № 4).
- Анохин 2012 — *Анохин В. А.* Свинцовые пломбы великого княжества Киевского (X–XIII вв.). Киев: Стилос, 2012. 79 с.
- Белецкий 1986 — *Белецкий С. В.* «Яведова печать» (из истории Пскова XII в.) // Седов В. В. (ред.). Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 1986. С. 21–24.
- Белецкий 1996 — *Белецкий С. В.* Новые сфрагистические находки из Торжка // Массон В. М. (ред.). Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации: Материалы пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. СПб., 1996. С. 45–48.
- Белецкий 1997 — *Белецкий С. В.* Новые сфрагистические находки из Пскова // Массон В. М. (ред.). Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 48–52.
- Белецкий 1998 — *Белецкий С. В.* К истории строительства ц. Дмитрия Солунского в Пскове // Мусин А. Е. (ред.). Церковная археология. Вып. 4: Материалы Второй Всерос. церковно-археологической конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1847–1917). Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 г. СПб.: Санкт-Петербургская Духовная академия, 1998. С. 39–44.
- Белецкий 2001a — *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей. Часть вторая: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду). СПб.: СПбГУКИ, 2001. 187 с. (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 3).
- Белецкий 2001b — *Белецкий С. В.* Предметы с изображениями тамгообразных знаков из раскопок в Тверском Кремле // Лапшин В. А. (ред.). Тверской Кремль. Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской Кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.: Европейский дом, 2001. С. 190–201.
- Белецкий 2006 — *Белецкий С. В.* Кто был похоронен в Василёвском саркофаге? // Кашкин А. В. (ред.). Археология Верхнего Поволжья. К 80-летию К. И. Комарова. М.: ИА РАН, 2006. С. 68–91.
- Белецкий 2014 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // Лопатин Н. В. (ред.). Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 59 заседания. Апрель 2013 г. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 358–387.
- Белецкий 2015 — *Белецкий С. В.* Древнерусская печать как текст // Русаков А. Ю. (ред.). Музей в мире культуры. Мир культуры в музее: Материалы Всерос. научно-практической

- конф., посвящ. 25-летию кафедры музеологии и культурного наследия. 5–6 декабря 2013 г. СПб.: Изд-во СПбГИК, 2015. С. 127–139 (Тр. СПбГИК. Т. 212).
- Белецкий 2016 — *Белецкий С. В.* О знаках Рюриковичей в граффити из Саркела — Белой Вежи // Кызласов И. Л. (ред.). Степи Восточной Европы в средние века: Сб. памяти С. А. Плетневой. М.: Авторская книга, 2016. С. 288–303.
- Белецкий 2017 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в памятниках архитектуры // Иоаннисян О. М. (ред.). Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья. СПб.: Изд-во ГЭ, 2017. С. 7–26 (Тр. ГЭ. Т. 86).
- Белецкий 2018a — *Белецкий С. В.* Древнерусские пломбы в публикации В. А. Анохина // *Stratum plus*. 2018. № 5. С. 311–332.
- Белецкий 2018b — *Белецкий С. В.* Древнерусские пломбы из Старой Ладogi // ЗИИМК. 2018. № 18. С. 105–132.
- Белецкий 2019 — *Белецкий С. В.* Древнерусские пломбы из Брянской области (по материалам коллекции И. Н. Парусимова) // *Stratum plus*. 2019. № 6 (в печати).
- Белецкий и др. 2017a — *Белецкий С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В.* Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2015 г. // *Stratum plus*. 2017. № 6. С. 347–360.
- Белецкий и др. 2017b — *Белецкий С. В., Веретюшкин Р. С., Горлов К. В.* Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2016 г. // ЗИИМК. 2017. № 16. С. 146–159.
- Болсуновский 1894 — *Болсуновский К. В.* Дрогичинские пломбы. Киев: Типо-Литография Г. Л. Фронцкевича, 1894. Ч. 1. I–L, 1–72 с.
- Боровский 1976 — *Боровский Я. Е.* Археологічні дослідження в «городі» Ярослава Ярослава // Толочко П. П. (ред.). Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ: Наукова думка, 1976. С. 86–107.
- Володченко 1951 — *Володченко З. А.* Перстень-печать XII в. // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 62–67.
- Дубровин и др. 1994 — *Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А., Хорошев А. С.* Работы на Фёдоровском раскопе в 1993 году // ННЗИА. 1994. Вып. 8. С. 8–10.
- Ершевский 1978 — Ершевский Б. Д. Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII — начала XIII вв. с изображением княжеских знаков // Носов Н. Е. (ред.). Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1978. Т. 10. С. 38–55.
- Ершова 2010 — *Ершова Т. Е.* Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается. СПб.; М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 1. С. 284–289.
- Коваленко, Молчанов 1993 — *Коваленко В. П., Молчанов А. А.* Древнерусские сфрагистические материалы домонгольского времени из Чернигова // РА. 1993. № 4. С. 208–216.
- Кудряшов 1996 — *Кудряшов А. В.* Работы Шекснинского отряда в Белозерье // Археологические открытия 1995 года. М.: Наука, 1996. С. 54–57.
- Лебедев, Дунин 1997 — *Лебедев В. Д., Дунин В. Н.* Золотоордынские монеты из находок в Городце на Волге // Петров П. Н. (ред.). Древности Нижегородского Поволжья. Вып. 2. Нумизматический сб. Т. 1. Нижний Новгород: Конвек, 1997. С. 25–47.
- Лихачёв 1930 — *Лихачёв Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 2. 279 с.
- ЛСА — *Лихачёв Н. П.* Сфрагистический альбом // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444.
- Лысенко 1985 — *Лысенко П. Ф.* Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 400 с.

- Макаров, Чернецов 1988 — *Макаров Н. А., Чернецов А. В.* Новые сфрагистические материалы из Белоозера // Тимошук Б. А. (ред.). Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 230–241.
- Макарова 1986 — *Макарова Т. И.* Черневое дело древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.
- Матюшкина 1976 — *Матюшкина Г. И.* Новые находки вислых печатей из раскопок 1970–1973 гг. // Вестник МГУ. 1976. № 1. С. 66–73.
- Медведев 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2. С. 121–191 (МИА. № 65).
- Медынцева 1978 — *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М.: Наука. 1978. 311 с.
- Мусин 2007 — *Мусин А. Е.* Каменная иконка с образом святого всадника из находок на Новгородском (Рюриковом) Городище. Вопросы интерпретации // Носов Е. Н. (ред.). У истоков русской государственности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 148–165.
- Нечитайло 2012а — *Нечитайло В. В.* Каталог древнерусских печатей X–XIII веков. Т. 1. Древнерусские печати Великих князей Киевских и Митрополитов Руси. Киев: Украинская конфедерация журналистов, 2012. 127 с.
- Нечитайло 2012б — *Нечитайло В. В.* Знаки Рюриковичей, принадлежавшие великим князьям киевским X–XIII вв. Киев: Украинская академия геральдики, товарного знака и логотипа, 2012. 44 с.
- Нечитайло 2013 — *Нечитайло В. В.* Каталог древнерусских печатей X–XIII веков. Т. 2. Печати князей Русских, посадников, епископов, должностных лиц. Киев: Украинская академия геральдики, товарного знака и логотипа, 2013. 127 с.
- Нечитайло 2019 — *Нечитайло В.* Знаки Рюриковичів, що належали великим князям київським // Читати, писати, говорити: Зб. наукових праць на пошану проф. Р. Шуста. Вісник Львівського університету. Серія історична. Спеціальний вип. Львів, 2019. С. 54–64.
- Парусимов 2012 — *Парусимов И. Н.* Новые находки пломб дрогичинского типа // Токарева Е. П. (ред.). Историко-археологические записки. Кн. 2. Зимовники: Медиа-Полис, 2012. С. 34–42.
- Парусимов 2016 — *Парусимов И. Н.* Пломбы дрогичинского типа: новые находки // Шинаков Е. А. (ред.). Русский сборник. Брянск, 2016. Вып. 8. Т. 1. С. 225–230.
- Петров 1997 — *Петров П. Н.* Русские средневековые свинцовые пломбы из находок в Городце на Волге // Петров П. Н. (ред.). Древности Нижегородского Поволжья. Вып. 2. Нумизматический сб. Т. 1. Нижний Новгород: Конвек, 1997. С. 48–67.
- Покровский 1892 — *Покровский Ф. В.* Виленский музей древностей. Объяснительный текст к фотографическим таблицам, заменяющий собою также путеводитель по музею. Вильно: Тип. Завадского, 1892. VIII + 62 с.
- Путь на Север... 2017 — Путь на Север: истоки: Каталог выставки. Великий Новгород: Арт Волхонка, 2017. 176 с.
- Раппопорт 1982 — *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л.: Наука, 1982. 136 с. (Свод археологических источников. Вып. Е1-47).
- Трусаў і др. 1993 — *Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І.* Стары замак у Гродне XI–XVIII ст. Гісторыка-археалагічны нарыс. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 152 с.
- Трутовский 1926 — *Трутовский В.* Рязанские пломбы // Некрасов А. И. (ред.). Отчет этнографо-археологического музея I МГУ. М.: Изд-во I МГУ, 1926. С. 58–60.
- Янин 1957 — *Янин В. Л.* К вопросу о дате Лопастницкого креста // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 31–34.

- Янин 1970 — Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1970. Т. 1. 326 с.
- Янин 2001 — Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: Изд-во Новгородского ГУ, 2001. 151 с.
- Янин, Гайдуков 1998а — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1998. Т. 3. 502 с.
- Янин, Гайдуков 1998б — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские печати, зарегистрированные в 1997 г. // ННЗИА: МНК. Новгород, 27–29 января 1998 г. 1998. Вып. 12. С. 338–357.
- Янин, Гайдуков 2001 — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // ННЗИА. 2001. Вып. 15. С. 179–197.
- Янин, Гайдуков 2002 — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // ННЗИА. 2002. Вып. 16. С. 154–173.
- Янин, Гайдуков 2004 — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. // ННЗИА. 2004. Вып. 18. С. 137–160.
- Янин, Гайдуков 2006 — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2005 г. // ННЗИА. 2006. Вып. 20. С. 77–97.
- Янин, Гайдуков 2007 — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // ННЗИА. 2007. Вып. 21. С. 138–164.
- Beletsky 2015 — Beletsky S. Rus' Seals as text // Ivakin H., Khrapunov N., Seibt W. (Ed.). Byzantine and Rus' Seals: Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography. Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013. Kyiv, 2015. P. 235–244.
- Beletsky 2019 — Beletsky S. The Tamgas of Riurikids: Symbols of the Princely Power in the 10th–13th century // Musin A., Wołoszyn M. (eds.). The Sphinx of Slavic Sigillography — Small Lead Seals of 'Drogiczyn type' from Czermno in their East European Context. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2019. (Frühzeit Ostmitteleuropas. 7).
- Hanc-Maikowa 1988 — Hanc-Maikowa E. Plomby drohiczynkie ze zbiorow muzeum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi // Prace i materialy muzeum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi. Seria numizmatyczna i konserwatorska. 1988. Nr. 8. S. 49–66.
- Musianowicz 1982 — Musianowicz K. Drohiczyn od VI do XIII wieku. Dzieje i kultura. Olsztyn; Białystok: Muzeum Okręgowe w Białymstoku, 1982. 102 s.

OLD RUSSIAN PRINCELY SYMBOLS ON SEALS PUBLISHED BY V. V. NECHITAILO

S. V. BELETSKY

Keywords: *Old Rus, seals, systematization, princely symbols.*

The paper analyzes seals of the pre-Mongolian period with Russian princely symbols published by V. V. Nechitailo (2012a; 2012b; 2013; 2019). Altogether, his works referred to above reproduce 126 molivdovuls, 63 of which have been published for the first time ever. No information is given about such things as the size of the objects or their current storage locations. Moreover, the author does not mention the previous publications of the seals he reproduces. The scrutiny of V. V. Nechitailo's publications has allowed to identify 20 hitherto unknown types of Old Russian princely symbols.

КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ У Д. КОШЕВО И ПОС. ВОЛГА (ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ): ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК

Ю. В. СТЕПАНОВА, О. В. ОРФИНСКАЯ, В. Ю. СОБОЛЕВ¹

Ключевые слова: *средневековая археология, ингумации, Верхняя Волга, история археологических исследований.*

Статья посвящена вновь выявленным материалам из раскопок древнерусских курганов Верхневолжья, производившихся во второй половине XIX — XX в. Эти материалы дополняют и уточняют представления о хронологии памятников, характере материальной культуры древнерусского населения одного из микрорегионов, расположенных в центре бассейна Верхней Волги, между современными городами Старица и Тверь.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-125-139

История изучения и погребальный инвентарь могильников

В настоящее время в районе д. Кошево и пос. Волга в Старицком р-не Тверской обл. зафиксировано несколько курганных могильников, изучение которых началось еще во второй половине XIX в. В документах этого времени памятники соотносятся с д. Выш-Городище, ключевым пунктом микрорегиона, который прекратил свое существование, вероятно, в середине XX в. Поселок Волга, расположенный немного ниже Выш-Городища по течению р. Волги, возник в 1930-х гг. Исчезновение одного населенного пункта и появление другого затрудняют идентификацию отдельных могильников, так как в источниках XIX — первой половины XX в. речь идет о памятниках близ Кошево и Выш-Городища, а в документах второй половины XX в. — о памятниках у д. Кошево и пос. Волга (Жукова, Степанова 2010: 69, 138–140). При составлении Археологической карты Тверской обл. курганные могильники микрорегиона приурочены к д. Кошево и пос. Волга и имеют соответствующие названия (АКР 2003: 357–358, 375–376).

Первые сведения о раскопках древнерусских курганов в этом микрорегионе появляются в издании «Тверской музей и его приобретения» за 1888 г., где упоминается о раскопках одного кургана у с. Выш-Городище. В нем было обнаружено женское погребение, ориентированное головой на В. Перстень из этого погребения

¹ Ю. В. Степанова — исторический факультет, Тверской ГУ, г. Тверь, 170100, Россия; О. В. Орфинская — Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, 105005, Россия; В. Ю. Соболев — Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева, СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия.

был передан автором раскопок помещиком А. А. Оппелем в Тверской музей. Эта информация была включена в сводный труд В. А. Плетнёва об археологических древностях Тверской губернии (Плетнёв 1903: 133).

В 1909 г. две насыпи у д. Кошево были исследованы членами Московского археологического института А. Д. Воронцовым, Ф. П. Белавиным, А. М. Дамаскиным и Н. Н. Матвеевым (Журнал...: 21–23; Тверской музей... 1911: 8). Курганы имели высоту до 1,5 м, в каждом обнаружено по одному женскому погребению на горизонте. Ориентировка погребенных — ЮЗ и З. В первом из них остатки убора представлены перстнеобразным проволочным височным кольцом в области правого уха, шестью целыми и шестью фрагментированными золотостеклянными цилиндрическими бусинами, семью круглыми орнаментированными и пятью прорезными, предположительно лунницевключенными, привесками из белого металла на груди. Ниже ожерелья из бус и привесок находился круглый бубенчик с остатками ткани и куском дерева. Также на груди погребенной найден фрагмент шерстяной (?) ткани с вышивкой и остатки волос. На левой руке — два бронзовых перстня с утолщенной передней частью и насечками (рубчатых) и бронзовый витой из трех проволок браслет с «камнями на концах» (петлеконечный?). На правой руке — аналогичный витой браслет, пластинчатый загнутоконечный браслет, орнаментированный ромбами из рядов точек, и ажурный перстень с заходящими концами, орнаментированный треугольниками и кружками. Находки поступили в Тверской музей, по сведениям которого, к этому погребению относятся также два проволочных загнутоконечных височных кольца. Погребение можно датировать концом XI — серединой XIII в.²

Во втором кургане, раскопанном в 1909 г., у черепа найдены два браслетообразных височных кольца с одним завязанным концом. В области таза сбоку находился проволочный перстень, около него — каменное (?) пряслице. Проволочные браслетообразные височные кольца, завязанные из одной или двух проволок, позволяют датировать погребение временем до 1116 г. (Лесман 1990: 69–70).

В 1920-х гг. изучение древнерусских курганов у д. Кошево и пос. Волга проводил директор Тверского музея И. А. Виноградов. Он зафиксировал в этом районе три курганные группы, в двух из которых провел раскопки (Виноградов 1924).

Первая группа располагалась на левом берегу р. Волги, в 0,5 км выше д. Кошево, и насчитывала более 100 насыпей, из них было раскопано 11. По-видимому, сейчас это курганный группа Волга, которая, по данным Археологической карты России, насчитывает 132 насыпи. Курганы плотно примыкают друг к другу, хорошо прослеживаются ровики. Высота курганов — 0,3–4,5 м, диаметр — 5–16 м.

В двух курганах (№ 8 и № 9) И. А. Виноградов зафиксировал зольно-угольные прослойки и пережженные кости без находок. С учетом материалов, полученных позднее В. С. Тарасенко (см. ниже), можно предположить, что И. А. Виноградовым были открыты остатки погребений по обряду кремации. В девяти других курганах были исследованы одиночные погребения по обряду ингумации. Все они имели

² Загнутоконечные браслеты (дротовые, крученые, пластинчатые) синхронизируются с 25–9 ярусами мостовых Неревского раскопа (1006–1369 гг.), пик их распространения приходится на XII–XIII вв. (Седова 1981: 94–96, 113; Лесман 1990: 44), рубчатые перстни распространены между 21-м и 14-м ярусами того же раскопа, но, возможно, продолжают свое существование дольше (1096–1268 гг.) (Седова 1981: 122; Лесман 1990: 50).

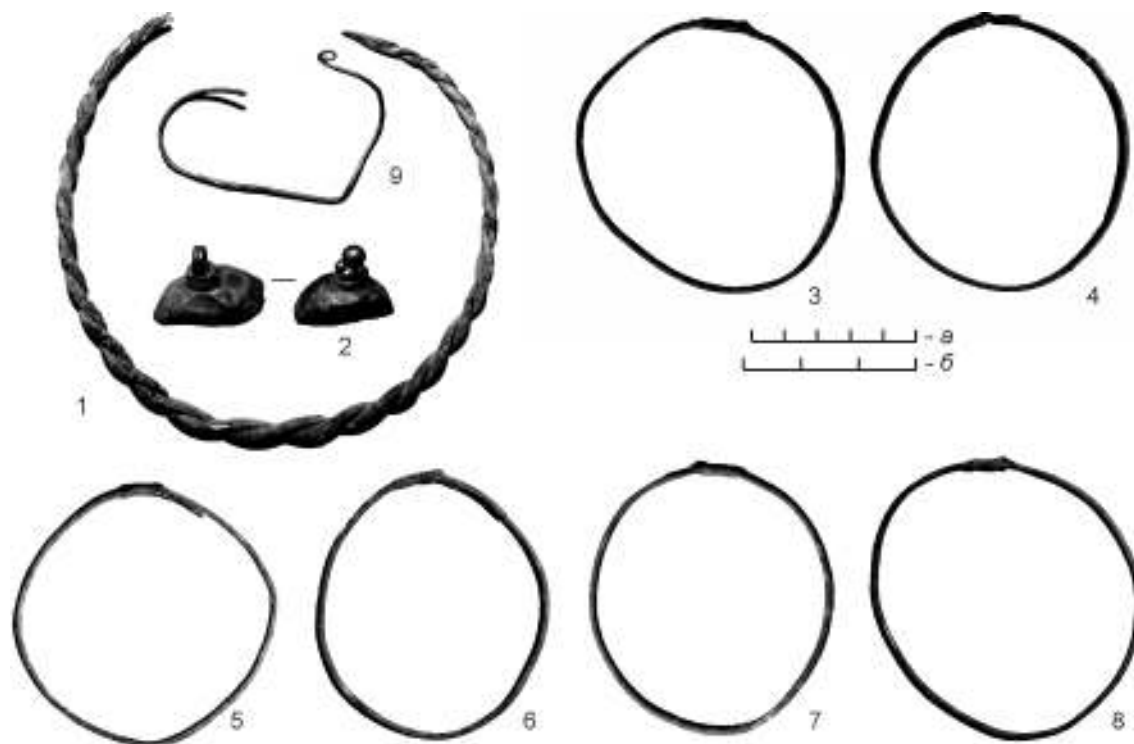

Рис. 1. Находки из погребения, переданные в ГЭ Д. Д. Муретовым (коллекция ОАВЕС ГЭ, № 714): 1 — шейная гривна; 2 — фрагменты пуговицы-подвески с гвоздевидным окончанием; 3–9 — височные кольца (1, 9 — бронза; 2–8 — серебро). Масштабы: *a* — для № 1, 3–9; *b* — для № 2

Fig. 1. Finds from the burial passed to the State Hermitage by D. D. Muretov (collection of the Department of Archaeology of East Europe and Siberia, No. 714): 1 — torc; 2 — fragments of a button-pendant with a nail-shaped end; 3–9 — temple rings (1, 9 — bronze; 2–8 — silver). Scale: *a* — nos. 1, 3–9; *b* — no. 2

западную ориентировку. Три погребения (в кург. № 1, 4, 7) оказались безынвентарными, в шести погребениях встречены детали костюма и убора. Проволочные височные кольца найдены в каждом захоронении. Среди них преобладают браслетообразные, описанные автором раскопок как кольца с заходящими концами (кург. № 2, 5, 10, 11). В кургане № 11 было найдено шесть височных колец такого типа, три из которых были продеты в кусок кожи, — возможно, фрагмент головного убора или ухо погребенной. В кург. № 2 в уборе сочетались перстнеобразные и браслетообразные височные кольца, по одному с каждой стороны черепа. В кург. № 6 были обнаружены только два перстнеобразных колечка, а в кург. № 5 — височное кольцо с заходящими концами.

В трех погребениях обнаружены бусины. Наибольшее количество их входило в состав ожерелья из кург. № 11: четыре сердоликовые многогранные и одна шарообразная, одна золотостеклянная, полые серебряные зерненные бусы с орнаментом из ромбиков и треугольников из зерни (количество неизвестно), белый бисер плохой сохранности «в большом количестве». В кург. № 6 и № 10 найдено шесть сердоликовых и три глазчатых бусины соответственно. В погребальном уборе они могли как находиться в ожерельях, так и служить пуговицами или нашиваться на одежду.

У двух погребенных пальцы были украшены дровыми перстнями с утолщенной серединой. Погребенная в кург. № 6, предположительно, была опоясана, к поясу крепился крестопорезной бубенчик.

Погребение в кург. № 6 может быть датировано концом XI — первой третью XII в.³ Хронология погребения в кург. № 11 на основании находок сердоликовых шарообразной и многогранных бусин (Лесман 1984: 140), вероятно, определяется XI в. Остальные исследованные погребения в этой группе можно датировать широко — XI–XII вв. Погребение не в могильных ямах, а на уровне древней дневной поверхности — это ранний хронологический признак для курганов Верхневолжья (Лесман 1981: 102), что позволяет отнести время совершения захоронений к XI — началу XII в.

Вторая группа, в которой И. А. Виноградов проводил раскопки, располагалась в 1,5 км выше по Волге от д. Кошево и насчитывала 6 насыпей. Здесь был раскопан один курган, под насыпью выявлено погребение в могильной яме глубиной 1 м, найдены только фрагменты керамики.

Третья группа располагалась в 2,5 км ниже по течению Волги от д. Кошево, до нашего времени она, вероятно, не сохранилась. Здесь И. А. Виноградов исследовал три насыпи. В двух из них погребения не были обнаружены. Третья содержала женское захоронение на глубине 0,7 м под зольно-угольной прослойкой (или в зольно-угольном слое). В районе черепа найдено ромбоцитковое височное кольцо и «серьга с пластинчатым ромбом» — вероятно, височное кольцо, сделанное из обломка ромбоциткового кольца.

В декабре 1944 г. в ГЭ поступил комплекс находок, представляющий собой набор женских украшений, происходящий, согласно учетной документации, из одного из курганов у деревни Выш-Городище. Комплекс как дар Д. Д. Муретова⁴ передала Л. Д. Муретова. Можно предположить, что артефакты происходят из одного из курганов, разрушенных устройством сооружений полевой фортификации во время войны или раскопанных неархеологами до войны или сразу после освобождения Тверской обл. Однако возможно, что это сохранившиеся находки из кургана, который был раскопан в последней четверти XIX в. помещиком А. А. Оппелем (Жукова, Степанова 2010: 31, 69).

Коллекция (ГЭ, ОАВЕС, коллекция № 714) включает височные кольца, шейную гривну, бусины и подвески к ожерелью (рис. 1) и круговой горшок, украшенный линейным орнаментом со сложным клеймом на дне (рис. 2).

Височные кольца диаметром около 10 см — двух типов: шесть браслетообразных, один из концов которых расплюсчен и закручен вокруг другого (рис. 1, 3–8)⁵, и одно со спиральным завитком наружу (рис. 1, 9).

Гривна (рис. 1, 1), витая из двух отрезков дрота круглого сечения, более толстого в средней части и утончающегося к краям; оба конца обломаны, скорее всего,

³ Датруется по находкам сердоликовых бипирамидальных бус (21–12 ярусы Неревского раскопа) (Лесман 1984: 140) и бронзового крестопорезного бубенчика (до 20-го яруса того же раскопа) (Лесман 1990: 60) 1096–1134 гг.

⁴ Возможно, известный публицист начала XX в., сотрудник литературно-политического журнала «Русская мысль», выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета.

⁵ Номера предметов на рис. 1 соответствуют номерам по коллекционной описи.

спаянные концы дрота представляли собой раскованные овальные щитки. Этот тип шейных обручей является наиболее распространенным на территории Древнерусского государства (Фехнер 1967: 70–71).

Ожерелье погребенной состояло из 29 золотостеклянных бусин, фрагментов не менее трех серебряных полых тисненых бусин с треугольниками зерни, вероятно, в ожерелье же находились и не менее трех серебряных полых шарообразных пуговиц (рис. 1, 2). Пуговицы, тисненные из тонкого серебряного листа, почти фольги, изготовлены из двух спаянных половинок, в верхней части имеют петельчатое продольнорифленое ушко, а в нижней — украшены пирамидкой-«гроздью» из четырех или пяти крупных (2–3 мм) серебряных шариков. На древнерусской территории такие находки весьма редки. Видимо, они связаны с кругом византийских древностей (Vikič 2010: 113–114, Sl. 87, 8)⁶.

Тисненные пуговицы с гроздью зерни не раз привлекали внимание исследователей (Рябцева 2006; Платонова 2017: 136–138; Соболев 2019: 301). Недавнюю сводку погребений, в которых найдены аналогичные артефакты, составленную Н. И. Платоновой (2017: 137–141), можно дополнить, кроме описываемого погребения, материалами из поселений и кладов⁷ и находками, происходящими из кладоискательских раскопок⁸. Вне древнерусской территории пуговица с «гроздью» из крупных шариков зерни была найдена в Laiuse Raabise (Восточная Эстония, к северу от Тарту) (Tallgren 1925: Abb. 176), аналогичные пуговицы депонированы в составе нескольких денежно-вещевых кладов Готланда (Stenberger 1947: Abb. 182, 1,

Рис. 2. Горшок из погребения, переданный в ГЭ Д. Д. Муретовым (коллекция ОАВЕС ГЭ, № 714), и прорисовка клейма

Fig. 2. Pot from the burial passed to the State Hermitage by D. D. Muretov (collection of the Department of Archaeology of East Europe and Siberia, State Hermitage, № 714) and a drawing of stamp

⁶ Благодарю коллегу Перичу Шпехара (Белград) за помощь и любезную консультацию.

⁷ Находка из раскопок Гнёздовских курганов В. И. Сизова, Гнёздовского городища 1940 г., в составе клада близ Белогостицкого монастыря 1836 г., клада 1837 г. из Ветшаного города во Владимире, клада 1906 г. из урочища Собачьи Горбы близ Новгорода и клада из этого же урочища начала 2000 гг. (возможно, это не отдельный клад, а часть клада 1906 г.). Стоит еще раз обратить внимание на схожие по форме и способу изготовления пуговицы, которые были найдены в составе Гнёздовских кладов 1993 г. и 2001 г., но у них «грозди» отсутствуют.

⁸ «Клад» из Любытинского р-на Новгородской обл., 2009 или 2010 г., и найденный на Украине клад ломаных серебряных украшений, выставленный на аукционе Violyty в 2015 г.

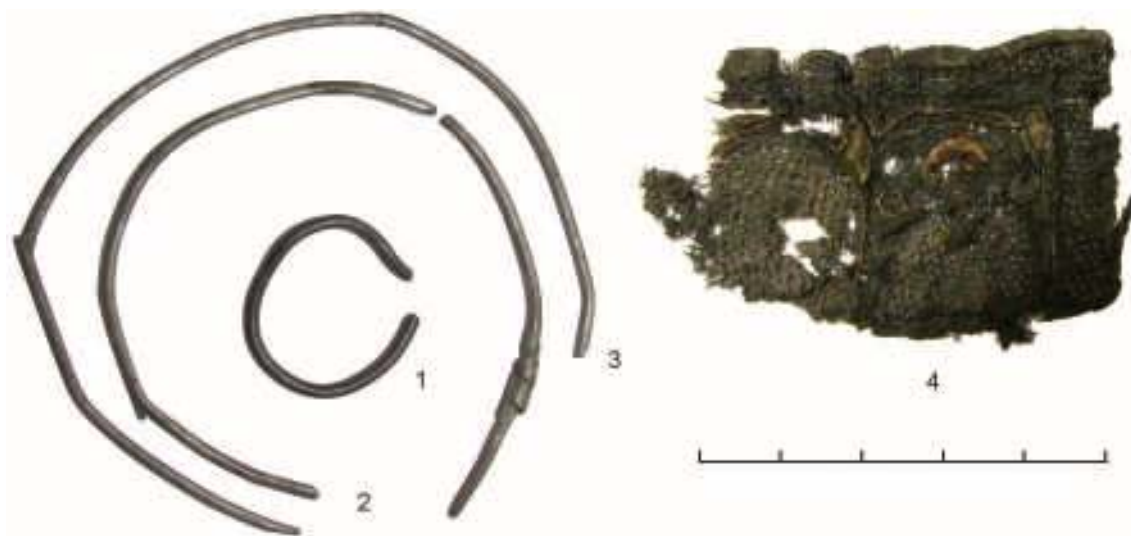

Рис. 3. Находки из могильника Волга, поступившие в Тверской ГУ в 2018 г.:
1–3 — височные кольца, серебро; 4 — фрагмент текстильного изделия, шелк, кожа

Fig. 3. Finds from the Volga cemetery received by Tver State University in 2018:
1–3 — temple rings, silver; 4 — fragment of a textile object, silk, leather

Abb. 190, 12; 1958: 99–101, 115–117). Реконструируемое Н. И. Платоновой использование этих изделий по своему «первоначальному» назначению — именно как пуговиц, застегивавших престижную, «элитарную» верхнюю женскую одежду, сходную с мужским кафтаном, — весьма интересно, однако требует пополнения источниковой базы и/или дополнительной аргументации. В документированных археологических исследованиях находки полых серебряных пуговиц с гроздевидным окончанием фиксировались в районе черепа, шеи, верхней части груди погребенной. Полевая и отчетная документация скорее свидетельствует об использовании рассматриваемых артефактов как деталей ожерелья, декоративных подвесок к нему, как это случалось с поясными накладками круга кочевнических древностей⁹.

Украшенный линейным орнаментом круговой горшок, вероятно, стоявший в ногах погребения, примечателен сложным клеймом, включавшим изображение ключа, разделенного на квадратные ячейки прямоугольника и двух небольших треугольников, соединенных линиями (рис. 2).

Несмотря на небольшое число хронологически значимых типов, данный комплекс может быть синхронизирован с 23–20 ярусами Неревского раскопа и датирован достаточно узко — 1055–1116 гг.¹⁰

В 1956 г. преподавателем Калининского педагогического института В. С. Тарасенко один из курганов у д. Кошево был исследован колодцем, в котором обнаружено

⁹ Например, курганная группа Которск III, кург. 16 (Михайлова, Соболев 2017: рис. 3, 15) или Гнѣздово, кург. Ц-198.

¹⁰ Проволочные браслетообразные височные кольца, завязанные из одной или двух проволок (до 20-го яруса Неревского раскопа Новгорода / до 1116 г.) (Лесман 1990: 69–70), бусы золотостеклянные с каймой (26–18 ярусы того же раскопа / 989–1161 гг.) (Лесман 1984: 139), бусы ложнозолотостеклянные с каймой (23–12 ярусы / 1055–1281 гг.) (Там же: 139).

большое количество угля (Тарасенко 1956). К сожалению, в послевоенные годы провинциальными археологами практиковались раскопки курганных насыпей по устаревшей методике.

В 1977 г. разведочный отряд Верхневолжской археологической экспедиции обнаружил при раскопках стоянки Кошево 2 два грунтовых погребения (Крайнов 1977). По-видимому, курганные насыпи над ними не сохранились. Одно из них женское, с западной ориентировкой, сопровождалось двумя височными кольцами среднего диаметра у черепа, железной пряжкой и свинцовой пронизкой (игольником?) в области пояса.

В 2018 г. в Археологический музей Тверского ГУ поступили предметы, обнаруженные в курганном могильнике Волга местным жителем¹¹ в 1997 г. Все они происходят из одного погребения. Это три фрагмента проволочных браслетообразных височных колец, перстнеобразное височное кольцо и фрагмент текстильного изделия из шелка и кожи. В этом же погребении находились три бронзовые пуговицы грибовидной формы с овальным ушком, однако они не сохранились.

Браслетообразные височные кольца (обломки относятся не менее чем к 2 экз.) изготовлены из проволоки белого металла толщиной 1,5 мм, имеют диаметр от 5 до 8 см (рис. 3, 2, 3), конец одного из колец был завязан. По размерам и оформлению они аналогичны серии височных колец из могильника Избрижье, находящегося в 8 км ниже по течению Волги. Перстнеобразное височное кольцо диаметром 1,5 см также изготовлено из проволоки белого металла, его обрубленные концы несомкнуты (рис. 3, 1). Сочетание браслетообразных и перстнеобразных височных колец встречается в погребальном уборе соседнего Избрижского могильника и расположенных восточнее погребальных памятников микрорегиона в устье р. Шоша (Степанова 2009: 56).

Находки текстиля из могильника Волга

Находки деталей убора и/или одежды, изготовленных из органических материалов, в древнерусских погребениях довольно редки и требуют подробного анализа. Общий размер сохранившегося фрагмента текстиля из могильника Волга (рис. 3, 4): высота — 3,6 см, ширина — 6,3 см. Фрагмент имеет прямоугольную форму и состоит из двух слоев: лицевого (ткань с вышивкой) и изнаночного (кожаная подложка). Размеры шелковой ткани: высота — 3,6 см, ширина — 6,3 см; размеры кожаной полосы: высота — 2,6 см, ширина — 2,5 см.

Тканая полоса вырезана вдоль нитей основы и имеет подгибы по трем сторонам: одной короткой и двум длинным. Подгибы составляют 0,2–0,5 см.

Фрагмент кожи прямоугольной формы, две стороны имеют четкие срезы, а две другие борваны. На коже фиксируются следы проколов от иглы с шагом примерно 0,5 см, скорее всего, от шва, соединявшего кожу и ткань.

От вышивки сохранились две арки высотой 2,9 см и шириной 2,2 см. В одной из них изображена поясная фигура человека, во второй — круг. Рисунок имеет четко выраженные направления верх–низ. На голове изображения человека сохранились светло-желтые волосы (?), глаза и рот. Его одежда была перекрыта золотными

¹¹ Приносим свою благодарность студенту исторического факультета Тверского ГУ В. В. Стойка за помощь в получении материалов.

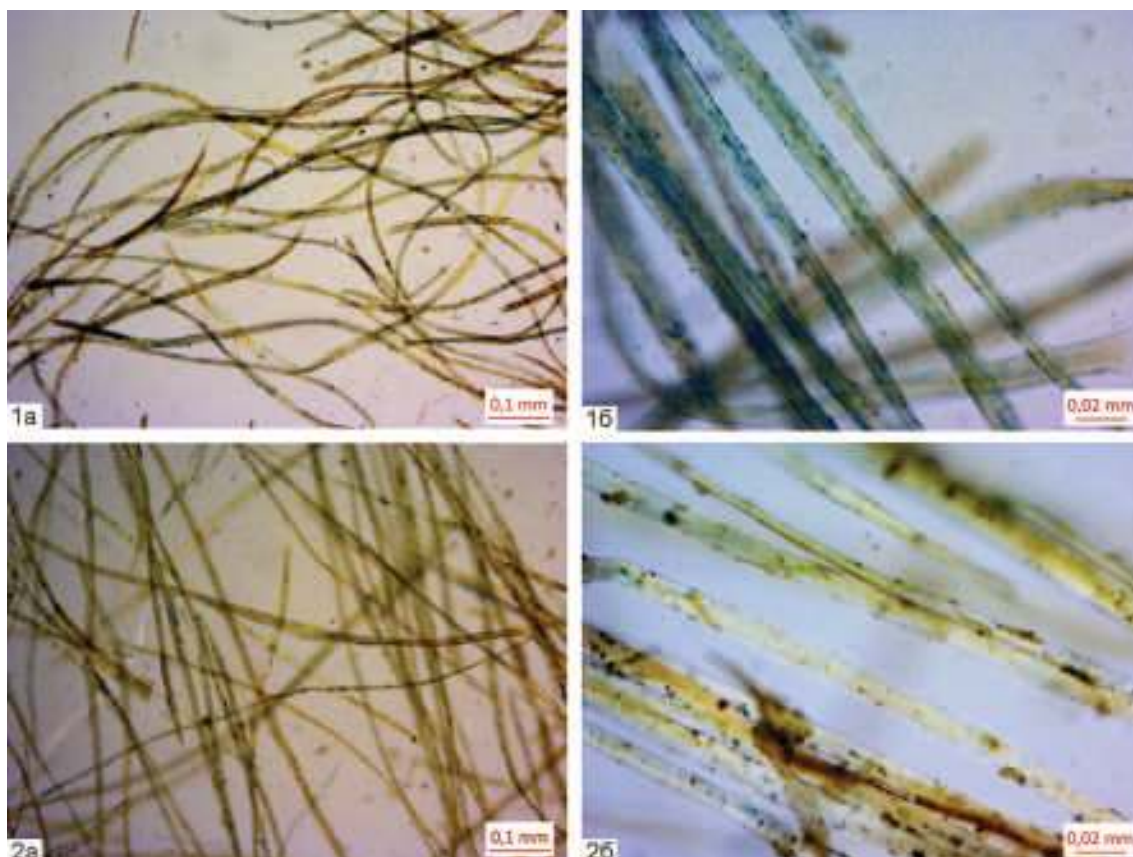

Рис. 4. Текстильное изделие, поступившее в Тверской ГУ в 2018 г., микрофотография нитей: 1а, 1б — нити основной ткани; 2а, 2б — нити вышивки (а, б — увеличение разное)

Fig. 4. Textile object received by Tver State University in 2018, microphotograph of threads: 1а, 1б — threads of the main cloth; 2а, 2б — embroidery threads (а, б — varied magnification)

нитями. Над плечами тонким швом вышиты небольшие круги. Этим же швом выполнены и арки. Еще один небольшой круг сохранился в нижней части второй арки, где центральное место занимает полностью перекрытый золотом круг. В верхней части фрагмента проходит пояс геометрических фигур, средний размер которых составляет $0,4 \times 0,4$ см. Слева направо — прямоугольник, затем пятиугольник с вершиной, направленной вниз, следом пятиугольник с вершиной, направленной вверх, и опять прямоугольник. Фигуры по расположению на полотне не связаны с арками, то есть если крайний справа прямоугольник расположен почти точно над центром арки с фигурой человека, то центральная ось следующей арки проходит между прямоугольником и пятиугольником. Полоса геометрических фигур подчеркнута четырьмя золотыми нитями.

На просвет видно, что вышивка была более сложной, так как на ткани имеются многочисленные отверстия, вероятно, от иглы, оставленные неопределенным швом, выполненным полностью утраченной в настоящее время нитью. Можно выделить три типа проколов:¹² условно одиночные, двойные и расположенные

¹² Под проколом мы понимаем небольшое отверстие в ткани, образованное острым предметом, чаще всего иглой, которая, проходя через ткань, раздвинула нити, но не порвала их.

по одной линии. Отдельные проколы зафиксированы по столбам арок. Двойные фиксируются на груди фигуры и по ее контуру. В нижней части фигуры на лицевой стороне заметен след от очень плотного шва, где проколы расположены в одну линию. Возможно, это двойные проколы, развернутые в одном направлении. Во второй арке золотой круг также обведен парными проколами, а по верхнему краю фрагмента, выше и ниже полосы из четырех золотных нитей проходят линии одиночных проколов. Отдельные проколы верхнего ряда заходят на полосу из золотных нитей и, вероятнее всего, были ими закрыты. Учитывая сохранность объекта и его легкую деформацию, эти проколы нельзя интерпретировать однозначно.

При визуальном и микроскопическом исследовании объекта в верхней его части хорошо видно, что геометрические фигуры сначала были вышиты на ткани, а затем ткань была подвернута, причем часть фигур ушла на изнаночную сторону. На изнаночной стороне фрагмента в нижней части сохранились остатки кожи, а на фрагменте кожи именно с этой стороны зафиксирован обрыв.

Основной тканью данного изделия является шелковая саржа 2 : 1, зеленого¹³ цвета. На микрофотографиях хорошо видно, что плотность ткани внутри геометрических фигур существенно выше, чем плотность ткани на соседних участках (рис. 4, 1а, 1б).

Нити основы — шелк зеленого цвета со средней Z круткой толщиной 0,10–0,25 мм. Нити утка — шелк зеленого цвета без крутки толщиной 0,20–0,30 мм. Плотность ткани неравномерная, средняя — 40–42 нити основы на 28–36 нитей утка на 1 см. Почти на всей поверхности нити сдвинуты и растянуты вышивкой. В геометрических фигурах по верхнему краю плотность утка составляет 44 нити (пересчет на 1 см), а на соседнем участке, расположенном между двух фигур, она составляет 28 нитей (пересчет на 1 см). Можно предположить, что первоначальная плотность ткани была около 40 нитей основы и 30 нитей утка на 1 см.

Для вышивки использовали шелковые и, вероятно, золотные нити. Шелковые нити представлены тремя видами. Золотные нити (?), которые в настоящее время полностью утрачены, крепились швом «в прикреп». На лицевой стороне ткани хорошо видны небольшие (0,5–0,8 мм) стежки, которые шли поперек золотной нити. Шаг крепления неравномерный (от 0,5 до 2,0 мм), расстояние между золотными нитями различное (от 0,5 до 1,0 мм). Система крепления — простая сетка или крепление в шахматном порядке — не везде выдерживалась. На изнаночной стороне нити прикрепа делают достаточно длинные пробросы.

Нить прикрепа — шелковая бежевая нить II порядка (S, 2z), общая толщина нити 0,5 мм. Нити, которые использовались для изображения арок (рис. 4, 2а, 2б), небольших кругов над плечами и геометрических фигур по верхнему краю фрагмента, имеют более темный цвет. Эти части вышиты стебельчатым швом. На отдельных участках шов можно назвать «в раскол», так как игла проходит сквозь нить, но в основном все же проколы расположены рядом. Длина стежков неравномерная (2,5–4,0 мм), линии лишены плавности.

Шелковые нити стебельчатого шва имеют второй порядок крутки (S, 2z) и толщину 0,5 мм. Можно предположить, что они имели красный цвет.

Нити, не имеющие крутки, использовались для вышивки ромбов в пиках, завершающих арки, волос (?), глаз и рта фигуры. Глаза и рот выполнены одним или

¹³ Микроскопические исследования.

двумя параллельными стежками, а для создания объема на голове применена одно-сторонняя гладь. Эти нити, толщиной 0,3–0,8 мм, вероятно, были желтого или бежево-золотистого цвета.

Также на ткани фиксируются следы от швов, нити которых в данный момент полностью отсутствуют. По хорошей сохранности шелка можно предположить, что полностью утраченные нити были не шелковыми, а шерстяными или нитями из растительных волокон.

Завершение столба в арке выполнено в форме ромба, контур которого вышит стебельчатым швом, а внутреннее пространство заполнено шелковыми нитями без крутки.

Результаты визуального исследования позволяют предположить, что вышивка была выполнена на прямоугольном куске ткани, который затем подогнули и прикрепили по периметру на кожаную полосу, ширина которой совпадала с шириной подогнутой ткани. Все три стороны закрыты, и, следовательно, данное изделие не могло быть пришито по своей длинной стороне к чему бы то ни было. Это самостоятельное, завершённое изделие. К таким изделиям могли относиться воротники на жесткой основе, которые не пришивались на одежду, а носились самостоятельно, как ожерелье (Сабурова 1976: 229). Также данное изделие могло являться налобной повязкой (венчиком). Вариант, что шелк был нашит на некий кожаный головной убор, отпадает, так как оборванный край кожи соответствует нижнему краю шелковой полосы, а верхний край кожи имеет четкий срез.

Микроскопические исследования остатков швов позволяют выдвинуть ряд предположений. Линии из одиночных проколов могли быть оставлены швом «вперед иголку». Если этим швом пройти два раза, то есть вперед-назад, используя уже сделанные ранее проколы, то остается ряд достаточно больших отверстий, расположенных по прямой линии. Нельзя исключить и другие варианты. Двойные проколы оставляют швы «назад иголкой» (стебельчатый и шов «в раскол»), а также шов прикрепа. Одиночные проколы могли быть случайными или остатками шва с достаточно большим шагом. Бесспорно, часть «проколов» могла быть образована корешками растений, а часть «закрыться» от времени.

Разная сохранность нитей может быть объяснена их природой: растительные (например, лен) или шерсть — не сохранились, а шелковые — сохранились. Случаи использования шелка и шерсти одновременно в одной вышивке нам пока не встречались. Льняные же нити применялись в ткачестве шелковых лент наравне с шелком и золотными нитями (Кочкуркина, Орфинская 2014: 45–46, 117). Можно предположить, что льняные (или иные растительные) нити в вышивке могли использовать для создания узора белого цвета.

Техника вышивка «в прикреп», когда золотные нити ровно лежат на поверхности ткани, отмечается на многих экземплярах древнерусской вышивки, в том числе из Иворовского могильника (Комаров, Ёлкина 1976: 235). Стебельчатый шов в основном являлся контурным (Энговатова и др. 2005). Качество исполнения исследованной вышивки не позволяет отнести ее к идеально выполненным работам. Окраска шелковой ткани также не отличается высоким качеством. Микроскопическое исследование шелковых волокон в проходящем поляризационном свете показало, что синий краситель индиго расположен неравномерными группами на поверхности волокон, что, скорее всего, указывает на окраску не самих волокон, а нитей или целого куска ткани.

Структура ткани и качество ее окраски очень схожи с характеристиками ткани воротничка-ожерелки из Приладожских курганов (Кочкуркина, Орфинская 2014: 57, 102), где было высказано предположение о центрально-азиатском импорте ткани.

Геометрические фигуры в полосе по верхнему краю могли имитировать драгоценные камни. Очень осторожно можно предположить, что внутри этих фигур были укреплены некие вставки, например, из тонкого стекла или слюды. Именно наличие непластичного материала обеспечило бы сохранность ткани, помогло бы сохранить ее изначальную плотность, то есть препятствовало бы ее растяжению. Разница в плотности нитей утка внутри фигур и с внешней их стороны указывает также на то, что данное изделие долго использовали и достаточно сильно растягивали. Таким образом, в данном случае погребение было совершено, вероятнее всего, в прижизненном костюме. Если разность в плотности ткани объяснять наличием вставок, то получается, что их убрали до того, как подогнули края для укрепления шелка на кожаную подложку.

Элементы орнаментальной композиции вышивки имеют аналогии на предметах декоративно-прикладного искусства и в архитектурном орнаменте Древней Руси. Арочные фризы мы встречаем во владими́ро-суздальской и старорязанской архитектуре (Вагнер 1997: 192). Арочные композиции присутствуют в декоре браслетов-наручей из кладов — Тверского (1906 г.), Старорязанского (1966 г.), Серенского (реконструкция по литейной форме) и др. (Жилина 2014: 91–95, рис. 65–69).

Находки древнерусской вышивки с арочной композицией и человеческими фигурами происходят из монастырских и сельских некрополей. Арочная деисусная композиция присутствует на поручах из Новгородского государственного музея-заповедника (Игнашина 2003: 25). Хронология поручей определяется как первая четверть XIII в., а воспроизведенный на них мотив аркады по типу и характеру художественного исполнения близок византийской схеме (Пуцко 2005: 52–53).

Композиции с изображениями древа в арочках вышиты на очелье из могильника Каргашино 2 (Звездочка), на воротниках из Деревяницкого могильника и из Смоленска (Сабурова 1997: 98, 100, табл. 66, 13, 67, 6; Катасонова 2008). Композиция «олени в арках» реконструирована на ленте XII в. из Старой Руссы (Орфинская и др. 2017), а «птицы в арках» встречены на вышивке из Приладожских курганов, датированных концом X — началом XI в. (Кургино 2) и XII в. (Кяргино-Круглицы-5) (Кочкуркина, Орфинская 2014: 21, 60–62, 116).

Вышитое изделие с композицией из арок происходит из Иворовского могильника (Иворовское 2), расположенного в 26 км выше по течению р. Волги от могильника Волга (Комаров, Ёлкина 1976). «Очелье» из Иворовского могильника было найдено в подкурганном женском погребении, на лобных костях черепа. Вышитая композиция «очелья» состоит из 15 арочек, в которые помещены поясные изображения святых. находка датирована XII в. Вышитая фигура, помещенная в арку, на фрагменте из могильника Волга аналогична фигурам «очелья» из Иворовского, однако это может быть и просто изображение женской фигуры. Изображения похожих «девичьих головок» в «кокошниках» вышиты на воротнике XII в., найденном в могильнике Коханы (Смоленская обл.) (Фехнер 1993: 9, рис. 3, 7).

Круг, расположенный во второй арке, также имеет аналогии в вышивке: композиции с кругами происходят из Суздальского некрополя, могильников Караш, Маклаково, Асеево, Коханы (Там же: 7–10).

Круг в вышивке из могильника Волга был полностью заполнен стежками золотными нитями. Маленькие кружки над плечами фигуры, скорее всего, не относятся к аркам, так как не имеют зеркального отражения на другой стороне столба. Вероятно, они связаны с фигурами или являются самостоятельными элементами. В пользу последнего можно рассматривать наличие аналогичного круга в нижней части второй арки. Может быть, как и верхние геометрические фигуры, эти кружки заполнялись имитациями «драгоценных камней» — кусочками слюды или стекла. Аналогии использования такого декора одежды происходят из погребения Оль-30 (вторая половина X в.) Гнёздовского погребального комплекса. Здесь обнаружены миниатюрные разноцветные стеклянные пластины (около 100 экземпляров) квадратной, прямоугольной и листовидной формы, вырезанные из обломков сосудов и оконного стекла (Ениосова, Пушкина 2012: 60). Судя по компактному расположению пластин в погребальной камере, они украшали несохранившееся изделие из органики, сложенное в несколько слоев. Накладки, вероятно, нашивались на текстиль с помощью шелковых или золотных нитей, обрывки которых также зафиксированы в этом погребении. Размер пластин — около 1 см. Размер декоративных пластин, которые могли использовать в декоре изделия из могильника Волга, несколько меньше — около 0,5 см. Предположение о наличии декора из кусочков слюды или стекла на изделии из могильника Волга не противоречит и данным о более поздней, широко распространенной традиции украшения головных уборов и воротников блестками и стеклярусом. Образец вышивки из могильника Волга имеет аналогии в приемах изготовления в орнаментальной композиции среди вышитых изделий XII — начала XIII в.

Заключение

С учетом хронологии находок погребения по обряду ингумации могильника Волга можно датировать концом XI — XII в. Вероятное наличие кремаций в могильнике позволяет отнести начало его функционирования к концу X — началу XI в. (Степанова 2010: 290–296).

Женский убор из могильника Волга схож с убором из ближайших памятников Верхневолжья, прежде всего могильника Избрижье (Степанова 2009: 54). Находка пуговиц с гроздевидным окончанием и использование вышитых деталей, являющихся престижными элементами костюма, свидетельствуют об относительной зажиточности местного населения. Декор шелкового вышитого изделия сближает его с памятниками как Новгородской, так и Северо-Восточной Руси. Напомним, что по размерам могильник Волга является, как и могильник Избрижье, одним из крупнейших на рассматриваемом участке бассейна Верхней Волги. Население, оставившее оба этих памятника, вероятно, было связано с функционированием части сухопутного средневекового (возможно, и более раннего) селигерского пути. Сведения о наличии в этом районе переправ через Волгу сохранились в средневековых письменных источниках. Так, в XVI в. в рассматриваемом микрорегионе находился погост «Семена Святого на броду» (Писцовые материалы... 2005: 40). По мнению П. Д. Малыгина и С. В. Богданова, проходившая здесь сухопутная дорога пересекала Волгу и ее приток Шошу и связывала Новгород, Торжок и Волоч Ламский в XI–XIII вв. (Малыгин 1994: 122; Богданов 2006). П. Д. Малыгин обратил внимание также на расположение у пос. Волга в районе реконструируемой

им трассы прохождения пути, кроме древнерусских курганных групп, памятников предшествующей эпохи — сопковидных насыпей. Скопления сопков, выделенные исследователем, Тверецкое и Волжско-Шошинское, соответствуют Новоторжско-Волоцким территориям XII в. (Малыгин 1994: 122). Палеоантропологические материалы из раскопок соседнего могильника Избрижье свидетельствуют о близости местного населения как верхневолжским сериям, так и популяциям Новгородской земли (Степанова и др. 2009).

Литература и источники

- АКР 2003. — Археологическая карта России: Тверская область / Кашкин А. В. (ред.). М.: ИА РАН, 2003. Ч. 1. 258 с.
- Богданов 2006 — *Богданов С. В.* Новгородская дорога на участке Волок (Ламский) — Торжок // ННЗИА. 2006. Вып. 20. С. 211–214.
- Вагнер 1997 — *Вагнер Г. К.* Архитектурный декор Руси X–XIII веков // Колчин Б. А., Макарова Т. И. (отв. ред.). Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 186–204.
- Виноградов 1924 — [Виноградов И. А.]. О раскопках И. А. Виноградова в Тверском уезде // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1924. Д. 149.
- Ениосова, Пушкина 2012 — *Ениосова Н. В., Пушкина Т. А.* Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сердюк Е. М., Фарбей А. М. (ред.). Материалы V Судацкой МНК «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 23–24 сентября 2010 г.). Киев; Судак: ТОВ «Горобец», 2012. С. 34–85 (Сугдейский сборник. Вып. 5).
- Жилина 2014 — *Жилина Н. В.* Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: Либроком, 2014. 400 с.
- Жукова, Степанова 2010 — *Жукова Е. Н., Степанова Ю. В.* Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения: Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010. 351 с.
- Журнал... — Журнал 108 заседания Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, б/г, б/и. 30 с.
- Игнашина 2003 — *Игнашина Е. В.* Древнерусское лицевое и орнаментальное шитье в собрании Новгородского музея: Каталог. Великий Новгород: Моби Дик, 2003. 128 с.
- Катасонова 2008 — *Катасонова Е. Ю.* Золотное шитье домонгольской Руси // Убрус. СПб., 2008. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strangelove.net/~kieser/Russia/Garb/katasonova.pdf> (дата обращения: 02.09.2016).
- Комаров, Ёлкина 1976 — *Комаров К. И., Ёлкина А. К.* Курганный могильник в окрестностях г. Старицы // Кольцов Л. В., Зимина М. П., Гадзяцкая О. С. (отв. ред.). Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 226–238.
- Кочкуркина, Орфинская 2014 — *Кочкуркина С. И., Орфинская О. В.* Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2014. 140 с., 66 ил., 8 табл.
- Крайнов 1977 — *Крайнов Д. А.* Отчет о работах Верхневолжской археологической экспедиции за 1977 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 6618, А, Б.
- Лесман 1981 — *Лесман Ю. М.* К методике разработки хронологии древнерусских памятников // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 98–103.

- Лесман 1984 — *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгорода (проблемы синхронизации) // Лебедев Г. С. (ред.). Археологические исследования Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.
- Лесман 1990 — *Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XV вв.) // Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.: Новгородский государственный музей-заповедник, 1990. С. 29–98.
- Малыгин 1994 — *Малыгин П. Д.* Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Черных И. Н. (отв. ред.). Тверской археологический сборник. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1994. Вып. 1. С. 116–128.
- Михайлова, Соболев 2017 — *Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.* Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста) // Платонова Н. И. (отв. ред.). *Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 148–158.
- Орфинская и др. 2017 — *Орфинская О. В., Чуткина С. С., Титова Л. А.* Исследования домонгольской вышивки из археологических раскопок 1966–1974 годов в городе Старая Русса Новгородской области // *Genesis: исторические исследования.* 2017. № 5. С. 127–143. DOI: 10.7256/2409-868X.2017.5.20642. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_20642.html.
- Писцовые материалы... 2005 — Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Антонов А. В. (сост.). Тула: Гриф и К°, 2005. 758 с.
- Платонова 2017 — *Платонова Н. И.* К вопросу об интерпретации «богатых погребений» на древнерусских могильниках второй половины XI — начала XII в. // Платонова Н. И. (отв. ред.). *Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 124–141.
- Плетнёв 1903 — *Плетнёв В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь: Тип. Губернского Правления, 1903. 519 с.
- Пуцко 2005 — *Пуцко В. Г.* Хутынские произведения-реликвии первой четверти XIII в. // Янин В. Л. (отв. ред.) Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Вып. 10 (20). С. 45–53.
- Рябцева 2006 — *Рябцева С. С.* О «гроздевидных» украшениях // Пескова А. А., Щеглова О. А., Мусин А. Е. (ред.-сост.). Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: ММНК, посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 273–285.
- Сабурова 1976 — *Сабурова М. А.* Стоячие воротники и «ожерелки» в древнерусской одежде // Вагнер Г. К., Лихачёв Д. С., Раппопорт П. А. (ред.). Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 226–230.
- Сабурова 1997 — *Сабурова М. А.* Древнерусский костюм // Колчин Б. А., Макарова Т. И. (отв. ред.). Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 93–109.
- Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Соболев 2019 — *Соболев В. Ю.* Два комплекса древнерусского времени из фондов Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа // ННЗИА: Материалы XXXII науч. конф., посвящ. памяти Н. Н. Гринёва. 2019. Вып. 32. С. 298–304.
- Степанова 2009 — *Степанова Ю. В.* Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Изд-во Тверского ГУ, 2009. 364 с.
- Степанова 2010 — *Степанова Ю. В.* Хронология погребальных комплексов Верхневолжья // КСИА. 2010. № 224. С. 285–296.

- Степанова и др. 2009 — Степанова Ю. В., Пежемский Д. В., Жукова Е. Н. Древнерусское население Верхневолжья: погребальный обряд и палеоантропология (по материалам Избрижского могильника) // Вестник Тверского ГУ. Серия: История. 2009. Вып. 1. С. 90–107.
- Тарасенко 1956 — Тарасенко В. С. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Волги от г. Калинина до г. Старицы в 1956 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 1232.
- Тверской музей... 1911 — Тверской музей и его приобретения в 1910 г. / Колосов В. (сост.). Тверь: Губернская тип., 1911. 55 с.
- Фехнер 1967 — Фехнер М. В. Шейные гривны // Рыбаков Б. А. (ред.). Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1967. С. 55–87 (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- Фехнер 1993 — Фехнер М. В. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея // Недошивина Н. Г. (отв. ред.). Средневековые древности Восточной Европы. М.: ГИМ, 1993. С. 3–21 (Тр. ГИМ. Вып. 82).
- Энговатова и др. 2005 — Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П. Исследования золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля // Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 176–195.
- Bikić 2010 — Bikić Vesna. Vizantijski nakit u Srbiji. Modeli I nasleđe. Beograd: Arheološki institute (Alta nova), 2010. 207 str.
- Stenberger 1947 — Stenberger M. Die Schatzfundes Gotlands der Wikingerzeit. II Fundbesreibung und Tafeln. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1947. 260 s.
- Stenberger 1958 — Stenberger M. Die Schatzfundes Gotlands der Wikingerzeit. I. Text. Stockholm (Uppsala 1958). II. Fundbesreibung und Tafeln. Lund, 1947. 383 s.
- Tallgren 1925 — Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis. II. Von 500 bis etwa 1250 n. chr. Dorpat: C. Mattiesen, 1925. 204 s.

BARROW CEMETERIES NEAR THE KOSHEVO VILLAGE AND THE VOLGA TOWNSHIP (TVER OBLAST): EXCAVATED MATERIALS AND HISTORY OF RESEARCH

YU. V. STEPANOVA, O. V. ORPHINSKAYA, V. YU. SOBOLEV

Keywords: *Medieval archaeology, inhumation, Upper Volga, history of archaeological studies.*

The paper deals with newly discovered materials from the excavations of Old Russian barrows of the Upper Volga region carried out in the second half of the XIX–XX cc. These materials complement and elaborate our knowledge about the chronology of the sites and the character of material culture of the region situated in the center of the Upper Volga basin between the present day towns of Staritsa and Tver.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

«СЫН АНТИЧНОЙ МУДРОСТИ...»¹ (В. К. МАЛЬМБЕРГ)²

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ³

Ключевые слова: В. К. Мальмберг, классические древности Юга России, Дерптский (Юрьевский) университет, Императорская археологическая комиссия, Русское археологическое общество, Музей изящных искусств, Российская академия истории материальной культуры, научная биография.

В статье на основе опубликованных и архивных материалов воссоздается научная биография одного из основателей Российской академии истории материальной культуры Владимира Константиновича Мальмберга (1860–1921) — выдающегося отечественного исследователя в области древнегреческого искусства и античной археологии. Выпускник Казанского университета (1884), впоследствии он стал членом-корреспондентом Императорской археологической комиссии (1895), действительным членом Русского археологического общества (1897) и Российской академии истории материальной культуры (1919), директором Музея изящных искусств им. императора Александра III (1913–1921). Основное направление его научной работы было связано с изучением древнегреческой декоративной скульптуры, вазовой живописи и предметов художественного ремесла.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-140-152

Владимир Константинович Мальмберг (01.12.1860–25.10.1921) — выдающийся отечественный исследователь в области древнегреческого искусства и античной археологии, один из основателей Российской академии истории материальной культуры, столетие которой отмечается в этом году, принадлежал к тому поколению интеллигенции, которое сформировалось в условиях пореформенной России. Свою шведскую фамилию, в переводе означающую «рудная гора», он унаследовал от предков, к началу XVIII в. осевших в Эстляндии и затем ставших подданными Российской империи. Занимались они, прежде всего, литейным делом, в частности изготовлением колоколов. Почти двести лет, до Второй мировой войны, напоминаям об этом служил колокол главной кирхи Ревеля (Таллина), на котором красовалась надпись «fecit Malmberg 17...» (Мальмберг 2014: 77). Отец Владимира Константиновича, купец лютеранского вероисповедания Константин Эдуард

¹ Так назвал В. К. Мальмберга его ученик, историк и искусствовед А. Г. Габричевский (1891–1968) (Габричевский 2002: 722).

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40116.

³ Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Мальмберг, отчасти продолжил семейную традицию. Ему принадлежало медно-добывающее производство в Пензе и сигарная фабрика в центре Москвы. Здесь и появился на свет будущий археолог и искусствовед. В пять лет он потерял отца, скоропостижно скончавшегося от тифа. Тем не менее мать, Ида Мальмберг (урожденная Вельш), оставшись с тремя детьми на руках, сделала все, чтобы мальчик получил хорошее образование в гимназии святых Петра и Павла. Завершал он его уже в Казани, куда вся семья переехала в 1873 г. Судя по сохранившимся карандашным рисункам, к тому времени у него уже проявились определенные художественные наклонности, в частности незаурядные способности к рисованию (Там же: 78).

На дальнейший выбор жизненного пути юного Владимира огромное влияние оказал профессор Императорского Казанского университета, известный этнограф и археолог В. В. Радлов (1837–1918). Он смог привить ему любовь к истории и познакомил с азами научного подхода к археологическим материалам. Кстати, именно в доме В. В. Радлова шестнадцатилетний гимназист познакомился со своей будущей женой, Софией (1862–1935)⁴, из почтенного семейства статского советника доктора Оттона Карловича Думберга (Там же: 78).

В 1884 г. Владимир Константинович окончил историко-филологический факультет Казанского университета по классическому отделению, где был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории и теории изящных искусств (Тункина 2017: 418). Правда, в Казани В. К. Мальмберг не остался, поскольку получил прикомандирование к Императорскому Санкт-Петербургскому университету для занятий под руководством таких профессоров, как историк искусства и археолог А. В. Прахов (1846–1916), филологи-классики И. В. Помяловский (1845–1906) и П. В. Никитин (1849–1916). Во время рождественских каникул 1885 г. начинающий ученый приехал в Дерпт, где жила его невеста София, а заодно решил посетить музей при Дерптском университете, которым заведовал тогда известный исследователь классических древностей профессор Георг Лёшке (1852–1915). Вероятно, именно от него В. К. Мальмберг получил рекомендации для дальнейшего пополнения объема знаний в области античного искусства и археологии. Летом 1886 г. он отправился в Берлин, где слушал лекции знаменитых профессоров Э. Курциуса (1814–1896), К. Роберта (1850–1922) и А. Фуртвенглера (1853–1907), сокурсника Г. Лёшке по учебе в Лейпциге. Так созрело решение о переводе В. К. Мальмберга в Дерптский университет, для чего была и уже упоминавшаяся причина личного характера.

Весной 1887 г. В. К. Мальмберг сдал экзамен на степень магистра истории и теории искусств и после двух пробных лекций получил звание приват-доцента. С 1 февраля 1888 г. он начал преподавать на кафедре истории и теории изящных искусств при Казанском университете (рис. 1). Здесь он читал общие курсы по истории древнего искусства и частные о вазовой живописи и раскопках

⁴ Ее двоюродный брат, Карл Евгеньевич Думберг (1862–1931), окончивший в 1888 г. историко-филологический факультет Дерптского университета, впоследствии стал директором Керченского музея древностей (1891–1901), действительным членом Императорского Одесского общества истории и древностей (1894), Таврической ученой архивной комиссии (1899), членом-корреспондентом Русского археологического общества (1900).

Рис. 1. В. К. Мальмберг, 1888 г.

Fig. 1. V. K. Malmberg, 1888

в Помпеях (ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 3). Его научная деятельность в новом качестве ознаменовалась публикацией первых серьезных работ. Прежде всего стоит упомянуть вышедшую в «Записках Русского археологического общества» статью «О некоторых приемах гончаров-живописцев» (Мальмберг 1890а), где он доказал, что древнегреческие вазописцы, внося небольшие изменения в известные образцы, переносили один сюжет в другой. В том же году в «Ученых записках Казанского университета» появляется статья «К вопросу о древнегреческом вооружении: щиты с ковриками» (Мальмберг 1890б), которая обозначила интерес молодого ученого к изучению античного военного дела.

Теперь Владимир Мальмберг считал, что имеет полное основание для подачи на имя ректора прошения о разрешении вступления в брак с Софией Думберг, и для него началась долгая, гармоничная во всех отношениях семейная жизнь, окрашенная новыми заботами. Ведь спустя несколько лет на его попечении, помимо жены, матери и тети, оказались и двое малолетних детей: Хедвиг-Адриана и Адриан-Георг-Густав-Альфонс.

В конце 1889 г., после перехода профессора Г. Лёшке в Фрайбургский университет, освободилась должность экстраординарного профессора классической филологии и археологии в Дерптском университете. Министерство народного просвещения предложило В. К. Мальмбергу занять ее, и он согласился, но с оговоркой, что по своей специальности может принять на себя лишь чтение лекций по истории античного искусства, древностей частного быта и культа, а также изучение со студентами текстов древних авторов, имеющих непосредственное отношение к этим дисциплинам. Только с 10 мая 1890 г., несмотря на сложности переезда с больными детьми, он приступил к исполнению своих новых обязанностей. Прежде всего, он читал обязательный для студентов классического отделения курс истории греческого и римского искусства. Его спецкурсы были посвящены мифологии и частным древностям античного периода, а практические занятия — различным отраслям археологии, в том числе результатам исследования античных памятников на Юге России. Краткий обзор важнейших археологических открытий в Греции и Малой Азии он опубликовал позднее в университетских «Записках» (Мальмберг 1896).

Из древних авторов В. К. Мальмберг разбирал со студентами тексты Павсания, Витрувия, Плиния и Лукиана. Периодически для желающих со всех факультетов проводились бесплатные экскурсии по экспозиции гипсовых слепков университетского Музея классических древностей, директором которого молодой профессор стал в 1890 г. Его усилиями эта коллекция постепенно пополнялась. Правда, на выделявшиеся музею суммы из-за границы удалось выписать всего четыре слепка, зато из Императорской Академии художеств поступили 28 гипсовых групп, отдельных статуй и бюстов. При этом требовалось заплатить только за их доставку (Библиографический словарь... 1903: 481–482). Много внимания на протяжении 17 лет директор музея уделял изучению и научной обработке музейных фондов, публикации хранившихся там материалов.

Огорчало одно: дети продолжали болеть и вскоре скончались один за другим. В день смерти внука, не выдержав переживаний, умерла и бабушка, Ида Мальмберг. И всё же жизнь продолжалась. Молодым родителям нужно было заботиться о недавно родившейся двухмесячной Елене (1891–1973). В дальнейшем в семействе Мальмбергов появилась еще одна дочь — Нина (1893–1965), а затем и сыновья Владимир (1897–1971) и Леонид (1901–1982) (Мальмберг 2014: 79).

Активное участие В. К. Мальмберга в делах университета не помешало ему наладить сотрудничество с Императорской археологической комиссией, откуда поступило предложение заняться описанием классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг. (ИАК 2009: 529). Эта работа, где анализировались глиняные формы и терракотовые изделия эллинистического периода из мастерской местного короупласта, была опубликована в 1892 г. в таком солидном издании, как «Материалы по археологии России» (Т. 7) (Мальмберг 1892а). В мае того же года Императорская археологическая комиссия назначила В. К. Мальмбергу 200 рублей на «путевые издержки» для осмотра «памятников древности по течению Большого Зеленчука в Кубанской области и проверки материалов по этому предмету, собранных художником Струковым и заключающихся как в прилагаемом альбоме изготовленных им рисунков, так и в пояснительной к этому альбому записке» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 1). Это была хорошая возможность за казенный счет познакомиться с античными памятниками Юга России, и молодой дерптский профессор ею воспользовался. Летом он отправился в Крым, но не смог исполнить возложенного на него поручения Комиссии. В письме от 2 декабря 1892 г. он писал, что это произошло, «так как из Керчи, по осмотрении которой <...> намеревался переправиться в Кубанскую область, я совершенно неожиданно был вызван обратно в Дерпт, где во время моего отсутствия была обнаружена кража монет из вверенного мне Музея. По возвращении в Дерпт мне пришлось установить, какие именно монеты пропали и в каком числе, рассмотреть все те, которые полиции удалось отобрать у вора и других лиц и т. п. <...> лишь теперь, освободившись от части выпавшего на мою долю труда, пользуюсь свободным временем, чтобы известить Комиссию о неудаче моей поездки» (Там же: Л. 2)⁵.

1892 г. оказался связан для В. К. Мальмберга и с успешной защитой магистерской диссертации «Метопы древнегреческих храмов. Исследование в области декоративной скульптуры» (Мальмберг 1892б), в которой он впервые широко использовал свой излюбленный метод сравнения произведений скульптуры и вазописи. За этот труд Русское археологическое общество присудило ему большую серебряную медаль (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Д. 79. Л. 194; Д. 401. Л. 3). Упрочившееся научное положение молодого ученого открыло для него возможность получить должность ординарного профессора кафедры классической филологии и археологии Дерптского университета, в 1893 г. переименованного в Юрьевский⁶.

⁵ В деле имеется приписка рукой В. К. Мальмберга от 17 января 1894 г.: «Отпущенные мне на этот предмет двести рублей вследствие несостоявшейся по моей болезни поездки <...> были зачтены мне при уплате гонорара за мой труд по составлению описания древностей, найденных в кургане Карагодеуашх», то есть указана уже другая причина возвращения в Дерпт.

⁶ В ходе реализации политики «разнемечивания» Прибалтийского края, проводившейся в правление императора Александра III, Дерпту вернули старое название Юрьев, которое сохранялось до 1919 г.

Следующим шагом в деле изучения Северного Причерноморья античного периода стало для В. К. Мальмберга, в соавторстве с А. С. Лаппо-Данилевским (1863–1919), участие в подготовке очередного тома «Материалов по археологии России» (Т. 13). В нем обобщались данные, полученные есаулом Кубанского казачьего войска Е. Д. Фелицыным (1848–1903) при раскопках знаменитого кургана Карагодеуашх у ст. Крымской, и подробно рассматривались конструкция его гробницы, погребальный инвентарь, а также обряд захоронения. Написанный Владимиром Константиновичем раздел «Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх» (Мальмберг 1894) получил высокую оценку в академических кругах (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 3. Д. 79. Л. 240–245) и удостоился присуждения еще одной большой серебряной медали от Русского археологического общества (Там же: Д. 79. Л. 239; Д. 401. Л. 71). В 1895 г. несомненным признанием его научных заслуг стало избрание членом-корреспондентом Императорской археологической комиссии и действительным членом Одесского общества истории и древностей. В дальнейшем он стал членом-корреспондентом Германского археологического института в Берлине, Риме, Афинах (1896) и действительным членом Русского археологического общества (1897) (Там же: Ф. 3. Д. 14. Л. 123). Дважды он был избран депутатом от университета на X и XI Археологические съезды: в Риге (1896) и Киеве (1899). Впрочем, нужно отметить, что археологом в полном смысле этого слова Мальмберг никогда не был, поскольку использовал данные, полученные в ходе раскопок, но сам никогда в них не участвовал⁷.

Постепенно материальное положение семьи Мальмбергов существенно улучшилось, и ее глава мог позволить себе неоднократно выезжать за границу для осмотра античных памятников и укрепления связей с зарубежными коллегами. К этому он был хорошо подготовлен благодаря знанию иностранных языков: латинского, греческого, французского, немецкого, английского и итальянского (ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 21). В 1894 г. главной целью шестимесячной командировки для него стали Афины, где он, наконец, с помощью бинокля мог в оригиналах рассмотреть метопы Парфенона, о которых писал в своей диссертации, и обследовать их фрагменты, хранившиеся в Музее Акрополя. Затем он принял участие в экскурсии по греческим островам, организованной директором Германского археологического института в Афинах В. Дёрпфельдом (1853–1940). Наконец, ему удалось посетить Дельфы, где французские археологи за два года раскопок уже успели открыть храм Аполлона, сокровищницы афинян и сифносцев. Побывал он также на Пелопоннесе, в Венеции, Нюрнберге, Бонне, Антверпене, Лондоне, где были выставлены лучшие из метоп Парфенона, и через Берлин возвратился в Россию. В 1897 г. состоялась поездка по Скандинавии с посещением Стокгольма и Копенгагена. В 1900 г., после посещения Всемирной выставки в Париже, В. К. Мальмберг осмотрел Флоренцию, Рим, Неаполь, Помпеи и Вену. Позднее он любил повторять, что всего важнее для наук об искусстве собственное знакомство с памятником, а вовсе не изучение его по книгам (Сидоров 1921: 292).

⁷ Учтившийся у Мальмберга искусствовед и библиофил А. А. Сидоров (1891–1978) считал его «крупнейшим в России представителем <...> чисто художественного отношения к археологии» (Сидоров 1921: 291).

В 1903 г. было положено начало многолетнему сотрудничеству В. К. Мальмберга с Императорским Московским университетом, в котором его пригласили стать руководителем студенческой экскурсии в Константинополь и по Греции. Между тем научная карьера ученого продолжала успешно развиваться. Много внимания он уделял исследованию памятников греческой декоративной скульптуры, вазовой живописи и отдельным произведениям художественного ремесла. Определенным этапом на этом пути стала публикация такого солидного труда, как «Древнегреческие фронтоновые композиции» (Мальмберг 1904), послужившего основой для защиты в мае следующего года докторской диссертации в Московском университете. Незадолго до этого Владимир Константинович принял участие в Первом международном археологическом конгрессе в Афинах (7–13.04.1905), где он сделал доклад «О золотых вещах, найденных в Херсонесе». В столице Греции он снова увидел многие из тех памятников, о которых он писал в своих книгах. В частности, ему удалось воспользоваться лесами, возведенными для починки отдельных поврежденных Парфенона после землетрясения 1894 г., для повторного осмотра скульптурного убранства храма (ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 1).

По окончании работы конгресса В. К. Мальмберг в составе русской делегации отправился на недельную самостоятельную экскурсию — сначала морем через Коринфский канал и далее на конных экипажах в Дельфы, затем в Фигалию для осмотра знаменитого храма Аполлона в Бассах и после посещения святилища Асклепия в Эпидавре вернулся в Афины. Уже вечером следующего дня по инициативе оргкомитета конгресса началась 13-дневная экскурсия по островам Эгейского моря (Делос, Миконос, Мелос, Фера и др.) и Малой Азии (Троя, Пергам и Эфес) (Жебелёв 1905: 1–27).

На протяжении последующих лет В. К. Мальмберг углубленно занимался изучением античной художественной керамики, итогом чего стали «Этюды по древнегреческой вазовой живописи», публиковавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения» (Мальмберг 1906б; 1907; 1909). Получила дальнейшее развитие и его преподавательская деятельность. Связь с Московским университетом стала более прочной, когда в сентябре 1907 г. при содействии И. В. Цветаева (1847–1913) он по совместительству был приглашен на должность ординарного профессора по кафедре истории и теории изящных искусств. Тогда же В. К. Мальмберг начал читать лекции в только что созданном Московском археологическом институте и

Рис. 2. И. В. Цветаев и В. К. Мальмберг с выпускниками Московского университета А. А. Сидоровым, Д. С. Недовичем и другими у входа в Музей изящных искусств, 1913 г.

Fig. 2. I. V. Tsvetaev and V. K. Malmberg with the graduates of Moscow University A. A. Sidorov, D. S. Nedovich and others near the entrance to the Museum of Fine Arts, 1913

на Высших женских курсах. По словам А. А. Сидорова, окончившего Московский университет в 1913 г. (рис. 2), он «учил нас видеть в произведениях античной пластики живых людей, как бы заменять мрамор живой плотью конкретного персонажа» (Демская, Смирнова 1995: 372). Среди его учеников, помимо упомянутых, были будущие известные ученые: филолог и антиковед Д. С. Недович (1889–1947), искусствовед А. И. Некрасов (1885–1950), поэт и переводчик С. В. Шервинский (1892–1991).

Неослабевающий интерес к новым находкам на территории Северного Причерноморья побудил В. К. Мальмберга в этот период принять участие в работе над новым томом «Материалов по археологии России» (Т. 32). Он был посвящен найденным при грабительских раскопках двум статуэткам-подставкам в виде женских фигур и верхней части кратера с ручкой, украшенной изображением горгоны (Жебелёв, Мальмберг 1907). Привлекая многочисленные аналогии из раскопок крупных средиземноморских центров, авторы уверенно датировали эти бронзовые изделия второй половиной VI в. до н. э.

В 1909 г. у В. К. Мальмберга появилась возможность посетить Египет. Департамент народного просвещения включил его в число представителей России, командированных на Второй археологический конгресс в Каире (Липатов, Соловьёв 1959: 143, 147). После окончания работы конгресса вместе со значительным числом его участников он отправился вверх по Нилу до острова Филе, осмотрев по пути целый ряд древних храмов и скальных гробниц. Можно было сожалеть лишь о том, что на музей времени практически не осталось (ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 12).

В 1911 г. жизнь В. К. Мальмберга и его семьи резко изменилась. По приглашению профессора И. В. Цветаева он окончательно перебрался из Юрьева в Москву, став главным хранителем Музея изящных искусств им. императора Александра III при Московском университете еще на стадии его создания. Соответственно своей новой должности В. К. Мальмберг получил просторную служебную квартиру прямо в здании музея и сразу активно включился в работу, давая консультации при формировании раздела слепков древнегреческой скульптуры (около 800 экспонатов) и общей экспозиции музея. В этом отношении директору музея и его главному хранителю удалось достигнуть строгой систематичности и широты показа. Одновременно В. К. Мальмберг в соавторстве с египтологом Б. А. Тураевым (1868–1920) и недавним выпускником Казанского университета, младшим хранителем Н. А. Щербаковым (1884–1933) подготовил к печати книгу «Музей изящных искусств имени Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель. Часть I. Египет. Ассирия-Вавилония. Греция. Рим» (Музей... 1912). Впрочем, круг его интересов этим не ограничивался. Так, в январе 1912 г. он выступил на Всероссийском съезде художников с докладом «Портреты Дюрера» (ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 3).

Состоявшееся 31 мая 1912 г. торжественное открытие Музея изящных искусств стало крупным событием не только для В. К. Мальмберга, но и для его семьи. На этом празднике София Мальмберг в специально сшитом серебристо-сером шелковом наряде вошла в музей и осмотрела его залы под руку с императором Николаем II. Кусочек этого памятного платья она потом увезла с собой в эмиграцию, а день рождения музея до сих пор отмечается ее потомками (Мальмберг 2014: 79)⁸.

⁸ В данном случае годовщина открытия музея была далеко не единственным поводом для празднования, по стечению обстоятельств в этот день родились старший сын В. К. Мальмберга — Владимир и его внуки — Юрий и Оксана.

Новый музей сразу приобрел популярность у широкой публики: его посещаемость порой доходила до 2500 человек в день. Это неслыханная по тем временам цифра. Среди посетителей преобладали преподаватели и учащиеся гимназий, Высших женских курсов, Московского археологического института и других учебных заведений, для которых в залах проводились специальные экскурсии.

В октябре 1912 г. В. К. Мальмберг отправился в Рим для участия в Третьем Международном археологическом конгрессе, где он выступил с докладом «О Бельведерском торсе», в котором получила дальнейшее развитие предложенная им ранее оригинальная трактовка этого памятника позднеэллинистического искусства как изображения разбойника Скирона, являвшегося частью скульптурной группы с афинским героем Тесеем (Мальмберг 1906а). Помимо осмотра раскопок на Палатине, катакомб Домициллы и музеев Ватикана для участников конгресса были организованы поездки на этрусский некрополь Цере, в Остию, Неаполь, Помпеи, Кумы и Пестум (Бороздин 1914). На обратном пути Мальмберг посетил Вену, где занимался в Музее истории искусств и изучал подлинные рисунки Дюрера в Альбертине. На следующий год с той же целью он снова побывал в Вене, где ему удалось определить рисунок так называемого золотых дел мастера, на котором в виде св. Космы был изображен первый учитель Дюрера — Михаэль Вольгемут. Интересуясь средневековой архитектурой, он посетил Нюрнберг, Ротенбург, Нордлинген, Эрланген и замок Штольценфельс на Рейне (ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. Зоб.).

После кончины И. В. Цветаева в 1913 г. В. К. Мальмберг был назначен на должность директора музея. Наряду с этим он возглавил кафедру истории искусства Московского университета, заведовал университетскими музеями в Казани и Юрьеве, а также организовал в них постоянные лекционные курсы. Главной его заботой становится организация в Музее изящных искусств аудитории для чтения публичных лекций, а также открытие новых залов. В конце концов он оборудовал большое помещение для практических занятий в полуподвальном этаже, сосредоточив там дублиеты экспонатов.

Таким образом, В. К. Мальмбергу удалось органично связать музейную, учебную и исследовательскую работу. Вскоре под его редакцией как пособие по истории археологических открытий вышел перевод известного труда профессора Страсбургского университета А. Михаэлиса «Художественно-археологические открытия за сто лет», за короткое время выдержавшего в Германии два издания. При этом большая часть книги была переведена студентами Московского археологического института, а последняя глава — профессором С. А. Жебелёвым (Мальмберг 1913а: IV).

Несмотря на недостаток времени, в этот период жизни В. К. Мальмберг опубликовал две статьи, которые стали завершающими в цикле его работ, посвященных северопричерноморской тематике. В них рассматривался образ воина на золотой обложке ножен из Чертомлыкского кургана в сравнении с образцами вазописи и другими произведениями античного искусства (Мальмберг 1913б; 1914).

На тот момент согласно сохранившемуся формулярному списку Владимир Константинович имел чин действительного статского советника⁹ и был награжден

⁹ Этот высокий гражданский чин соответствовал 4 классу по Табели о рангах и давал право на потомственное дворянство.

орденами св. Владимира 3 и 4 степени, св. Анны 1 и 2 степени, св. Станислава 2 степени и медалью в память царствования Александра III. Его доходы состояли из пенсии за выслугу лет в 3000 рублей и жалования по должности директора Музея изящных искусств в размере 2000 рублей (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 487. Д. 245).

Между тем большая административная и учебная нагрузка начинала сказываться на здоровье. Когда в октябре 1913 г. врачи диагностировали у пожилого профессора воспаление среднего уха, что через четыре месяца повлекло за собой срочную операцию, он почти не прерывал чтение лекций и проведение практических занятий, совмещая их с исполнением обязанностей по руководству музеем. После нескольких рецидивов стало ясно, что ему необходим достаточно продолжительный отдых. Мальмберг намеревался использовать его в научных целях и 27 мая 1914 г. обратился к министру народного просвещения с ходатайством о командировании в Грецию и Египет на вторую половину летних каникул¹⁰ с предоставлением пособия, поскольку начиная с декабря предшествовавшего года он понес большие расходы. Они были связаны с необходимостью лечения старшей дочери Елены в сопровождении матери на курорте для легочных больных в Давосе, Швейцария (ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). К сожалению, эти планы остались нереализованными из-за сложной международной обстановки накануне вступления России в Первую мировую войну.

Военные годы тяжело отразились на деятельности Музея изящных искусств. Единственным достижением этого периода стало создание в 1916 г. новой экспозиции зала бытовых древностей римской эпохи. Еще больше ситуация осложнилась после Октябрьского переворота 1917 г., который подтолкнул многих представителей российской интеллигенции к эмиграции. Но Владимир Константинович не смог покинуть музей, который стал его домом, и уехать за границу. Главным для него было сохранить сам музей и его коллекции, а это было непросто. Правление Московского университета прекратило ассигнования на содержание музейного здания и штата сотрудников. В зимний период помещения не отапливались, электрическое освещение не работало. Временами не горели даже те двадцать керосиновых ламп, что были в музее, так как их нечем было заправить. Местами протекала стеклянная крыша, поврежденная в ходе обстрелов при установлении советской власти в Москве (Демская 1979: 47).

Несмотря на все трудности, В. К. Мальмберг по-прежнему продолжал поддерживать связь с российскими научными учреждениями, в частности с Императорской археологической комиссией. В конце сентября 1918 г. он заочно был избран членом Совета ее преемницы — Российской Государственной Археологической Комиссии. Прошло всего десять месяцев, и его фамилия появляется в списке участников Избирательного собрания Российской академии истории материальной культуры. Последовавшее избрание ее членом стало безусловным признанием авторитета ученого в среде представителей отечественной науки (ИАК 2009: 1108, 1111). Это событие стало для него стимулом для начала осуществления ряда давно задуманных работ. Прежде всего это касалось исследования, посвященного декоративной скульптуре Парфенона. В нем Мальмберг намеревался добавить к ранее сделанным и пересмотренным «наблюдениям над метопами и фронтонами Парфенона

¹⁰ То есть речь шла о периоде с 15 июля по 20 августа 1914 г.

обстоятельное изложение композиции фриза». Наряду с этим строго научным трудом, предполагаемым для академического издания, он приступил к работе «по серии брошюр для более широкого круга читателей под общим заглавием “Древнегреческие акрополи и святилища”»¹¹ (ОР ГМИИ. Ф. 7. Оп 1. Д. 3. Л. 1–2).

Последние годы жизни ученого прошли под знаком интенсивной музейной и просветительской деятельности (рис. 3). Помимо Московского университета В. К. Мальмберг читал курс лекций по истории скульптуры в Свободных государственных художественных мастерских. По воспоминаниям М. В. Алпатова (1902–1986), тогда студента историко-филологического факультета, он вел занятия по искусству абсолютно вдохновенно, забывшая о том, что перед ним большей частью были лишь копии подлинников. На своих слушателей слегка рассеянный профессор, никогда не пользовавшийся записями или

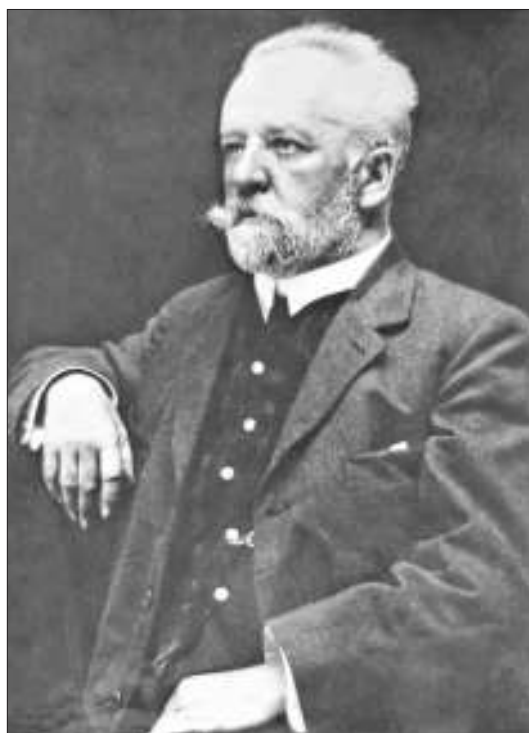

Рис. 3. В. К. Мальмберг, 1920 г.

Fig. 3. V. K. Malmberg, 1920

конспектами, производил впечатление истинного ученого: седые волосы и борода, устремленный куда-то ввысь и горевший голубым пламенем взгляд, что-то детское в фигуре. Будучи выше условных приличий, он мог запросто улечься на пол, показывая особенности расположения фигуры лежащего Кефиса на фронтоне Парфенона (Алпатов 1994: 65). Многие отмечали, что ему были присущи «необыкновенная зрительная память», обаяние мудрого облика и ореол «своеобразной атмосферы, сочетавшей аттическую четкость с мягкой уютностью немецкого романтического городка...» (Габричевский 2002: 721).

Античные коллекции Музея изобразительных искусств в этот период быстро росли, прежде всего за счет поступлений через Государственный музейный фонд из частных собраний и различных учебных заведений. Сам Мальмберг, получив предложение Отдела по делам музеев и охране памятников, с помощью А. Г. Габричевского произвел отбор и подробное описание образцов античной керамики в бывшем Строгановском училище для передачи их в свой музей и пополнения его экспозиции (РО ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 3об.).

Эти изменения повлияли на структуру Античного отдела, где с 1918 г. появился Вазовый подотдел. Тем не менее в отношении обеспечения нормального существования музейных сотрудников к началу 1920-х гг. сложилось совершенно бедственное положение. Их число резко сократилось, и работать было практически некому. Ученые того времени при встрече чаще говорили о хлебе насущном, чем о своей

¹¹ Для этой серии В. К. Мальмберг подготовил описания афинского акрополя и дельфийского святилища, но они так и не были опубликованы.

профессии. Для Мальмберга же «дело было самой его жизнью» (Габричевский 2002: 723). Тем не менее ему становилось все труднее защищать интересы музея, а полуголодное существование обострило уже имевшиеся проблемы со здоровьем. В заявлении, поданном в Президиум Московского государственного университета, он писал: «Тяжелая, мною перенесенная болезнь временно повлекла за собою почти полную потерю физической трудоспособности. Полная невозможность поправиться в крайне тяжелых жизненных условиях г. Москвы, советы врачей, указывающие на необходимость длительного лечения на зарубежных курортах, вынуждают просить Университет об исходатайствовании для меня командировки в Германию» (РО ГМИИ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 4. Л. 1). К заявлению прилагалось медицинское свидетельство, выданное профессором В. Д. Шервинским 14 июля 1921 г., где говорилось, что «профессор В. К. Мальмберг болеет хроническим воспалением почек и органическим поражением сердца в форме миокарда» (Там же: Л. 2). В начале осени 1921 г. он перенес инсульт и после непродолжительной болезни скончался. Похоронили его на Введенском кладбище, рядом с отцом.

Этот очерк жизни и научного творчества В. К. Мальмберга можно завершить словами А. Г. Габричевского: «...смерть таких людей всегда героична, ибо в эпохи катастрофичные оставаться верным себе — значит погибнуть» (Габричевский 2002: 720).

Литература и источники

- Алпатов 1994 — Алпатов М. В. Воспоминания. М.: Искусство, 1994. 256 с.
- Библиографический словарь... 1903 — Библиографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902) / Левицкий Г. В. (ред.). Т. II. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1903. 656 с.
- Бороздин 1914 — Бороздин И. Н. Международный археологический конгресс в Риме // Древности. 1914. Т. 24. С. 275–278.
- Габричевский 2002 — Габричевский А. Г. Морфология искусства. М.: Аграф, 2002. 864 с.
- Демская 1979 — Демская А. А. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.: Искусство, 1979. 239 с.
- Демская, Смирнова 1995 — Демская А. А., Смирнова Л. М. И. В. Цветаев создает музей. М.: Галарт, 1995. 448 с.
- Жебелёв 1905 — Жебелёв С. А. Первый международный археологический конгресс в Афинах // ЖМНП. 1905. Ч. 360. С. 1–21.
- Жебелёв, Мальмберг 1907 — Жебелёв С. А., Мальмберг В. К. Три архаических бронзы из Херсонской губернии. СПб., 1907. 61 с. (МАР. Т. 32).
- ИАК 2009 — Мусин А. Е. (ред.). Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1192 с.
- Липатов, Соловьёв 1959 — Липатов В. С., Соловьёв О. Ф. Из истории русско-египетских связей в начале XX в. // Исторический архив. 1959. № 1. С. 141–153.
- Мальмберг 1890а — Мальмберг В. К. Этюды по древнегреческому искусству: о некоторых приемах гончаров-живописцев // Записки РАО. 1890. Т. 4. С. 93–99.

- Мальмберг 1890б — *Мальмберг В. К.* К вопросу о древнегреческом вооружении: щиты с ковриками // Ученые записки Казанского университета. 1890. Кн. 2. С. 1–7.
- Мальмберг 1892а — *Мальмберг В. К.* Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах. СПб., 1892. 46 с. (МАР. Т. 7).
- Мальмберг 1892б — *Мальмберг В. К.* Метопы древнегреческих храмов: исследование в области декоративной скульптуры. Дерпт: Печатня К. Маттисена, 1892. 198 с.
- Мальмберг 1894 — *Мальмберг В. К.* Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх // Курган Карагодеуашх. М., 1894. С. 121–192 (МАР. Т. 13).
- Мальмберг 1896 — *Мальмберг В. К.* Успехи современной археологии // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1896. № 1. С. 71–86.
- Мальмберг 1904 — *Мальмберг В. К.* Древнегреческие фронтоновые композиции: исследование в области декоративной скульптуры. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904. 420 с.
- Мальмберг 1906а — *Мальмберг В. К.* Бельведерский торс // ЖМНП. НС. 1906. Ч. 6. С. 520–532.
- Мальмберг 1906б — *Мальмберг В. К.* Этюды по древнегреческой вазовой живописи // ЖМНП. НС. 1906. Ч. 2. С. 244–258; Ч. 3. С. 259–271; Ч. 4. С. 309–334.
- Мальмберг 1907 — *Мальмберг В. К.* Этюды по древнегреческой вазовой живописи // ЖМНП. НС. 1907. Ч. 7. С. 1–19; Ч. 8. С. 159–177; Ч. 9. С. 232–248.
- Мальмберг 1909 — *Мальмберг В. К.* Этюды по древнегреческой вазовой живописи // ЖМНП. НС. 1909. Ч. 23. С. 376–394.
- Мальмберг 1913а — *Мальмберг В. К.* От редактора // Михаэлис А. Художественно-археологические открытия за сто лет. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1913. 403 с.
- Мальмберг 1913б — *Мальмберг В. К.* Воин на золотой оббивке ножен из Чертомлыцкого кургана и на вазе из Нолы // Огородников В. (ред.). Сб. ст., посвященных Д. А. Корсакову. Казань: Издание книжного магазина М. А. Голубева, 1913. С. 514–524.
- Мальмберг 1914 — *Мальмберг В. К.* Воин, защищающий павшего товарища, на чертомлыцких ножнах и других памятниках греческого искусства // Гольдин Н. (ред.). Сб. Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 310–317.
- Мальмберг 2014 — *Мальмберг Я. Н.* Из глубины времен (В. К. Мальмберг — К. Е. Думберг — В. Г. Тизенгаузен) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 77–83.
- Музей... 1912 — Музей изящных искусств им. Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель. Ч. 1. Египет. Ассирия-Вавилония. Греция. Рим. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1912. 148 с.
- Сидоров 1921 — *Сидоров А. И.* Некролог памяти В. К. Мальмберга // Печать и революция. 1921. № 3. С. 291–292.
- Тункина 2017 — *Тункина И. В. и др.* Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) // *Жебелёв С. А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования 1897–1921. Исторический очерк. М.: Индрик, 2017. С. 173–640.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71; Ф. 3. Д. 14, 79, 401.
- ОР ГМИИ. Ф. 7 (личный фонд профессора В. К. Мальмберга).
- ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 487. Д. 245.

«SON OF ANTIQUE WISDOM ...» (V. K. MALMBERG)**V. A. GORONCHAROVSKY**

Keywords: *V. K. Malmberg, classical antiquities of the south of Russia, Derpt (Yuriev) University, Imperial Archaeological Commission, Russian Archaeological Society, Museum of Fine Arts, Russian Academy of the History of Material Culture, scholarly biography.*

The paper uses both published and archive materials to reconstruct the scholarly biography of one of the founders of the Russian Academy of the History of Material Culture, Vladimir Konstantinovich Malmberg (1860–1921) — an outstanding researcher in the field of Ancient Greek art and archaeology of the Classical Period. A graduate of the Kazan University (1884), he became a corresponding member of the Imperial Archaeological Commission (1895), a full member of the Russian Archaeological Society (1897) and Russian Academy of the History of Material Culture (1919), the director of the Alexander III Museum of Fine Arts (1913–1921). The main direction of his scholarly work was associated with the study of the Ancient Greek decorative sculpture, vase paintings and applied arts objects.

ДИСКУССИЯ

К ВОПРОСУ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ФАСИСА, РАССЕЛЕНИИ ГЕНИОХОВ И ЛОКАЛИЗАЦИИ КОРАКСОВ¹

А. Ю. СКАКОВ²

Ключевые слова: *ранний железный век, античность, письменные источники, Колхида, Кавказ.*

В статье анализируются некоторые новые работы филолога В. Т. Мусбаховой, затрагивающие тематику истории Восточного Причерноморья в эпоху античности. Делается вывод о недостаточной фундированности сделанных исследователем выводов и выборочном использовании источников. В результате попытка переноса географических названий (Фасис) и этнонимов (кораксы и т. д.) с восточного берега Чёрного моря в Прикубанье и во внутренние районы Западного Кавказа оказалась неудачной.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-153-165

Вот уже десятилетие как и я, и некоторые мои коллеги-археологи с большим вниманием отслеживаем работы филолога-античника Виктории Талгатовны Мусбаховой. Некоторые из них напрямую затрагивают проблематику истории Западного Кавказа в эпоху раннего железного века, касаются вопросов локализации местных племен, известных по данным письменных источников, предоставляют серьезную почву для размышлений о парадоксах отражения местных кавказских реалий в античной письменной традиции. Отметим, в частности, обоснованную увязку «Синдской расселины» Гиппонакта и упоминаемой Страбоном пещеры, в которой Афродита Апатура с помощью Геракла истребила гигантов (Мусбахова 2014б).

К сожалению, археологи, специализирующиеся на тематике Кавказа в эпоху раннего железа, как правило, редко обращаются к данным письменных источников и к работам филологов, анализирующих их с помощью доступного им инструментария. Удачные примеры таких исследований, опирающихся на синтез доступных источников и выходящих за рамки собственно археологии, чуть ли не единичны. Некоторые же попытки синтеза археологических, сугубо исторических и филологических источников оказываются, по заключению специалистов, не совсем удачными. Как в свое время заметил С. В. Кулланда, рецензируя фундаментальную книгу А. И. Иванчика «Накануне колонизации» (2005), «при чтении монографии нельзя

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00293А «Северо-Западное Закавказье (Абхазия) в эпоху поздней бронзы — раннего железа».

² Отдел археологии бронзового века, ИА РАН, г. Москва, 117292, Россия.

не задуматься над вопросом, <...> можно ли стать скифологом (если не считать чистую археологию), не владея в полной мере иранским материалом» (Кулланда 2008: 210). Но можно ли стать скифологом (или специалистом по древней истории), поверхностно владея археологическим материалом? В результате филология и археология идут как бы параллельными курсами.

Разумеется, археолог, не обладающий багажом знаний и методологией филолога, не может самостоятельно и полноценно анализировать письменные тексты, обращаясь, как правило, к переводам. В этой связи покорно принимаю упрек В. Т. Мусбаховой в мой адрес: «А. Ю. Скаков <...> довольно поверхностно анализирует источники» (2018б: 904)³. К сожалению, В. Т. Мусбахова, пытаясь выйти на уровень истории и использовать письменные источники для серьезных исторических построений, делает это даже не поверхностно, а в ряде случаев по-дилетантски. Попытаемся продемонстрировать это на конкретных примерах. Моя статья с критикой некоторых построений В. Т. Мусбаховой (Скаков 2014: 156–157), видимо, осталась ей неизвестна⁴.

Напомню предысторию и суть наших расхождений с Викторией Талгатовной. В работе 2009 г., совместной с Д. А. Мачинским (Мачинский, Мусбахова 2009), авторы с удивительной уверенностью и точностью локализовали на карте Причерноморья мифологические местности: преддверье Аида находилось в районе Днепро-Бугского лимана, остров Кирки (Айайэ) — к востоку оттуда и соответствует «острову Гермонасса», то есть части современного Таманского п-ова (можно задать вопрос — а почему он не мог соответствовать нынешнему Крыму?). «Страна Айя», соответственно, должна находиться возле «айаского» острова Кирки, и это «было понятно уже Страбону» (Мачинский, Мусбахова 2009: 322). Страбону, однако, было понятно и другое: Кирка и Медея «жили далеко друг от друга (одна — в самой отдаленной части Понта, другая — в Италии)» (Strabo. I, II, 10)⁵. Здесь авторы подкрепляют свое мнение авторитетом Ю. В. Андреева: «Логично было бы предположить, что первоначально все это зловещее семейство обитало где-то в одном месте и называлось оно страной или островом Эя. Однако потом, как это нередко бывает в мифологической традиции с появлением новых сюжетных линий, пути брата и сестры (Кирки и Ээта. — А. С.) далеко разошлись. Кирка вместе со своим островом оказалась заброшенной на дальний (конечно, в восприятии греков) запад Средиземноморья. Ээт и подвластная ему страна Эя, наоборот, остались на дальнем востоке» (Андреев 1990: 161–162).

В результате, согласно выводу исследователей, «первичное местопребывание (остров) Кирки соседствует с Покубаньем (Фасис, Айа, меоты, Скифия, скифы, сарматы) и Тавридой (царь Тавриды Персей, Геката и Пантикапей), чему соответствует местоположение Таманского полуострова...» (Мачинский, Мусбахова 2009: 323). А рекой, разграничивающей Европу и Азию, была Кубань, которая носила название

³ Странно только, что В. Т. Мусбахова в своей статье дважды именуется только по фамилии, без инициалов (2018а: 900, 903), что не вполне соответствует традициям академической науки. Утешает только то, что в одной компании со мной лишенными инициалов оказались Л. А. Ельницкий (Там же: 902), В. В. Латышев (Там же: 905), К. П. Патканов (Там же: 908).

⁴ Что несколько удивительно, так как статья доступна в интернете на нескольких ресурсах (https://elibrary.ru/download/elibrary_22422914_45331704.pdf; <http://www.kavkazoved.info/news/2014/09/18/transkavkazskie-svjazi-na-zapadnom-i-centralnom-kavkaze-v-epohu-rannego-zheleza.html> и др.).

⁵ Используется перевод Г. А. Стратановского.

Фасис, позднее перешедшее на р. Риони. При этом, однако, Д. А. Мачинский и В. Т. Мусбахова умалчивают о том, что их концепция точной географической локализации мифологических местностей в корне противоречит подходам Ю. В. Андреева. По словам последнего, «едва ли есть надобность объяснять читателю, что сугубо фантастические события, образующие первоначальное сюжетное ядро мифа об аргонавтах, не нуждались ни в какой более или менее точной географической “привязке”. Подобно скитаниям Одиссея, они происходили не в реальном пространстве, которое можно было бы хотя бы приблизительно, в самых общих чертах, воспроизвести на географической карте, а в своего рода четвертом измерении или же в некоем мифологическом гиперпространстве. Как было уже замечено, в первоначальном варианте мифа плавание Ясона и его спутников имело своей конечной целью отнюдь не побережье реальной Колхиды, а некую сказочную страну Эю, расположенную (это — единственное, что может быть сказано о ее местоположении) на огромном удалении от исходной точки их путешествия, на самом краю земли, а возможно, и по ту сторону от этой черты — на другом берегу Океана, там, где древние помещали царство теней» (Андреев 1990: 172). К такой же осторожности призывал, также ссылаясь на Ю. В. Андреева, А. В. Подосинов: «нам не надо соизмерять описания Гомера с реальными географическими знаниями предполагаемого времени его жизни» (2005: 61)⁶. Как отмечал и я, «столь точное указание на расположение мифологических областей <...> не опирается на источники» (Скаков 2014: 157). Следуя этой логике, необходимо признать, что Д. А. Мачинский и В. Т. Мусбахова уверенно и точно локализовали «сказочное “тридевятое царство”» (Андреев 1990: 166) и привели целый ряд аргументов в поддержку своей точки зрения.

Рассмотрим основные аргументы авторов. Геродот, как они считают (Мачинский, Мусбахова 2009: 322), первый связывает Айю (Эю), Колхиду и реку Фасис, разграничивающую, «по мнению некоторых», Европу и Азию («Я не могу <...> догадаться, почему <...> границы установлены по египетской реке Нил и колхидской Фасис (другие называют меотийскую реку Танаис и Киммерийские переправы), ни узнать имена тех, кто произвел разграничение» — Herod. IV, 45)⁷. С этим сложно поспорить, как и с тем, что Гекатей Милетский помещает дандариев (жили к северу от устья Кубани — Каменецкий 2011: 162) в Европе, а синдгов (Таманский п-ов) — в Азии. Соответственно границей между Европой и Азией он считал Кубань. Но из этого абсолютно не вытекает, что Гекатей отождествлял Кубань с Фасисом, а аргумент «поскольку в достоверно принадлежащих ему фрагментах его сочинений, относящихся к интересующей нас территории (?? — А. С.), называется лишь река Фасис, по которой возвращались аргонавты, то ясно, что Фасис-Кубань и была разграничивающей рекой» (Мачинский, Мусбахова 2009: 322) вряд ли можно принимать серьезно. Мне это абсолютно не ясно, так как Фасис упоминается здесь совершенно в ином контексте, не связанном с границами между Европой и Азией. От сочинения Гекатея осталось так мало, что делать подобного рода выводы нет никаких оснований.

⁶ Этот же автор критически отзываясь об отстаиваемом Д. А. Мачинским и В. Т. Мусбаховой «реализме черноморских деталей» (Подосинов 2015: 62), а также в целом о предложенных точных локализациях для острова Кирки, бухты лестригонов, входа в Аид: «если учесть, что Чёрное море во времена Гомера рассматривалось как открытый Океану залив, сомнительным выглядит локализация у берегов этого несуществующего моря таких реалий» (Там же: 69).

⁷ Используется перевод А. И. Доватура, Д. П. Каллистова, И. А. Шишовой.

Авторы считают, что их вывод «подтверждается и прямым свидетельством Эсхила о Боспоре и Фасисе, разграничивающих Азию и Европу» (Там же). Но в сохранившемся отрывке из «Прометея освобождаемого» речь идет не о Боспоре, а только о Фасисе: «где льется Фасис, двойная грань Азийской земли и Европы» (27 (191) — Эсхил 1989: 272)⁸. Причем здесь Боспор?

Еще один аргумент: «взгляд на карту убеждает, что текущая вдоль предгорий Кавказа полноводная Кубань куда больше подходит на роль границы Азии и Европы, чем речушка Фасис-Риони и ее окрестности, уничтожительно описанные Гиппократом» (Мачинский, Мусбахова 2009: 322). Подобное субъективное и пренебрежительное отношение к знакомой авторам, очевидно, только по картам р. Риони (длина — 327 км) не может не удивлять. Описание Псевдо-Гиппократа настолько фантастично, что вряд ли может быть применимо к уже хорошо тогда известному Фасису (Риони): «фасиане резко отличаются своею наружностью от остальных людей. Они высоки ростом и чрезвычайно тучны; в их теле не заметно ни сочленений, ни жил» и т. д. (De aëre, 22)⁹. Напротив, по словам Аполлония Родосского, «Фасис бурливый в море несет широкие воды» (II, 399), «приплыли герои к широководному Фасису, Понта конечным пределам» (II, 1252–1253)¹⁰. Вполне уважительно отзывается о Фасисе и Плиний Старший: «самая прославленная [из рек] Понта — Фасис. Он берет начало [в стране] мосхов, судоходен для наиболее крупных судов на 38,5 мили [от устья], затем на значительном расстоянии для малых судов» (VI, 12–13)¹¹.

Кроме того, напомним, что по Куре (а не по Араксу) и далее по Фасису шел так называемый Великий индийский путь (различные исследователи называют его по-разному), сформировавшийся в эпоху эллинизма (Ртвеладзе 2012). И о нем также пишет Плиний Старший: Варрон «добавляет, что во время похода Помпея было установлено, что в [страну] бактров из Индии доходят за семь дней до реки Бактр, которая впадает в Окс, а из нее, добравшись через Каспий до [реки] Кир, сухопутным путем, занимающим не более пяти дней, можно довести индийские товары до Фасиса в Понт» (VI, 52). Именно наличием такого пути объясняются, кстати, упоминания приходящих в Фасис «варваров из Индийской и Бактрийской (земли)» в анонимном перипле Эвксинского Понта (Мусбахова 2018б), и искать здесь какой-то иной смысл нет никаких оснований. Этот путь вел от Чёрного моря к Каспийскому, которое достаточно долго продолжало восприниматься как залив Океана (Джаксон и др. 2007: 76)¹², а ведь именно в Океан приплыли аргонавты из Фасиса согласно Гекатею Милетскому (Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259)¹³; Джаксон и др. 2007: 35)¹⁴. Вполне очевидно, что река, по которой пролегал столь важный торговый путь, имела не менее оснований претендовать на роль границы между Азией и Европой, чем уводящая в неизвестные земли горных племен Кубань.

⁸ Используется перевод М. Л. Гаспарова.

⁹ Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947б: 295).

¹⁰ Используется перевод Н. А. Чистяковой по: Аполлоний Родосский 2001.

¹¹ Здесь и далее используется перевод А. В. Подосинова, М. В. Скржинской по: Подосинов, Скржинская 2011.

¹² Вряд ли для античной традиции определяющим здесь было то, что «персы, как известно, во времена Скилака считали Каспийское море озером» (Мусбахова 2014а: 85).

¹³ Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947в: 293).

¹⁴ Впрочем, по Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259 «Гесиод говорит, что они проплыли по Фасису; а Гекатей, опровергая его, рассказывает, что Фасис не впадает в море и что они плыли не по Танаису, а тем самым путем, которым и прежде» (перевод В. В. Латышева (1947в: 294). Здесь есть явное противоречие.

Кроме того, как вполне справедливо отмечает А. В. Подосинов, «Фасис был, очевидно, древнейшей границей между Европой и Азией не в малой степени в связи с тем, что благодаря “Аргонавтике” был больше известен, чем другие реки» (2015: 74).

Остается совершенно непонятным, почему нахождение Фасиса, сообщаемого с Океаном, возле Кавказа, «соответствует представлениям эпохи, для которой Фасис аргонавтической легенды еще не стал Фасисом Колхидской низменности, каким его знали Геродот и Гиппократ» (Мусбахова 2013б: 130). Вполне очевидно, что как Кубань, так и Риони-Фасис практически в равной степени связаны с Кавказом и Главным Кавказским хребтом, с ледников которого они берут свои истоки.

Наконец, аргументом у В. Т. Мусбаховой становится и то, что в стране Айэта («божественного царя-пахаря», который запрягает огнедышащих быков, пашет, сеет, сражается с выросшими из посевов воинами) мы видим «культ сакрализованной пахоты», а он якобы «не представим в болотистых землях по нижней Риони (Фасис) и является естественным на мощных черноземах по Кубани (Фасису)» (Мачинский, Мусбахова 2009: 323). Здесь мы опять сталкиваемся с переносом современных расхожих представлений на малознакомые авторам реалии совсем иного времени и иной культуры. Необходимо напомнить, что в Колхиде, и именно в ее равнинной части, в эпоху бронзы — раннего железа земледелие находилось в расцвете, о чем свидетельствуют обширные археологические материалы, в том числе многочисленные клады бронзовых мотыг и других земледельческих орудий (количество литературы по этому вопросу огромно, например: Апакидзе 1991: 36–39). Вполне очевидно и наличие здесь в то время развитых земледельческих культов.

В дальнейшем В. Т. Мусбахова постаралась усилить свою аргументацию, предложив тезисы, «включающие разноплановую аргументацию» (Мусбахова 2014б: 91–92). Прежде всего, она продолжает утверждать, что Фасис-Риони не соответствует представлениям о реке-канале, соединяющем море с Океаном и сопоставимым с Истром (Мусбахова 2013а: 301; 2013б: 155–156). В. Т. Мусбахова и сейчас необъяснимо уничижительно относится к р. Риони: «достаточно сказать, что колхидская река Риони по своим параметрам совершенно не удовлетворяет идее канала, соединяющего внутреннее море с внешним Океаном, каким должен был представляться Фасис...» (Мусбахова 2013б: 147). Гекатей Милетский, по ее мнению, первоначально считал границей Европы и Азии Фасис-Кубань (Мусбахова 2014б: 91), а позднее «принял в качестве межконтинентальной границы Танаис» (Мусбахова 2013а: 302). Это сомнительно, так как в данном случае он не стал бы помещать дандариев в Европе. И абсолютно непонятно, почему Гекатей мог поместить в Азии два «скифских» племени — исседоны и иамы — только в том случае, если границей Азии и Европы был Танаис-Дон (Мусбахова 2014б: 89). Парадоксально, но исседоны, локализуемые восточнее Урала (Буданова 2000: 230), и иамы, связываемые с Гималаями или Алтаем (Там же: 222), в любом случае оказываются в глубинах Азии. Все предположения о связи в тот или иной период времени названия Фасис с Кубанью-Гипанисом (он же, у Страбона, Антикит, Ахардей, Мермод — следуя за И. С. Каменецким 2011: 156–157) или Доном-Танаисом остаются более чем гипотетическими. Показательно, что у В. Т. Мусбаховой эта недоказанная гипотеза по ходу изложения превращается в установленный факт (например: Мусбахова 2014б: 91 и т. д.). То же самое происходит у исследовательницы со спорным тезисом о проживании малоизвестных хариматов в Приазовье (традиционно их локализуют на южном побережье Чёрного моря): на следующей странице это становится аксиомой — «благодаря положению хариматов в глубине материка, они вполне оказываются соседями также и яксаматов» (Мусбахова 2018а: 893)

Следующий довод исследовательницы не может не удивить: «Народом колхов у него (у Гекатея Милетского. — А. С.) названы кораксы, соседствующие с колами <...>, а последние, в свою очередь, локализируются в предгорьях Кавказа <...>. И если исходить из того, что где колхи, там и Колхида, последняя оказывается вблизи Фасиса-Кубани, в Прикубанье» (Мусбахова 2013а: 302). Если кораксы Гекатея соседствуют с колами, а колы живут у Кавказа и Коликийские горы являются предгорьями Кавказа, то кораксы, по мнению В. Т. Мусбаховой, должны находиться вблизи Северного Кавказа (2013б: 158). Очень странная логика. Минимальных познаний в географии и здравого смысла достаточно для того, чтобы предполагать наличие «предгорий» у любого горного хребта по обе стороны от него, то есть если брать Главный Кавказский хребет как к северу, так и к югу от него. Иными словами, населенные колами предгорья могли находиться (и, очевидно, находились) в Закавказье, не имея никакого отношения к Кубани.

Наличие амазонок в Колхиде (Мусбахова 2013а: 302), что якобы «невозможно для Риони» (Мусбахова 2014б: 78), также не аргумент, женщин-воительниц письменная традиция фиксирует как у берегов Меотиды, так и на южном берегу Чёрного моря (Фемискира и Фермодонт), а также в низовьях Нила. Если сын Гелиоса Ээт владел колхами и меотами, то это совершенно не означает, что колхи жили рядом с меотами на Северо-Западном Кавказе (Мусбахова 2013а: 302), а для мифологической традиции, разумеется, эти племенные образования вполне могли считаться смежными. То же самое касается и вывода о том, что, если «народ» кораксов «тесно ассоциировался» в сознании нескольких ученых авторов с «народом» синдов, это говорит о географической близости синдов и кораксов (Мусбахова 2018а: 891). Впрочем, это говорит о том, что и с синдами, и с кораксами были связаны близкие по смыслу обшечные ассоциации, а во-вторых, и те, и другие проживали хотя и не рядом друг с другом, но на одном побережье Чёрного моря и, очевидно, находились в постоянных контактах.

Столь же уязвимы и другие аргументы. Но более чем удивление вызывает следующий тезис: «в повествовании Аполлония аргонавты сначала видят горы, к которым прикован Прометей, и даже орла, летящего, чтобы его терзать, и лишь затем прибывают в Колхиду на Фасис» (Ар. Rhod. 2. 1247–61). Подобная ситуация наблюдается и у Софокла в одном из фрагментов трагедии «Колхидянки»: говорящий (Медея) спрашивает, видимо, аргонавтов, видели ли они (точнее, узнали ли они) Прометея (Fr. 340R). Здесь также предполагается, что аргонавты видели его по дороге в Колхиду, то есть прежде, чем туда приплыли. Наиболее естественный способ интерпретации этих свидетельств — это допущение, что они также восходят к представлению о Колхиде на Северном Кавказе. И здесь же в примечании: «В противном случае они должны восходить к представлению о том, что аргонавты плыли в царство Ээта вдоль северного берега Понта» (Мусбахова 2013а: 302–303). Удивительная логика, объясняемая, вероятно, тем, что автор излишне доверяет картам с их расстояниями и высотами, а сама ни разу, к сожалению, не плыла по Чёрному морю на судне того или иного типа (например, на пароме) из Трабзона в Сочи или в Сухум. В противном случае В. Т. Мусбаховой было бы известно, что в ясную погоду горы Большого Кавказа (на которых и находился прикованный Прометей) видны почти что из Трабзона при отплытии судна, и лишь во время непосредственного приближения к цели пути взгляду открываются низменные берега Колхиды. Таким образом, никакого противоречия здесь нет, и аргонавты плыли в Колхиду единственно возможным путем, немного отделившись от берега, вдоль него.

«Политию фасиан», в которой говорится о переселении милетян на землю ге-ниохов, автор связывает с Диоскуриадой (район современного г. Сухум), как будто бы не зная о существовании античного полиса Фасис (у которого известен даже ойкист — милетянин Фемистагор) в устье одноименной реки, которую имеющиеся источники этого времени уж никак не позволяют связать с Кубанью. Да, античный Фасис до сих пор археологически не идентифицирован, но не найдены пока что и Диоскуриада, и «Великий Питиунт», и Нитика (Триглит), то есть более-менее надежно идентифицирован только Гиенос (соответствующий, по нашему мнению, Кикну Помпония Мелы). Абсолютно непонятным остается и утверждение, что у Псевдо-Гиппократ в отрывке о Фасисе речь идет о городе и эмпории (?) местных жителей — колхов, а не милетян, как будто греческие колонисты не могли использовать лодки для перемещения (Мусбахова 2013а: 303–304). Напомним слова Псевдо-Гиппократ: «Что касается до местностей по Фасису, то страна эта болотистая, жаркая, сырая и лесистая. Там во всякое время года бывает много сильных дождей. Люди проводят свою жизнь в болотах, их деревянные или тростниковые хижины построены на воде; они мало ходят пешком, *только* в городе или на рынке, а *обыкновенно* разъезжают на однодеревках вверх и вниз по каналам, которых там множество» (De aëre, 22)¹⁵.

Вообще, как представляется, В. Т. Мусбахова считает Фасис несуществовавшим городом: данные по нему отнесены к Диоскуриаде, а представление о Фасисе, куда сходятся шестьдесят народов, пользующихся разными языками, указывает на его смешение с Диоскуриадой, куда сходилось 70 разноязычных народов (Мусбахова 2018а: 895). Неужели, по мнению автора, этноязыковая ситуация в относительно близко расположенных Фасисе и Диоскуриаде не могла быть схожей?

Мимоходом затрагивается и вопрос о судьбе фиалы из Зубовского хутора с надписью, упоминающей Фасис. Конечно, эта надпись с легкостью связывается исследовательницей с Фасисом-Кубанью, тем более, что «именно этот район (Прикубанье. — А. С.) в отличие от закавказской Колхиды уже в архаическую эпоху стал ярко выраженной контактной зоной местной и пришлой (средиземноморской) культур» (Мусбахова 2013а: 303–304). Здесь, очевидно, можно усмотреть исключительно незнание археологического материала: греческая колонизация Восточного Причерноморья, несмотря на гораздо меньшую изученность этого региона по сравнению с Северным Причерноморьем или Прикубаньем, началась достаточно рано (относительно новый материал обобщен — см.: Высокий 2004). О массовой колонизации и основании полисов можно уверенно говорить начиная с начала — первой половины VI в. до н. э., а античная керамика появляется здесь уже в конце VII в. до н. э. (Батумская крепость, Красномаякское поселение на окраине г. Сухум) (Скаков 2013: 58–65). В VI — начале V в. до н. э. контактная зона в данном регионе уже вполне сформировалась, охватывая не только побережье, но и предгорные, и даже горные (Джантух) районы (Скаков и др. 2016).

Наконец следует итоговый вывод автора: «к концу архаической эпохи, когда граница материков была перенесена на север, на Танаис, река царства Ээта вместе с ним самим переместилась в Закавказье. Это могло быть связано с реальными перемещениями местных племен под влиянием в том числе колонизационного освоения Прикубанья» (Мусбахова 2013а: 303; 2014б: 91). Излишне, видимо, говорить о том, что никаких миграций из Прикубанья на юго-восток в это время археологически не прослеживается.

¹⁵ Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947б: 295).

Мы переходим к вопросу о локализации древних племен Восточного Причерноморья. К сожалению, и здесь иной раз В. Т. Мусбахова демонстрирует недостаточное владение материалом письменных источников или же выборочное его использование. Например, в статье 2009 г. говорится об упоминании Гекатеем Милетским племени колов и их страны Колика в предгорьях Кавказа — «Кольских горах». По словам авторов, «позднее этот народ не упоминается» (Мачинский, Мусбахова 2009: 322–323). Но это абсолютно не так (Буданова 2000: 256). Еще с одной вопиющей неточностью мы сталкиваемся в другой работе В. Т. Мусбаховой (автореферате): «локализация колхского племени колов вблизи сев. Кавказа (Гекатей)» (Мусбахова 2010: 12). Дело в том, что Гекатей Милетский, судя по уцелевшим фрагментам его труда, нигде не связывал колов с Северным Кавказом (как и не называл их «колхским племенем»), он писал исключительно об их проживании «у Кавказа» и о том, что «подгорья Кавказа называются Кольскими горами», а «страна называется Коликою» (Фр. 186. (Jас. 209) St. Byz)¹⁶. Как мы уже отметили, предгорья могут быть как с северной стороны Главного Кавказского хребта, так и с южной.

Что же касается самих колов, то достаточно вспомнить Помпонию Мелу: «остальной же частью побережья владеют дикие и грубые племена, расселившиеся широко вдоль моря: меланхленское [племя], торетское, шесть Колик, кораксики, фтирофаги, гениохи, ахеи, керкетики и уже в сопредельной с Меотидой [местности] — синдонны» (I, 110)¹⁷. А. В. Подосинов и его соавторы вполне логично предполагают: «Упоминание Шести Колик одним только Мелой предполагает, вероятно, существование шести племенных территорий, на которые делилась область, населенная колами» (Помпонию Мела 2017: 145). Далее, об области Колика говорит Плиний Старший (VI, 15). Размещение ее А. В. Подосиновым и М. В. Скржинской в районе современного Лихского хребта — водораздела между реками Курой и Риони, основано, видимо, на недоразумении (Подосинов, Скржинская 2011: 314; см. также: Мусбахова 2018а: 901–902). У Плиния Старшего она помещена севернее современной Абхазии, за «[различающимися] многими названиями племенами гениохов» (Plin. NH, VI, 14–15).

Конечно, ни о какой «искусственности» термина «Колика» (Мусбахова 2018а: 904) говорить мы не можем, исходя из нашего объема источников. Не следует думать, что Диоскуриада, основанная в стране гениохов, является неким маркером области гениохов во времена Мелы или Плиния Старшего: это репер исключительно для того времени, когда ойкист основал новый полис, то есть для VI в. до н. э., а Помпонию Мела (I в. н. э.) и его источники, вероятно, имели дело уже с новой реальностью и иной этнокартой. Если согласиться с этим и учесть некоторую перепутанность источников у Плиния (впрочем, поддающихся подробному анализу), ничего не будет указывать на «перемещение» Колик к юго-востоку от Диоскуриады-Себастополиса.

Не повезло и гениохам: по словам В. Т. Мусбаховой утверждение «Политии фасиан» о гениохах как первоначальном населении Фасиса «выглядит совершенно естественно в контексте Эи-Диоскуриады, ибо племя гениохов традиционно помещали именно в этом районе» (Мусбахова 2013а: 303). В самом деле, по словам Помпонию Мелы, «в области гениохов Кастором и Поллуксом, приехавшими в Понт с Ясоном, была основана Диоскуриада» (I, 111). В земле гениохов был основан, как известно, и Фасис. Но большинство античных источников (Псевдо-Скилак, Помпонию Мела,

¹⁶ Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947а: 300).

¹⁷ Здесь и далее перевод А. В. Подосинова и др. по изданию: Помпонию Мела 2017.

Аппиан, Страбон, Дионисий Перизетгет, Плиний Старший) «традиционно» помещает гениохов на северо-восточном побережье Чёрного моря, в крайнем случае, за Пителиунтом («богатейший город Пителиунт разграблен гениохами» — Plin. NH, VI, 16). Плиний Старший, кроме того, помещает гениохов и санов-гениохов в районе Апсара и Трапезунта (Plin. NH, VI, 12), а также между суанами, Понтом и ахеями (VI, 30). Здесь, безусловно, возникает некое противоречие (Скаков 2013: 32–35), но его надо пытаться объяснить, а не искусственно упрощать ситуацию, выборочно анализируя источники.

Обращаясь к кораксам, В. Т. Мусбахова, неуклонно доверяющая каждому дошедшему до нас (в большинстве случаев благодаря Стефану Византийскому) фрагменту Гекатея Милетского, неожиданно ставит под сомнение сохранившееся в передаче Стефана (Фр. 185. (Jac. 210) St. Byz.)¹⁸ утверждение о принадлежности кораксов к колхам. На каком основании? Лишь на том, что «на основании известных греческих источников район Сочи не может быть отнесен к Колхиде» (Мусбахова 2018а: 892), которая начиналась «в районе Диоскуриады»¹⁹ (Там же: 894)? Дело в том, что обозначения «племя колхов» или «скифское племя» (как и «гениохийские племена» — см.: Plin. NH, VI, 30), кроме узкого и вполне конкретного, могли иметь и имели собирательное значение. То есть такие определения не означают автоматического расширения Колхиды (в узком смысле) за счет земель кораксов и мосхов (Фр. 188. (Jac. 210) St. Byz.)²⁰ или Скифии за счет земель кораксов, халибов и самой Колхиды (подробнее см.: Скаков 2013: 26). Хотя отметим: археологические находки последнего десятилетия как раз позволяют уверенно относить район современного Сочи к исторической Колхиде, вернее, к ареалу колхидских археологических культур, входящих в кобано-колхидскую культурно-историческую общность.

Невнятный отрывок из Гелланика Митиленского (Лесбосского) (V в. до н. э.), приводимый Стефаном Византийским (V–VI вв. н. э.)²¹, вряд ли может нам помочь: «выше же керкетов живут мосхи и хариматы, ниже же гениохи, выше же кораксы» (Мусбахова 2018а: 892–893). Палефат (IV в. до н. э.) также в невразумительном отрывке размещает мосхов, керкетов и хариматов на южном берегу Чёрного моря (Буданова 2000: 398; Скаков 2013: 33)²². По крайней мере этот фрагмент с неясными пространственными индикаторами «выше/ниже» никак не может свидетельствовать о том, что «исходя из этой картины, кораксы по Гелланику оказываются обитателями внутренних районов северо-западного Предкавказья» (Мусбахова 2018а: 893).

О странной попытке «увидеть» предгорья Кавказа только с севера от хребта мы уже говорили выше, не менее странным выглядит и предположение В. Т. Мусбаховой о том, что «раз кораксы соседствовали с народом, населявшим предгорья

¹⁸ Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947а: 300).

¹⁹ Только слабым знанием археологического материала можно объяснить тезис В. Т. Мусбаховой «По общему мнению, Диоскуриада находилась на месте нынешнего Сухума» (2018а: 894; ср.: Там же: 902, 905). Кроме версии о ее нахождении на протяжении некоторого периода на месте Эшерского городища, в настоящее время активно обсуждается новая гипотеза, помещающая Диоскуриаду в район современного с. Адзюбжа, восточнее устья р. Кодор и юго-восточнее г. Сухум (Белинский, Иванчик 2018: 159–160). В случае, если эти исследователи правы, принципиально ничего не противоречит схеме Птолемея, атрибутирующего р. Кодор как р. Коракс (Мусбахова 2018а: 904–907).

²⁰ Перевод В. В. Латышева (Латышев 1947а: 301).

²¹ Перевод П. И. Прозорова по изданию: Латышев 1948: 329.

²² Там же.

Кавказа (то есть с колами. — А. С.), сами они могли локализоваться выше в горах Кавказа» (Там же: 892). Коракам вообще, можно сказать, «повезло» с количеством противоречивых и необоснованных локализаций, причем, как правило, в горной местности, вдали от моря. Их помещали в Бзыбском ущелье, в районе Цебельды, в бассейне р. Гумисты севернее современного Сухума (подробнее см.: Скаков 2013: 29–30). Проблема не только в произвольности локализаций, вопрос в том, что исследователи весьма часто (и В. Т. Мусбахова — здесь не исключение) с одинаковых позиций анализируют периплы (описания морского побережья) и перизгесы (описания известных земель). Вполне очевидно, что автор перипла не ставил себе задачу дать информацию об обитателях горных ущелий.

Стремление В. Т. Мусбаховой отправить кораксов во внутренние горные районы Кавказа неизбежно вступает в противоречие с данными источников: они видят кораксов на северо-восточных диких берегах Чёрного моря, в компании с ахеями и гениохами, среди морских разбойников и пиратов. Автор опять же выдает свою гипотезу за аксиому: есть «образ пастушеского народа, обитающего в горном Прикубанье, который складывался из рассмотренных выше свидетельств», и эта картина плохо согласуется с «компанией разбойничьих племен» (Мусбахова 2018а: 894). И далее, приняв гипотезу за аксиому: «наши самые ранние свидетельства о кораксах — Гекатей, Гиппонакт и Гелланик — с большой вероятностью указывают на горное Прикубанье как на место обитания кораксов» (Там же: 897). Извините, не указывают. Ни слова об этом в этих источниках нет. Читаем далее: «кораксы во времена Страбона продолжали заниматься овцеводством, а значит, обитали где-то во внутренних районах Северного Кавказа» (Там же: 898). На каком основании делаются такие выводы?

Тут же предлагается объяснение противоречиям в источниках, и, отметим, никаких исторических или археологических подтверждений оно не требует: «на побережье оказалась часть кораксов, тогда как остальные продолжали вести традиционный образ жизни где-то во внутренних районах северо-западного Предкавказья» (Там же: 894–895). Все решается очень просто: «возможно, что часть кораксов занимала в это время и какие-то прибрежные территории, или же они оказались там во второй половине IV в. до н. э., когда был создан перипл Псевдо-Скилака и “Метеорологика” Аристотеля» (Там же: 897). В результате стремления примирить различные источники кораксы становятся обитателями не только «горного Приэльбрусья», но также некоторых регионов «Покубанья» (??) и районов к юго-востоку от Диоскуриады (Там же: 909). Можно сказать, что кораксы повторяют судьбу гениохов и распространяются, даже вне воли исследователя, на весь Западный Кавказ.

В связи с древними кораксами В. Т. Мусбахова выходит далеко за рамки не только филологии, но и древней истории. О правомочности сближения названия «кораксы» с появляющимся только в XVII в. этнонимом «карачаевцы» («мое предположение состоит в том, что имя карачаевцев возможно связать с древними кораксами»: Мусбахова 2018а: 912) предоставим судить, в первую очередь, лингвистам²³ и специалистам по истории позднего средневековья. По нашему мнению, это пример типичной «народной этимологии» («этруски — это русские» и т. д.). Не соответствует действительности утверждение В. Т. Мусбаховой об «отсутствии понятной

²³ Оставим им же разбор абсолютно голословного утверждения В. Т. Мусбаховой о том, что к названию «Фасис», «точнее его туземному варианту, вероятно, восходит адыгейское название Кубани Псыж (Pszh), впервые зафиксированное в нартском эпосе» (Мусбахова 2014а: 91).

этимологии имени и места обитания карачаевцев» (Там же: 912). Сошлемся только на одну из новейших работ (Шумкин 2019: 18–33, 62–83). Карачай — не более чем одно из тюркских обществ в горах Центрального Кавказа (сначала жило по р. Архыз, затем переместилось в долину р. Баксан, потом, в XVII в., в Эльтаркач и Боргустан и, наконец, в верховья р. Кубань), в качестве наименования которого использовалась фамилия (имя) владельца (Карача или Карча). А «практика употребления княжеской фамилии в качестве названия общества была в горах практически повседневной» (Там же: 23). Только после советизации Северного Кавказа и образования национальных округов среди горского тюркского населения началось формирование единых представлений об идентичности. При этом утвердившиеся в качестве объединяющих этнонимов названия самых крупных обществ предназначались преимущественно для внешнего употребления. Для самих же «жителей горских обществ заменой общей этнонимии мог служить лишь географический термин *таулы* (“таустанец”), либо же аланские этнонимы, бытовавшие в виде пережитка старого золотоордынского административно-территориального деления Кавказа» (Там же: 33).

Одним из аргументов В. Т. Мусбаховой при идентификации этнонимов кораксов и карачаевцев является распространенное среди карачаевцев высококоразвитое овцеводство, сближаемое с «кораксийской накидкой» Гиппонакта («кавказская бурка»?), и высококачественная «кораксийская шерсть», упоминаемая Иоанном Цецем (Мусбахова 2018а: 887–889, 913). Аргументация несколько наивная, поскольку овцеводство получило широкое развитие у всех горских народов Западного Кавказа. К примеру, «овцеводство и козоводство составляли преимущественные скотоводческие занятия абхазов», овцы «играют очень важную культурную роль. Абхазы продолжают считать овцу “райским”, “любимым богом” животным» (Смыр 2012: 144, 147). Свидетельством высокого уровня скотоводства (мелкого рогатого скота) у древнего населения Абхазии в эпоху раннего средневековья являются, например, хорошо известные многочисленные «ацангуары» — постройки с оградками на альпийских пастбищах. Разумеется, по климатическим условиям овцеводством преимущественно занимались жители гор и предгорий, а не равнин и побережья. Но стоит ли ждать, при нежелании синтезировать данные филологии, истории и археологии, еще и привлечения данных этнографии?

В результате анализа ряда работ В. Т. Мусбаховой, непосредственно затрагивающих проблематику древней истории Восточного и Северного Причерноморья, к сожалению, приходится признать, что вывод, сделанный мною в 2014 г., остается в силе: «Подобные филологические штудии на фоне незнания археологического материала, пренебрежения неудобными источниками и своеобразных представлений о географии вряд ли могут нас удовлетворить» (Скаков 2014: 157).

Литература

- Андреев 1990 — Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат, 1990. 224 с.
- Апакидзе 1991 — Апакидзе Д. Б. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы — раннего железа. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 208 с.
- Аполлоний Родосский 2001 — Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Издание подготовила Н. А. Чистякова. М.: Ладомир; Наука, 1991. 237 с. (Литературные памятники).

- Белинский, Иванчик 2018 — *Белинский А. Б., Иванчик А. И.* К вопросу о греческой колонизации Северной Колхиды и локализации Диоскуриады в архаический и классический периоды // Кочкаров У. Ю. (ред.). Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения: ММНК. Карачаевск, 2018. С. 159–160.
- Буданова 2000 — *Буданова В. П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 544 с.
- Высокий 2004 — *Высокий М. Ф.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 399–424.
- Джаксон и др. 2007 — *Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.* «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур; Знак, 2007. 360 с.
- Доватур и др. 1982 — *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1982. 456 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР).
- Каменецкий 2011 — *Каменецкий И. С.* История изучения меотов. М.: Таус, 2011. 384 с.
- Кулланда 2008 — *Кулланда С. В.* Scythica obsoleta // ВДИ. 2008. № 1. С. 204–210.
- Латышев 1947а — *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 1 (XIX). С. 253–316.
- Латышев 1947б — *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2 (XX). С. 249–332.
- Латышев 1947в — *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3 (XXI). С. 235–315.
- Латышев 1948 — *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 3 (25). С. 217–330.
- Мачинский, Мусбахова 2009 — *Мачинский Д. А., Мусбахова В. Т.* Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам) // Зуев В. Ю. (ред.). Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: ММНК. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 319–355.
- Мусбахова 2010 — *Мусбахова В. Т.* Сравнительно-историческое изучение текста и проблемы авторства (на материале трагедии «Прометей Прикованный»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2010. 20 с.
- Мусбахова 2013а — *Мусбахова В. Т.* Комплекс античных свидетельств о локализации царства Ээта в Прикубанье // Марченко И. И. (ред.). Шестая международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 301–306.
- Мусбахова 2013б — *Мусбахова В. Т.* Прометей прикованный: Проблема авторства и датировки трагедии. СПб.: Нестор-История, 2013. 388 с.
- Мусбахова 2014а — *Мусбахова В. Т.* В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии: По материалам XVII чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 2012 г. и XVIII чтений памяти Анны и Д. А. Мачинских (Старая Ладога, 21–22 декабря 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 75–92.
- Мусбахова 2014б — *Мусбахова В. Т.* Об одной боспорской реминисценции Гиппопакта // Казанский Н. Н. (ред.). ИЯКФ — XVIII: Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2014. С. 340–354.
- Мусбахова 2018а — *Мусбахова В. Т.* Два свидетельства о кораксах в Анонимном перипле Эвксинского Понта // Зуев В. Ю., Хршановский В. А. (ред.). Боспорский феномен. Общее и

- особенное в историко-культурном пространстве античного мира: ММНК. СПб.: Изд.-полиграф. центр СПб ГУ промышленных технологий и дизайна, 2018. Ч. 2. С. 157–166.
- Мусбахова 2018б — Мусбахова В. Т. Кораксийская накидка у Гиппонакта и кораксы Гекеатя // Казанский Н. Н. (ред.). ИЯКФ — XXII (2): Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2018. С. 887–918.
- Подосинов 2015 — Подосинов А. В. Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М.: Языки славянских культур, 2015. 200 с.
- Подосинов, Скржинская 2011 — Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Помпоний Мела 2017 — Помпоний Мела. Хорография / Подосинов А. В. (ред.). Античная библиотека. Латинская серия. Т. 2. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 512 с.
- Ртвеладзе 2012 — Ртвеладзе Э. В. Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012. 296 с.
- Скаков 2013 — Скаков А. Ю. Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Скаков А. Ю. (ред.). Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. Т. 1. Абхазия. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 23–75.
- Скаков 2014 — Скаков А. Ю. Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Бгажноков Б. Х., Фоменко В. А. (ред.). Древняя и средневековая культура адыгов: Материалы Междунар. научно-практической конф. (г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г.). Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского НЦ РАН, 2014. Ч. 1. С. 151–172.
- Скаков и др. 2016 — Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Журавлёв Д. В. Античный керамический импорт Джантухского могильника // Древняя Диоскуриада: Материалы конф. 4 декабря 2015 года, г. Сухум. Сухум, 2016. С. 55–71.
- Смыр 2012 — Смыр Г. Скотоводство // Анчабадзе Ю. Д., Аргун Ю. Г. (ред.). Абхазы. 2-е изд. М.: Наука, 2012. С. 144–150 (Народы и культуры).
- Шумкин 2019 — Шумкин А. В. Тюрки Центрального Кавказа в XVI–XVIII веках (проблемы этнической истории). Челябинск: Изд-во Челябинского гос. института культуры, 2019. 164 с.
- Эсхил 1989 — Эсхил. Трагедии / Пер. Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989. 592 с. (Литературные памятники).

TOWARDS THE QUESTIONS OF THE LOCATION OF PHASIS, THE DISPERSAL OF HENIOCHI AND THE WHEREABOUTS OF KORAXOI

A. YU. SKAKOV

Keywords: *Early Iron Age, Antiquity, written records, Kolkhida, Caucasus.*

The paper analyzes some recent works of philologist V. T. Musbakhova dealing with the history of the Eastern Black Sea region in the age of Antiquity. It is concluded that V. T. Musbakhova's arguments are insufficiently substantiated and based on a selective use of evidence. As a result, her attempt to relocate the geographical names (Phasis) and ethnonyms (Koraxoi etc.) from the eastern shore of the Black Sea to the Kuban region and inner parts of the Western Caucasus has proved unsuccessful.

ХРОНИКА

**«АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ:
ЮГРА — ВОЛОСТЬ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО В XI–XV ВЕКАХ»:
КРАТКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(1–5 ОКТЯБРЯ 2018 Г., Г. СУРГУТ)¹**

В. В. ГАЕВСКАЯ, З. Г. ГАЙДАКОВА²

Ключевые слова: север Западной Сибири, Югра, Великий Новгород, конференция, проект «Многовековая Югра», «История ХМАО-Югры».

С начала 1960-х гг. в Ханты-Мансийском автономном округе (далее — ХМАО) — Югре археологическая наука формировалась, преимущественно, на основе охранно-спасательных исследований. Региональные научно-исследовательские организации начали работать в 1990-е гг., но тенденция развития остается прежней. До настоящего времени изучение древней истории Югры определялось хозяйственным освоением территории, а не научными задачами. В рамках проекта «Многовековая Югра» 1–5 октября 2018 г. была проведена Всероссийская конференция «Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках». Основная тема форума — обсуждение проблемы вхождения современной территории Югры в состав Древнерусского государства и взаимодействие населения Северо-Восточной Европы и севера Западной Сибири.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-166-170

1–5 октября 2018 г. в г. Сургут на базе Института гуманитарного образования и спорта Сургутского государственного университета состоялась Всероссийская научная конференция «Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках». Конференция организована и проведена Сургутским государственным университетом ХМАО-Югры, Институтом археологии Севера, научно-производственным объединением «Северная археология-1» при содействии Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Института археологии РАН (Москва) и Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург). Конференция проводилась при финансовой поддержке Фонда президентских грантов, проект № 18-1-002471, Департамента

¹ Работа выполнена на средства Фонда президентских грантов по проекту №: 18-2-007554 «Археологические древности Югры: от начала расселения человека до эпохи Российского государства. 2 этап».

² В. В. Гаевская, З. Г. Гайдакова — Институт археологии Севера, г. Нефтеюганск, 628305, Россия.

общественных и внешних связей ХМАО-Югры, проект «Археологические древности Югры» и за счет собственных средств организаторов.

В работе конференции приняли участие более 60 специалистов из 26 научных, культурных и учебных центров России, среди которых представлены как опытные исследователи — члены-корреспонденты РАН, доктора и кандидаты наук, так и молодые ученые — аспиранты, научные сотрудники, студенты, представители гуманитарных и естественных наук — археологи, антропологи, этнографы, историки, палеоэкологи, географы, а также сотрудники музеев. Материалы конференции опубликованы (Археология Севера России... 2018).

В качестве одной из тем поручения губернатора ХМАО-Югры Н. В. Комаровой была обозначена реализация проекта «Многовековая Югра», предусматривающего поддержку гуманитарных и естественнонаучных исследований для реконструкции региональной истории. В рамках проекта выделено направление по созданию многотомной истории ХМАО-Югры. Сегодня активно обсуждаются проблема исторических связей современного субъекта Российской Федерации — Ханты-Мансийского автономного округа — с летописной Югрой и время ее вхождения в состав земель Новгорода Великого. Археологическая конференция «Археология Севера России...», посвященная проблеме включения Югры в состав земель Новгорода Великого, является логическим продолжением введения в научный оборот результатов исследовательских программ по изучению российского Севера и определению перспективных направлений научных работ по этой проблематике. На конференции основное внимание было сосредоточено на двух тематических направлениях.

1. Югра и Новгородская земля в этнокультурном и социально-политическом пространстве XI–XV вв.: взаимодействие населения Северо-Восточной Европы и севера Западной Сибири; становление политических институтов и социальная организация общества; культурная экспансия и опосредованное влияние (по данным письменных источников, археологии, лингвистики, антропологии и архитектуры); религия и взаимоотношения югорских племен и новгородских первопроходцев.

2. Новгород Великий в освоении северных территорий: история и пути проникновения населения Новгородской республики в Югру; формы и особенности югорской рецепции проникновения; волости Новгорода Великого: «а се волости новгородские»; походы новгородцев и их роль в освоении Древнерусским государством территорий Севера Евразии.

На конференции обсуждались вопросы как научного, так и практического характера, в том числе проблемы изучения историко-культурного наследия Севера Евразии, его сохранения в современных условиях и использования в общественных целях. Проанализированы информационные возможности археологических, этнографических, исторических, архитектурных источников по истории в реконструкции первых северных городов.

В рамках круглого стола прошло обсуждение структуры, концепции и принципов создания многотомного издания по региональной истории ХМАО-Югры, представленной региональными археологами.

Проект «Академическая история Югры» был запущен проектным комитетом правительства ХМАО-Югры в январе 2018 г. в рамках реализации другого, более широкого, проекта «Многовековая Югра», основная цель которого — формирование

региональной идентичности жителей ХМАО-Югры. Перечислим основные задачи проекта «Академическая история Югры»:

- 1) создание «Истории ХМАО-Югры» как базового фундаментального информационного продукта;
- 2) информационное медиа-сопровождение и популяризация знаний об истории и культурных особенностях региона;
- 3) развитие региональной науки на базе государственных учебных организаций путем создания научного консорциума археологов и историков Югры, а также ученых других российских научных организаций. В ХМАО-Югре существуют научные сообщества историков, которые функционируют в рамках как образовательных учреждений, так и научно-исследовательских организаций — Сургутского ГУ, Сургутского государственного педагогического университета, Нижневартовского ГУ, Югорского ГУ, Обско-Югорского института прикладных исследований и разработок, Муниципального автономного учреждения «Барсова гора», Научно-производственного объединения «Северная археология-1», «Научно-исследовательского проектно-изыскательского этноархеологического центра», Института археологии Севера. Сотрудники этих организаций станут основными участниками этого регионального проекта.

Представление истории ХМАО-Югры предполагается в рамках соответствующих общемировых принципов периодизации, а также в контексте российских и общемировых исторических процессов:

— Prehistoric: период доисторический, история Югры до XI в. (начиная с верхнего палеолита, L–XLV тыс. до н. э. и до конца I тыс. н. э.);

— Historic: период исторический, с XI в. — начала вхождения территории Югры в состав Древнерусского государства.

Археологическое наследие ХМАО-Югры имеет определенные особенности, отличающие регион от сопредельных территорий с близким ландшафтом. Югра включает зону северной тайги Западной Сибири. На территории Югры площадью 535 000 км² учтено около 5850 объектов археологии (nasledie.admhmao.ru).

По количеству памятников Югра превосходит сопредельные регионы. В таежной зоне Северо-Востока Европы в республике Коми и Пермском крае, на территории общей площадью 576 137 км², где выявление археологических древностей происходит более 100 лет, учтено 2455 объектов археологии. В зоне северной тайги и тундры севера Западной Сибири, в Ямало-Ненецком автономном округе, общей площадью 750 000 км², учтено 550 объектов археологии.

Следует отметить уникальные особенности древней истории Югры: 1) высокая плотность населения таежной зоны севера Западной Сибири в древности; 2) наличие большого числа укрепленных поселений, не характерных для обществ охотников (городки составляют около 12 % — более 700 объектов); 3) наличие систем коллективной охоты на крупных копытных (около 1000 объектов — крупнейший в Евразии комплекс, около 20 % памятников); 4) сложные архитектурные сооружения эпохи неолита (четыре памятника возрастом 8000–9000 л. н.).

Археологические памятники Югры составляют 96 % всего культурного наследия региона. Считаю особо важным паритетное представление в «Истории ХМАО-Югры» всех исторических периодов, особенно археологических феноменов древнейших эпох, поскольку именно они будут способствовать формированию

уникального исторического облика нашего региона. Югорскими археологами был предложен следующий вариант периодизации.

Том 1. История ХМАО-Югры в доисторический период. Регион до XI в. (от верхнего палеолита, L–XLV тыс. до н. э. и до конца I тыс. н. э.):

Книга 1. Западносибирская тайга в эпоху верхнего палеолита — мезолита (на рубеже геологических эпох плейстоцена — голоцена, L–IX тыс. до н. э.);

Книга 2. Западносибирская тайга (от эпохи камня к эпохе бронзы, VIII — начало I тыс. до н. э.);

Книга 3. Западносибирская тайга в эпоху железа (возможные названия «Обретение Югры» или «Появление Югры»). Середина I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.

Том 2. История ХМАО-Югры в ранний исторический период. Югра в составе Российского государства в XI — начале XX в. (1032–1917 гг.):

Книга 1. Югра — волость Новгорода Великого, XI — середина XV в. (1032–1484 гг.);

Книга 2. Югра в составе Московского царства, середина XV — XVII в. (1484–1699 гг.);

Книга 3. Югра уездная в составе Российской империи, XVIII–XX вв. (1700–1917 гг.).

Том 3. История ХМАО-Югры в новейший период и настоящее время, начало XX — начало XXI в. (1917–2017 гг.):

Книга 1. ХМАО-Югра в эпоху Советской России, первая половина XX в. (1917 — середина 1950-х гг.);

Книга 2. ХМАО-Югра в эпоху промышленного освоения недр, вторая половина XX в. (середина 1950-х — 1991 г.);

Книга 3. ХМАО-Югра в настоящее время, рубеж XX–XXI вв. (1991–2017 гг.) («На рубеже эпох»).

Создание многотомной «Истории ХМАО–Югры» невозможно без непосредственного участия ведущих археологических и исторических исследовательских организаций Российской академии наук. Для реализации научных исследований, анализа и подготовки рукописи каждого тома в рамках рабочих конференций предполагается формирование авторского коллектива из специалистов, имеющих авторский материал.

Участники Всероссийской научной конференции «Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках» вынесли следующие решения, рекомендуемые к рассмотрению органами законодательной и исполнительной власти регионов, а также представителями образовательных и научно-исследовательских учреждений.

1. Всероссийская научная конференция «Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках» соответствует уровню всероссийских научных конференций. На конференции впервые были представлены результаты новейших археологических открытий югорских археологов в области истории Севера России.

2. Проведение Всероссийской конференции «Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках» считать успешным, в связи с чем рекомендовать периодичность проведения подобных научных форумов с интервалом 3–5 лет. В качестве следующей темы конференции рекомендовать тему «Югра в составе Московского царства в XV–XVII вв.».

3. В рамках круглого стола «Территория Югры и время ее вхождения в состав Древнерусского государства в качестве волости Новгорода Великого» был заслушан и обсужден коллективный доклад: В. А. Кардаш, А. В. Кениг, Г. П. Визгалов, Е. А. Гирченко «Академическая история Югры: концепции и создание

региональной истории». Участниками конференции концептуальный подход признан соответствующим современному уровню комплексного археологического исследования. Концепция создания и периодизация не вызывают возражений. В таком виде предлагается принять ее за основу и доработать по результатам непосредственной разработки по эпохам.

4. Необходимо подготовить и выпустить вторую часть свода источников и исследований по теме, куда должны быть включены неопубликованные доклады и другие выступления по данной тематике, прозвучавшие в процессе работы конференции.

5. Конференция подчеркнула чрезвычайную значимость интеграции научных центров Российской академии наук, университетов, центров охраны и изучения историко-культурного наследия с целью оптимального решения научных, образовательных и охранных проблем северных регионов России и Сибири как имеющую огромную важность для реализации научного, образовательного и культурного потенциала страны.

Литература

Археология Севера России... 2018 — Лапшин В. А. (отв. ред.). Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований. Ч. 1: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с международным участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.). Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Институт археологии Севера, 2018. Ч. 1 — 500 с.; Ч. 2 — 492 с.

«ARCHAEOLOGY OF THE NORTH OF RUSSIA: YUGRA — THE COUNTY OF NOVGOROD THE GREAT IN THE XI–XV CENTURIES»: BRIEF RESULTS OF THE ALL-RUSSIA ARCHAEOLOGICAL CONFERENCE (OCTOBER 1–5, 2018, SURGUT)

V. V. GAEVSKAYA, Z. G. GAIDAKOVA

Keywords: *north of West Siberia, Yugra, Novgorod the Great, conference, «Centuries Old Yugra» project, «history of Khanty-Mansi Autonomous District-Yugra».*

Since the early 1960's archaeology of Khanty-Mansi Autonomous District-Yugra has been forming mainly on the basis of rescue excavations. Regional science research institutions started to work in the 1990's, but the old tendency still prevails. Until now the study of the ancient history of Yugra has been guided by economic activities rather than scholarly objectives. The All-Russia archaeological conference «Archaeology of the North of Russia: Yugra — the County of Novgorod the Great in the XI–XV centuries» was held within the framework of the project «Centuries Old Yugra». The Forum's central themes were the incorporation of Yugra into the composition of Russia and the interaction between the populations of Northeastern Europe and the north of West Siberia.

AD MEMORIA

ДЕННИС ДЖ. СТЭНФОРД (1943–2019)

Деннис Стэнфорд в рабочем кабинете в Национальном музее естественной истории, примерно 2014 г. (Фото: Marcia Bakry)

Dennis Stanford in his office in the National Museum of Natural History, around 2014 (Photo by Marcia Bakry)

Деннис Стэнфорд скончался в Вашингтоне, округ Колумбия, 24 апреля 2019 г. Его научная карьера, протяженностью более чем полстолетия, была посвящена изучению древних этапов истории коренного населения Америки. Несмотря на то что в последние годы его имя часто ассоциируется с противоречивой гипотезой о первоначальном заселении обеих Америк выходцами из Европы, владевшими солютрейской технологией производства каменных наконечников (Bradley, Stanford 2004; Stanford, Bradley 2012), Стэнфорд внес важный неоспоримый вклад в археологию Северной Америки, включая археологию Арктики. Количество его публикаций заметно превышает сотню, включая несколько книг (Frison, Stanford 1982, Stanford, Bradley 2012), в которых он выступал в качестве редактора, и монографий. Он был ярким человеком, был любим и уважаем коллегами и являлся одной из наиболее заметных личностей в археологической науке Соединенных Штатов.

Деннис Стэнфорд родился 13 мая 1943 г. в г. Чероки, штат Айова, однако вырос в южном Вайоминге (город Роулинс), где у него развился интерес к ранним этапам археологии центральной части Великих Равнин и Скалистых Гор, пронесенный через всю жизнь. Однако его первые достижения в археологии оказались связаны с отдаленным арктическим побережьем Аляски. Будучи студентом-дипломником Университета Нью-Мексико, Стэнфорд в 1968 г. возглавил экспедицию для охраняемых раскопок в Утквиагвик, Аляска, в окрестностях Барроу. Когда начало работ оказалось заблокировано городским советом, он изменил первоначальный план и сконцентрировался на изучении поселения Уалакпа, расположенного к юго-западу от Барроу. Эта работа стала основой его диссертационного исследования, а результаты ее были монографически опубликованы Смитсоновским институтом в 1976 г. (Stanford 1976). Это исследование до сих пор остается важнейшим вкладом в археологию Аляски и позднего этапа доистории западной Арктики.

Стэнфорд начал работать в Смитсоновском институте в 1972 г. и оставался его сотрудником до конца жизни. Его исследования в этот период были сконцентрированы в основном на проблемах палеоиндейской археологии и проблеме происхождения коренного населения Америки. Его полевые исследования и публикации охватывают важнейшие памятники центральной части Великих Равнин, такие, как Джонс-Миллер (Хелл Гэп) на северо-востоке штата Колорадо и Агэйт Бэзин в восточном Вайоминге (описан в классической монографии 1982 г. в соавторстве с Джорджем Фризоном) (Frison, Stanford 1982). Вместе с Маргарет Джодри, женой и коллегой по Смитсоновскому институту, он изучал памятник Стюарт Кэттл Гвард — стоянку охотников на бизонов культуры фолсом в долине Сан Луис на юге штата Колорадо.

Денниса Стэнфорда особенно интересовала проблематика, связанная с исследованием североамериканских стоянок, предшествующих памятникам культуры кловис, и в течение второй половины 1970-х и в 1980-х гг. на северо-востоке Колорадо им было изучено несколько возможных объектов подобного рода, включая Даттон, Селби и Лэм Спрингс, каждый из которых содержал костные остатки мамонтов, потенциально связанные с деятельностью человека, предшествующей времени культуры кловис. В этот период археологи в Канаде и США сконцентрировали усилия на попытке верифицировать ранний этап заселения человеком Американского континента с помощью тафономического анализа костных остатков мегафауны и идентификации артефактов, изготовленных не из каменных материалов. В июле 1978 г. Стэнфорд совместно с Ричардом Морланом провел знаменитый эксперимент по разделке туши слона с использованием костяных орудий. Со временем убежденность Стэнфорда в том, что комплексу кловис предшествовал более древний культурный горизонт, нашла вещественное подтверждение в серии открытий в Северной и Южной Америке, и столь жарко обсуждавшийся в 1970-е и 1980-е гг. вопрос перестал быть главным пунктом дискуссий.

Подобно прочим археологам, Стэнфорд изначально рассматривал Сибирь и Берингию как источник ответов на вопрос о том, как и когда предки коренных американцев впервые оказались в Западном полушарии. Однако около 2000 г. он переключил свое внимание на Западную Европу. Совместно со своим коллегой Брюсом Брэдли Деннис Стэнфорд изучал черты сходства в технологии изготовления двусторонне обработанных орудий культуры кловис и верхнепалеолитической солотрейской культуры Франко-Кантабрии, возраст которой соответствует последнему

ледниковому максимуму. Для тех, кто скептически воспринял идею трансатлантического путешествия в разгар самого холодного климатического эпизода за последние сто тысяч лет, он создал на основании собственного опыта в Арктике картину миграции вдоль границы морского льда, где древнему человеку могли быть доступны морские ресурсы.

Стэнфорд также проводил исследования стоянок на восточном побережье Северной Америки (в зоне Чезапикского залива), где, как он считал, можно было бы обнаружить свидетельства, подтверждающие связь между материалами кловис и солютрейскими. В дополнение к научным статьям и публичным лекциям, Стэнфорд и Брэдли в 2012 г. в соавторстве выпустили широко известную книгу, в которой рассмотрены вопросы возможной трансатлантической миграции (Stanford, Bradley 2012). Популярная в медийном пространстве в профессиональной среде эта работа встретила последовательную критику. Стэнфорд, казалось, был к ней безразличен, и я помню, как присутствовал при его вдохновенной защите идеи трансатлантической миграции на археологической конференции в Форт Коллинз в октябре 2014 г., посвященной 80-летию со дня открытия палеоиндейской стоянки Линденмайер.

Защита Стэнфордом солютрейской гипотезы доминировала в последние двадцать лет его жизни и карьеры и, возможно, как-то сказалась на его позициях в профессиональной среде. Однако это не уменьшает его многочисленные заслуги и вклад в области палеоиндейской археологии. Это не может отменить живые воспоминания о его широкой натуре, чувстве юмора и безграничном энтузиазме в отношении несовершенной науки археологии.

Литература

- Bradley, Stanford 2004 — *Bradley B., Stanford D. J.* The North Atlantic ice-edge corridor: A possible Palaeolithic route to the New World // *World Archaeology*. 2004. Vol. 36, no. 4. P. 459–478.
- Frison J., Stanford D. J. 1982 — *Frison J., Stanford D. J.* The Agate Basin Site. New York: Academic Press. 1982.
- Stanford 1976 — *Stanford D. J.* Walakkpa Site Alaska: Its Place in the Birnirk and Thule Cultures. Место издания, 1976. 226 p. (Smithsonian Contributions to Anthropology).
- Stanford, Bradley 2012 — *Stanford D. J., Bradley B.* Across Atlantic Ice: The Origin of America's Clovis Culture. Berkeley: University of California Press. 2012.
- Stanford, Day 1992 — *Stanford D. J., Day J. S.* Ice Age Hunters of the Rockies. Boulder: Denver Museum of Natural History and University Press of Colorado. 1992.

Джон Ф. Хоффекер
Институт арктических и высокогорных исследований,
Университет Колорадо, Боулдер, Колорадо, США,
18 июля 2019 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.: Наука
- АВ — Археологические вести. СПб.
- АЗ — Археологические записки. Ростов н/Д
- АН — Академия наук
- АСГЭ — Археологический сборник ГЭ. Л./СПб.: Изд-во ГЭ
- ВАС — Всероссийский археологический съезд
- ВВАЭ — Верхневолжская археологическая экспедиция
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ГАИМК/
РАИМК — Государственная/Российская академия истории материальной культуры.
Пг./Л.
- ГАН — Государственные академии наук
- ГИМ — Государственный исторический музей. М.
- ГУ — Государственный университет
- ГЭ — Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЗИИМК — Записки ИИМК РАН. СПб.
- ИА — Институт археологии
- ИАК — Императорская археологическая комиссия. СПб.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН.
Л.; М./СПб.
- ИЯКФ — Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб.: Наука
- КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.
- КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
- Л. — Ленинград
- ЛГУ/
СПбГУ — Ленинградский/Санкт-Петербургский ГУ
- ЛОИА/
ЛОИИМК — Ленинградское отделение ИА/ИИМК АН СССР
- М. — Москва
- МАР — Материалы по археологии России
- МГУ — Московский ГУ им. М. В. Ломоносова

- ММНК — Материалы международной научной конференции
МНК — Международная научная конференция
НА — Научный архив
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НКТ — Невская Книжная Типография. СПб.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НОА — Научно-отраслевой архив
НС — Новая серия
НЦ — Научный центр
ОАВЕС — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. ГЭ. СПб.
ОР ГМИИ — Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
Пг. — Петроград
ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск.
РА/СА — Российская/Советская археология. М.
РАН — Российская академия наук
РАО — Русское археологическое общество. СПб.
РО — Рукописный отдел
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
Сб. — Сборник
СПб. — Санкт-Петербург
СПбГИК/
СПбГУКИ — Санкт-Петербургский государственный институт культуры/
Санкт-Петербургский государственный университет культуры
и искусств
ТД — Тезисы докладов
Тр. — Труды
ФНИ — Фундаментальные научные исследования
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
ЦГАМ — Центральный государственный архив Москвы
ЧГИГН — Чувашский государственный институт гуманитарных наук.
Чебоксары
ЮНЦ — Южный научный центр РАН. Ростов н/Д
ИНМС — Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg
LIMC — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich und München: Artemis
RAS — Russian Academy of Sciences

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 21**

Корректоры: Г. А. Седова, О. К. Чеботарева
Верстка Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 24.12.2019. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,46. Тираж 300 экз. Заказ 983

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Книжная Типография»
197101, Санкт-Петербург, Ропшинская улица, дом 1/32, литер А,
помещение 4Н, офис 9
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru